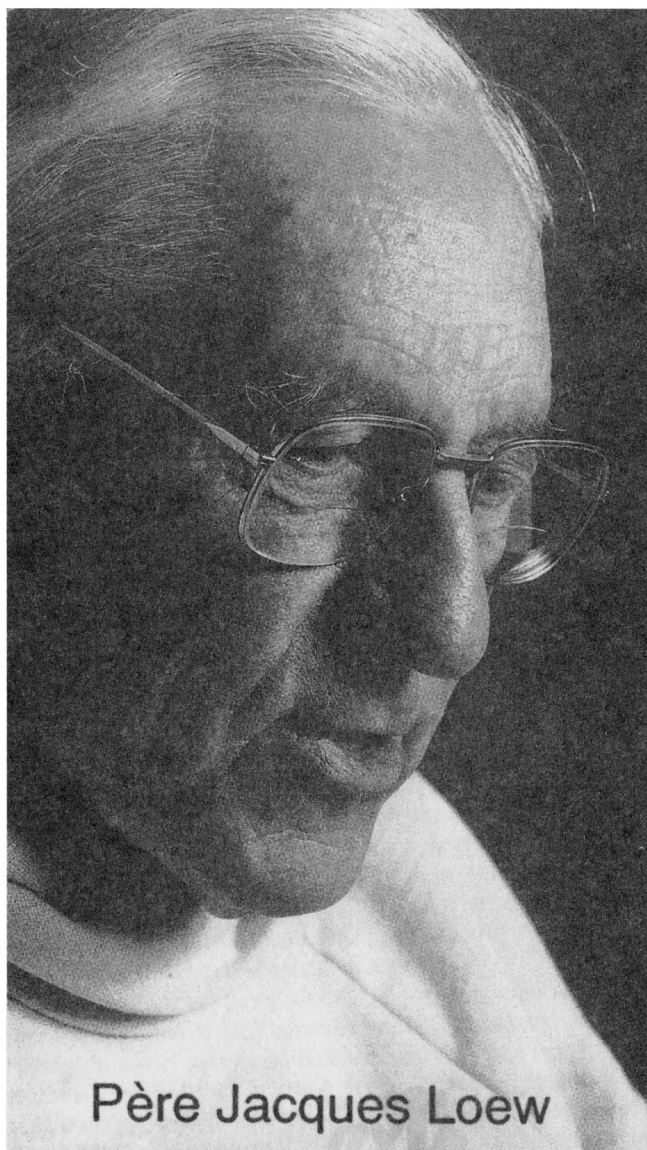

Священник
Жак Лёв

ВЕЛИКИЕ
УЧИТЕЛИ
МОЛИТВЫ

пуТЬ

Père Jacques Loew

Священник
Жак Лёв

ВЕЛИКИЕ
УЧИТЕЛИ МОЛИТВЫ

"Книжный мир экумены" © 2012

путь
МОСКВА 2002

ББК 84
Л 01

СВЯЩЕННИК
ЖАК ЛЁВ

**ВЕЛИКИЕ
УЧИТЕЛИ МОЛИТВЫ**

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ISBN 5-86748-104-2

© Текст, Жак Лёв, 1975

© Перевод, “Жизнь с Богом”, 1986

© Предисловие, о. Г. Чистяков

© Послесловие, “Путь”

© “Путь”

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отец Жак Лёв впервые попал в Россию задолго до «перестройки», когда в СССР начали открыто бывать не только официальные представители церковных структур, которые приезжали исключительно в рамках протокола, по официальным приглашениям Патриархии, согласованным как с Советом по делам религий, так и с другими (*более серьёзными*) органами, но и **просто христиане** – мать Тереза, Жан Ванье и другие.

Отец Жак впервые приехал в Россию много раньше, ещё при Брежневe - когда была объявлена «разрядка» и иностранцев стали пускать в Москву охотнее – в качестве туриста. Он просто купил туристическую путёвку и так оказался в России. С 1977-го по 1982 год он приезжал в Москву пять раз.

Почему именно он? Скорее всего, по той причине, что заочную встречу с Россией он пережил в годы юности. Причём не благодаря чтению Толстого и Достоевского и не в результате знакомства с русскими философами в Париже, что было бы вполне естественно для молодого французского интеллектуала, а совсем по-особенному. Жак Лёв, тогда молодой юрист, дружил с известным католическим писателем Станиславом Фюмэ, жена которого, Анюта, была русского происхождения. Именно она познакомила его с другой русской француженкой – женой великого христианского мыслителя нашего столетия Жака Маритэна Раисой. Родители обеих оказались во Франции задолго до революции. Их необычная для Франции начала века, православная по духу религиозность, хотя обе были католичками, и особого рода любовь к России, свободная от той горечи, которая была присуща эмиграции послереволюционного периода и русскому Парижу, в чём-то передалась Жаку Лёву.

Эти женщины, кажется, не говорили по-русски и поэтому не были связаны с эмиграцией, но считали себя русскими и, как вспоминал потом отец Жак, жили «среди ангелов и святых». Поэтому в начале 70-х годов он стремился попасть не в ту страну, из которой после 1917 года были изгнаны сотни тысяч русских людей, а совсем в другую Россию – туда, где жили святые, которым возносили молитвы Анюта Фюмэ и Раиса Маритэн. Вот почему Жаку Лёву удалось то, что не считал для себя возможным отец Александр Шмеман, который не раз говорил, что никогда не поедет в Россию в качестве американского туриста.

При этом в Москве отец Жак был просто необходим. Именно от него мы услышали, что на Западе есть верующие люди, которые знают и любят православие и хотят нам помочь. Именно он сумел как-то очень просто и вместе с тем точно объяснить нам, что в Бога мы верим не в силу того, что привязаны к прошлому, и не потому, что, получив филологическое образование, мы, подобно героям Германа Гессе, живём образами былого, искусственно культивируя в себе средневековую религиозность, а совсем по другой причине - в силу того, что Христос, Который «вчера, и сегодня, и во веки Тот же», живёт среди нас.

Именно он смог сказать нам, что христианство не устарело и не является сегодня умирающей религией людей, которых на Земле неуклонно становится всё меньше и меньше. Сегодня это может показаться абсурдным, но тогда о том, что на Западе есть много верующей молодёжи и существуют разного рода христианские молодёжные движения, в СССР действительно не знал никто. Одним словом, «железный занавес», который в области веры был особенно непроницаемым, первым прорвал именно Жак Лёв.

Особенной миссия отца Жака в России была ещё и потому, что он приехал в страну массового атеизма не в качестве священника, который, в отличие от нас, сохранил веру отцов, но именно как бывший атеист. Как человек, который знает, что такое безбожие, по собственному опыту.

Жак Лёв родился в 1908 году в Клермон-Ферране в по-настоящему культурной семье, где процветал типичный для Франции начала века «просвещённый» антиклерикализм. Его отец дружил с Пэги, пока он был социалистом, но после того, как тот обратился и стал католиком, порвал с ним. Сочинения Леона Блуа, католика, всю жизнь боровшегося с церковными структурами и официальным католицизмом, украшали его библиотеку, а сам Блуа был дружен с кем-то из его близких родственников.

«Отец, не желая, чтобы на меня влияли “попы”, и в то же время считая невозможным, чтобы я остался человеком, который ничего не знает о Христе, отправил меня в воскресную школу к протестантам», – рассказывает Жак Лёв в одной из своих книг. Поэтому Фюмэ, когда Жак появился в его доме, решил, что он – «непрактикующий протестант». Однако его отец был католиком: «Представьте себе моё удивление, когда лет через сорок, после того как отец вновь стал ходить в церковь, он показал мне чётки, подаренные ему в день первого причастия, чётки, которые он, спрятав, быть может, и от себя самого, хранил в течение всей своей жизни».

Вера – это всегда тайна, которая живёт в глубинах нашего сердца вне зависимости от того, как к этому относится общественное мнение. Вот, наверное, тот главный урок, который вынес Жак Лёв из антиклерикализма своего отца. Урок особенно важный для человека, который живёт в обществе, где вера либо преследуется, как это было в Советском Союзе, либо объявляется чем-то вроде официальной идеологии.

В университетские годы Жак много болел. «В двадцать четыре года я был не сомневающимся в вере, но полностью атеистом». Однако в санатории, где он лечился, было много книг богословского содержания, которые Жак начал читать. «Истина о присутствии Того, Кого я не называл ещё Создателем, стала для меня светом, всё более истинным и сильным». При этом он долго ограничивался тем, что сам читал книги, но ни с кем никаких разговоров о религии не вёл. Так он начал становиться носителем «книжного» христианства.

На этом этапе своего духовного пути Жак Лёв провёл несколько дней в небольшом монастыре близ Фрибурга. Здесь каждое утро он при-

ходил в церковь на мессу. «Когда все обитатели монастыря вставали вокруг алтаря, чтобы причаститься, я оставался один на своей скамье. В этот момент передо мною всякий раз вставала неумолимая альтернатива: либо эти люди безумны и поэтому верят в незнамо какие басни об ином мире, либо слеп я. Это производило на меня огромное впечатление, убежать или как-то избавиться от которого было просто-напросто невозможно. И теперь я всё ещё вижу себя остававшимся в одиночестве на краю скамьи. Разумеется, тогда, чтобы поверить, этого было недостаточно, но именно это чувство толкнуло меня на поиски «гипотетического» Бога, причём заставило меня искать Его не только в книгах, но спросить у Него Самого, просить Его, чтобы Он открылся: одним словом, я стал молиться. И как-то спонтанно мне на уста пришла старая молитва из времён воскресной школы: **Отче наш**».

Наверное, уже с этого времени Жак Лёв становится убеждённым проповедником молитвы - того, чего более всего не хватает человеку сегодня. Именно молитве посвящены его лучшие книги: *«Великие Учители молитвы»* и *«Жизнь по примеру великих молитвенников»*.

«Молитва начинается в тот момент, когда мы осознали, что Бог хочет нам дать нечто необъятное... Чтобы она не была похожа на искусственный цветок, а проросла, расцвела и приносила плоды, она должна быть вплетена в повседневную ткань нашего существования... Молитва – это не пошлина, которую платят Богу, и не обязанность, которую обещали исполнить, а поиск близости Божией... Молитва не всегда бывает лёгкой и радостной, но главное заключается в том, что в молитве я ищу Бога, направляюсь к Нему и схожу со своего повседневного пути... Молитва – это значит слушать вместе с Моисеем, как Бог говорит со мной лицом к лицу...»

Так в разные годы своей жизни писал отец Жак. В 1939 году он становится священником, до 1941 года продолжает образование, а затем принимает необычное решение: поступает работать докером в марсельский порт, чтобы разделить вместе с рабочими все трудности их существования. Становится первым из священников-рабочих. Изю дня в день в течение тринадцати лет он таскает тяжеленные мешки, он, болезненный интеллектual, по собственному признанию, «никогда прежде не поднимавший ничего, что было бы тяжелее авторучки». Невероятно устаёт, молится, мысленно воспринимая каждый новый мешок как бусину на четках, и не бросает этой работы, хотя многим он кажется сумасшедшим. Но и Христос жил среди простых людей.

Священник среди рабочих, он решается на эту жизнь, ибо видит, что докеры и вообще все люди, занятые физическим трудом, не только не слышат, но и не хотят слышать ни одного священника. Все они находятся в той или иной степени под влиянием марксизма и в силу этого обстоятельства не могут почувствовать Бога и Его присутствие. Однако, когда отец Жак становится одним из них, ситуация меняется. Вокруг него начи-

нают собираться докеры, в сердцах у которых просыпается вера. У рабочего в сутане появляются единомышленники и друзья.

«Если миссия христианина заключается в участии в **сверхъестественном** деле спасения, если спасение заключается в том, чтобы восстановить любовь между Богом и людьми, если зло, от которого человека следует избавить прежде всего, состоит в том, что он живёт в состоянии **нелюбви**, то марксисты оказываются теми, кто более всего нуждается в спасении», – пишет Жак Лёв в книге «Дневник рабочего-миссионера».

В идеологии марксизма он видит своего рода христианство наоборот. Если христиане вместе (как тело Христово) исповедуют любовь, то коммунисты, коллективно (как партия) исповедуя **ненависть**, становятся носителями тотального зла. Христос зовёт верующих воплощать любовь, которой они полны, в реальной жизни, коммунисты же **воплощают** в жизни **зло**, ибо делают главным её законом ненависть. «Каждый марксист, даже тот, кто в личном плане практикует добро, участвует в этом всеобщем грехе, будучи “членом” партии, в грехе, который он умножает, зачастую и не догадываясь об этом». Говоря о коммунистах, отец Жак сознательно берёт слово «член» партии в кавычки, подчёркивая, что оно взято у апостола Павла, который говорит о теле Христовом и его членах; по его мнению, такое заимствование тоже характеризует марксизм как христианство, вывернутое наизнанку.

Однако задача Жака Лёва заключалась не в том, чтобы бороться с теоретиками марксизма. Он считал нужным помочь рабочим, оказавшимся под влиянием «вечно живого учения», освободиться от него. И это у него получалось. При этом в университетской среде и среди учёных иезуитов отец Жак не считался специалистом по марксизму. Он был только простым миссионером и считал, что именно в этом заключается его счастье. Нельзя не заметить, что в России он был незаменим и по той причине, что понимал, что такое марксизм, и знал, как помочь человеку вырваться из под его воздействия.

В Риме 50-х годов его понимали плохо. И хотя кардинал Монтини (будущий Павел VI) высоко оценил служение о. Жака и горячо поддержал его, однако миссионерство среди рабочих ему как священнику-докеру было запрещено. Для проповеди среди рабочих о. Жак Лёв основывает Миссию святых Петра и Павла, а затем с 1963 по 1969 год живёт и трудится в нищей Бразилии, где его до сих пор помнят как святого.

«Евангелие написано не для того, чтобы быть понятым; в него нужно вступить как на порог тайны», – говорила Мадлэн Дельбрель, с которой отца Жака связывали долгая дружба и общее служение. Именно **на порог тайны** помогает ступить он всем, кого считает друзьями, а таковыми он считает всякого, кого встретит на дороге жизни.

В 1969 году, вернувшись в Европу, он основывает Школу веры во Фрибурге. В жизни отца Жака само слово «школа» было одним из ключевых. Школа веры – это не университет и не семинария, а учебное заведение особого типа, где каждый чувствует себя учеником, ибо слово «уче-

ник», как подчёркивает о. Жак, повторяется в Евангелии 250 раз. «При этом оно всегда звучит из уст Самого Иисуса». Жак Лёв собирает вокруг Иисуса молодёжь. Все вместе учатся читать Евангелие, серьёзно изучают текст и вслушиваются в то, что говорит Христос.

А к самому отцу Жаку приходит всемирное признание. Филиалы Миссии святых Петра и Павла возникают по всему миру. Павел VI приглашает его проповедовать в Ватикан. Ему присуждают премии и вручают многочисленные дипломы, однако в 1986 году он принимает решение уйти на покой и в качестве затворника поселиться в маленьком монастыре, где и прошли последние тринадцать лет его земной жизни. В затворе он прожил ровно столько же лет, сколько некогда проработал докером в Марселе.

«В Иисусе осуществляется абсолютная реализация нашей жизни. С Ним смерть становится новым рождением. С Ним старость перестаёт быть осенью, но превращается в зарю, с которой начинается день, полный света, рассказать о котором невозможно», – так писал Жак Лёв в 1992 году. Теперь он созерцает этот свет.

Отец Жак прожил долгую жизнь и умер 14 февраля 1999 года. Ему было уже более 90 лет.

Его наиболее известная и одна из лучших его книг «Великие Учители молитвы» впервые выходит в России.

Священник Георгий Чистяков

ВВЕДЕНИЕ

«Учитель! научи нас молиться», — просил Иисуса ученик, имя которого осталось неизвестным; и просьба эта положила начало самому большому в мире потоку молитвы, той молитвы Господней, которую повторяли изо дня в день, от века к веку, которую так часто молчаливо твердят в глубине сердца и поют во весь голос в хоре праздничной толпы.

Хорошо, что мы ничего не знаем об этом ученике. Безымянность этого человека подобна Неизвестному Солдату, она представляет сразу всех нас. Мы, безымянное множество людей, которые понимают, что не умеют молиться, отображены присутствием в этом неизвестном молитвеннике. «Учитель! научи нас молиться», — говорит он от нашего имени.

Молитва, прежде чем облечься словами или остаться молчаливой, прежде чем стать возгласом или шепотом, тысячелетним псалмом или свободным вдохновением, вырывающимся из сердца, есть предстояние перед Богом. Об этом поведал Иисус самарянке. Он сказал женщине, повстречавшейся Ему у колодца Яковлева: «Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: «Дай Мне пить», то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» /Ин 4. 10/; в этих словах Он дал нам ключ к молитвенному становлению.

Первое побуждение приходит от Бога: это Он, Который жаждет нас, первый просит пить. Начиная со слов «дай Мне пить», Иисус подчеркивает основной порядок в молитве: начинает Бог, Он всегда начинает говорить первым. Наша духовная жизнь, жизнь с Богом — это не такой выигрыш, который мы можем рассчитать сами, своими собственными силами, разложив перед собой все карты; духовная жизнь — это партия для двоих, и начинает ее всегда Бог.

И только позднее, когда мы осознали любовь Бога, Бога, спрашивающего нашу любовь, чтобы полнее одарить нас Своей, — «если бы ты знала дар Божий, который Он тебе дает» — мы можем молиться. Молитва естественным образом приходит в момент, когда мы осознали этот дар Бога: «если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: «дай Мне пить», то ты сама просила бы у Него». Обратите внимание на слово «просить»: молитва начинается в тот момент, когда мы осознали, что Бог хочет дать нам нечто необъятное.

И уже сама молитва как бы «поправит» нас, поднимет нас в известном смысле до уровня Бога, Который всегда выше уровня наших собственных пожеланий. Молитва уводит нас к источнику воды живой, отличной от наших застойных и оскверненных вод. Мы достигаем источника, который бьет на дне «глубокого» колодца, того, который мы всегда искали: «ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую».

Чтобы научиться молитве, мы не одиноки и не оставлены без руководства: кроме того неизвестного ученика и самарянки необъятная школа молитвы открыта перед людьми на протяжении тысячелетий. Это школа Великих Молитвенников. Увидев, как молились Великие Молитвенники

Ветхого Завета, Иисус, Его ближайшие ученики, наконец, святые всех времен, мы найдем основу всякой молитвы: Дух Святой, молящийся в нас, тот изначальный Дух, Который «носился над водою» до сотворения мира, есть та же Небесная Сила, которая охраняла Марию под сенью крыл своих.

Но Господь, Который сотворил весь космос и обитал с нами, (буквально разбил шатер среди нас (Ин 1. 14)), дает нам понять, что наша молитва должна расцветать в реальных условиях пространства и времени, в каждом моменте и отрезке нашей жизни. Чтобы молитва не была как искусственный цветок, а прорастала, расцветала и приносила плоды, она должна быть вплетена в повседневную ткань нашего существования. А также, чтобы она была озарена, — вспомним опять самарянку, — свыше светом Слова, «Которое просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1.9).

Мы должны также рассматривать любое событие или личность, будь то Авраам, Моисей или Иисус, не как самостоятельное, а как вписанное во всеохватывающий динамизм Божественного Промысла.

А Промысл этот не сокрыт от нас полностью. Он раскрывается в Библии и продолжается в истории Церкви.

В древнем Израиле и Моисее мы видим народ, который спасается от рабства и направляется к земле обетованной, совершая исход, полный трудностей, ропота и отчаяния, но укрепляемый сильной надеждой. Едва лишь став обладателем долгожданной земли, тот же самый народ развращается и попадает в сети идолопоклонства. Разрушение Иерусалима и Вавилонское пленение приходят как неизбежные последствия. И тогда, испытав самодержавное царство ложных богов, оставшаяся горстка пленников вновь открывает свое великое и неповторимое назначение: им дано знать Бога истинного, Который избрал их, чтобы с их помощью открыть Себя людям. Возвратившись из плена, эта горстка людей хочет только одного — служить своему великому Богу и прославлять Его. Но вот опять она застывает в ритуалах, в которых буква тяготеет над духом. ..

В то время как эти события развертываются на протяжении почти двух тысячелетий, внутри этой же истории назревает другая. Обетования и заветы, которыми отмечена жизнь Авраама, Моисея, Иисуса Навина, Иосии, пророчества Исайи, Амоса, Иеремии, Иезекииля или Осии о событиях, которые на первый взгляд могут показаться заурядными, короче говоря, вся эта история народа, находящегося в движении, заключается в ожидании одного человека, который придет открыть смысл целых веков слез и надежд: посланника Божия, второго Моисея, только во сто крат удивительнее и чудеснее, сына Давидова, помазанника, отмеченного божественной властью, мудростью, священством. И вот однажды на берегу реки, ранним утром, таким же обыкновенным, как все другие, Андрей встречает своего брата Симона: «Мы нашли Мессию», то есть «Христа». И он приводит своего брата к человеку лет тридцати от роду, Которого

встретил лишь два дня назад, но Которого народ ожидал две тысячи лет и имя Которому было Иисус.

Пролетело три года, и волшебная тысячелетняя мечта разрушилась: Иисус умирает распятый, по приговору поспешного суда. Симон-Петр тем временем отрекся от Христа, хотя пользовался Его особым доверием с того дня, когда сказал Ему: «Ты — Христос, Сын Бога Живого». Мало-численным ученикам осталось лишь похоронить Того, Который, — думали они, — должен был «избавить Израиль» (Лк 24. 21).

И вот, почти через две тысячи лет после этих событий, вслед за Петром и другими учениками, которые заплатили жизнью за растерянность одной ночи, все мы, — другими словами, Новый Израиль, — итальянцы, швейцарцы, бельгийцы, мексиканцы, японцы, индусы, африканцы, французы, русские и т.д.; люди всех стран; рас, национальностей, всех языков, всех культур и на всех широтах, все те, ожиданием которых отмечена каждая страница Библии, то есть все мы утверждаем, что Иисус Христос есть Тот, в Ком исполнилось все сказанное в Писании, «в законе Моисеевом, в пророках и псалмах» (Лк 24. 44). Вслед за первым великим обращенным, Павлом из Тарса, мы говорим о Христе, что Он не только «живой» (Деян 25. 19), но что в Нем возродился весь мир, воссоздан заново, что через Него границы пространства и времени утратили смысл, и через «превосходящую разумение любовь Христову» мы исполняемся «всею полнотою Божию» (Еф 3. 19). Для верующего эти слова полны смысла! Но можем ли мы осознать все эти этапы Библии, говорящие о Христе и о нас вместе с Ним иначе, чем обратившись к Спасителю со словами: «Господи! научи нас молиться» !

ВХОЖДЕНИЕ В ТАЙНУ БОГА

Есть реки, которые берут начало с едва заметного ручейка, протекающего по дну лугового оврага, но есть другие реки, бьющие фонтаном уже у самого истока оттого, что подземные препятствия создают невероятный напор воды. Именно с такой рекой можно сравнить Ветхий Завет: в начале это чаще всего постепенное и даже неуверенное приближение к божественной тайне. И вот вдруг, через человека или событие, нам открывается грандиозный слой неистощимой веры. Так, из дебрей Книги Бытия во всей несравненной мощи встает перед нами Авраам, отец нашей веры: в нем сгустились и бьют фонтаном века и тысячелетия робких поисков.

О! На первый взгляд ничего особенного: «И пошел Авраам по земле сей до места Сихема, до дубравы Море... И явился Господь Аврааму, и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал он там жертвенник Господу, Который явился ему. Оттуда двинулся он к горе, на восток от Вефиля; и поставил шатер свой так, что от него Вефиль был на запад, а Гай на восток; и создал там жертвенник Господу и призвал Господа» (Быт 12. 6-8).

Итак, Авраам устанавливал жертвенники; из этого не следует, что мы тоже должны воздвигать часовни! Но что же тогда это означает? На своем пути кочевника встретил Авраам Бога; он встретил Бога в ходе обычной бродячей жизни, в ходе своих странствований. Мы читаем дальше: вернулся Авраам «до места жертвенника, который он сделал вначале; и там призвал имя Господне» (Быт 13. 4). Для Авраама весь мир был как собор, весь мир в его глазах был храм Божий. Это предполагает, что мы должны пребывать в состоянии молитвы. Речь идет не столько о внешних проявлениях молитвы, сколько о самом состоянии, когда мы действительно можем встретить Бога повсеместно. Если молитва есть встреча с Богом, обнаружение Его присутствия, то от нас требуется внимание, ибо этот путь кочевника был избран по воле Бога: «Пойди из земли твоей...» Аврааму предстояло встретить Бога в земле обетованной после того, как он проявил послушание.

Его первой молитвой на протяжении этих дней и дорог было молчаливое внимание, постоянная обращенность к Богу, которую так хорошо выразил Иисус: «Отец не оставил меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно» (Ин 8. 29).

Если мы перенесли большое горе — смерть близкого или предательство, — то в повседневной жизни, что бы мы ни делали, все наполнено этим горем, болью утраты, — это знакомо каждому. Так же бывает и в большой радости: мы делаем что-то, что нам пришло в голову..., а на кухне кастрюли сияют радостью, отражая нашу собственную радость. Так бывает с нами в горе и в радости. Так было и с Авраамом, который видит

Бога во всем, и Тереза Авильская выразила это столь точно, что лучше, пожалуй, и не скажешь: «Дружеская встреча с Богом, о Котором мы знаем, что Он нас любит». Сердце Авраама открыто, потому что он уже услышал Бога и послушался. В этом полная противоположность Адаму, который прячется от Бога и избегает Его. Авраам же находится в состоянии желания, чтобы эта дружеская встреча состоялась.

«И там призвал имя Господне». Вся молитва Авраама сосредоточена в этом призыве. Никаких других слов. Это не молитва подчинения или зависимости, при которой просят, вымаливают или же теряют дар речи перед великим Богом. Авраам, уже тогда верный Иисусу, «не говорил лишнего» и не прибегал к многословию (Мф 8. 7). Он призывает величайшее из имен, он призывает Его как Бога и он предстоит перед Ним. Он поклоняется, но его отношение к Богу не превращается в отвлеченную идею: «Ты, Который не что иное, как Бог!»

Однако, Аврааму еще ничего не известно о Боге: Шаддаи, «Бог, пребывающий в горах», тот, кто находится на самых высоких вершинах. После Моисея имя Бога станет для нас богаче содержанием, но сейчас это не имеет значения. Важно, чтобы, призывая имя Господне, мы обращались к самой сути Его личности. Даже если я ничего не знаю об этом великом Боге, само произнесение слов «Бог мой», «Иисусе», «Дух Святой, приди ко мне» ставит нас в непосредственную близость к Богу, может быть, не ощущаемую, но реальную. Однако для нас уже возможно, призывая Бога, обращаться к Нему не как к Богу недоступных вершин по примеру Авраама, но вслед за ап. Павлом как к «Отцу Господа нашего Иисуса Христа». Он есть Тот, Которого Иисус научил нас называть Отцом: «Отче, да прославится имя Твое!» Это и есть то имя, для славы Которого Иисус должен был умереть.

Призывать имя Божие — значит утверждать постоянное присутствие действенной Божией любви: «Я открыл имя Твое человекам» (Ин 17. 6), призывание имени Того, Кто есть Любовь: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин 3. 16). «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим 8. 32).

Святые утверждают, что когда мы подвергаемся искушению, следует лишь только призвать имя Иисуса; и хотя искушение от этого не исчезает, но это укрепляет нас силой Его Духа, ибо никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор 12. 3). На этом уровне молитва сливается с апостольской проповедью, состоящей в том, чтобы нести имя Иисуса людям.

Добросовестность требует, чтобы мы все же отметили то преимущество, которое имел перед нами Авраам: он не спешил, он не торопился вскочить в поезд до того, как захлопнутся двери. Он шел не спеша, шагом своих баранов, верблюдов и своих жен. Нельзя лететь сломя голову, если хочешь встретить Бога. Если у вас осталось всего три минуты и вы рискуете опоздать на поезд и обращаетесь к светофору со словами «Милый

мой!» по примеру канадских сестер, или «Господи Иисусе», или же, как это часто бывает в России, «Черт подери!» — все это будут одинаково пустые слова, утратившие всякий смысл. Чтобы призывать имя Иисуса, Сына Бога Живого, чтобы находиться «в состоянии молитвы», нужно идти в ногу с Богом, нужно расчистить свою жизнь.

Всматриваясь в Авраама, вы можете сделать и другое открытие: после Обетования встреча с Богом становится диалогом, — это диалог на основании обетования, диалог, построенный на Обетовании: «После сих происшествий (история царей Содомских) было слово Господа к Аврааму в видении, и сказано: не бойся, Авраам: Я твой щит: награда твоя весьма велика. Авраам сказал: Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным... И было слово Господа к нему, и сказано: посмотри на небо, и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. Столько будет у тебя потомков»... Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт 15. 1-6).

И в этом случае инициатива исходила от Бога. Каждый раз, приступая к молитве, мы отправляемся навстречу Богу, Который нас ожидает. «Было слово Господа к Аврааму». Господь говорит первым. Мы можем только отвечать на Его слово, на Его ожидание. И первыми словами Бога на протяжении всей истории, начиная с Авраама и кончая Марией, были всегда слова мира: «не бойся» (Лк 1. 30). В нашей повседневной жизни это означает очень много. Не бояться, оставить тревогу, даже если она высокого метафизического свойства. «Не бойся, Авраам, Я твой щит, твоя награда». Последние слова следует понимать не в житейском смысле, а многозначительно: «Тебя ожидает нечто очень большое».

Авраам, обращаясь к Богу, говорит лишь о безвыходности своего положения. Мы видим, что это подлинный диалог человека с его Богом: «Владыка Господи! что Ты дашь мне, я остаюсь бездетным?» Так же вопрошала Мария во время Благовещения (диалоги сходны между собой в том отношении, что оба они не роптали в сердце своем и были внутренне расположены принять слово Божие): «Как будет это?» (Лк 1. 34). Не было в этом вопросе ни сомнения, ни упрека; это было просто сообщение о своих трудностях, и Господь подтвердил Обетование: «Тот, Кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником» (Быт 15. 4). «Возможно ли это, Господи? Ты же видишь, кто я...». Господь подтверждает: «Посмотри на небо, и сосчитай звезды; столько будет у тебя наследников». И Авраам поверил, поверил обещанию, по-человечески невыполнимому. Ап. Павел так комментировал это место: «Он сверх надежды поверил с надеждою», — это именно то состояние, к которому нас приводит вера. «Он поверил, через что сделался отцом многих народов. И, не изнемогиши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело и утроба Саррина в омертвлении; не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу» (Рим 4. 18-20).

Уверены ли мы в том, что это действительно диалог, исходящий из обетования Божия, а не из трудностей Авраама? Да, — ведь в нем уже вы-

ражен акт надежды: я верю, потому что Ты мне обещал это. «Не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу, и будучи вполне уверен, что Он силен исполнить обещанное». Вот молитва полной убежденности, твердой уверенности в Боге. Прежде чем стать призывом о помощи, она уже является уверенностью в том, что Бог исполнит обещание, ибо это затрагивает Его достоинство. Мы неоднократно встречаемся с этим как в псалмах, так и у пророков: «Не дай нам пасть, чтобы не посмеялись над нами язычники, спаси нас имени Твоего ради».

Итак, чтобы приступить к молитве, нужно поверить обещанию, как Авраам. Я молюсь, опираясь на обетование Бога: «Не поколебался в обетовании Божием неверием». Именно об этом говорит Иисус, отвечая отцу больного эпилепсией отрока: «Если можешь, сжался над нами и помоги нам». «Если можешь веровать, — возразил ему Иисус, — все возможно верующему». И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: «Верую, Господи! помоги моему неверию». Иисус как бы обернул молитву этого человека, сказавшего «если Ты можешь». Дело не в том, может ли Иисус или нет, а в том, что может вера того, кто верует; Иисус знает, что Его Отец помогает верующему всегда. В этом состоит наше приготовление к молитве. Молиться означает идти навстречу Его обетованиям.

Такую же ситуацию встречаем мы и далее (Быт 15. 8): «Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение». Авраам отвечал: «Владыка Господи! по чему мне узнать, что буду владеть ею?» т.е. ответь мне, дай мне знамение. Мария, исполненная веры и знающая Писание, уже не просит знамения, но Господь, тем не менее, дает ей его: «Вот и Елисавета, называемая неплодною, зачала сына» (Лк 1. 36).

«Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность». Можно очень просто истолковать отвлеченное слово «праведность». Авраам «правильно поставил себя» по отношению к Богу, он хорошо «приладил» себя к Богу, подобно тому, как опытный мастер исправно прилаживает одну часть машины к другой. И ему можно было бы сказать то же, что Елисавета сказала в свое время Марии: «Блаженна уверовавшая, потому что свершится сказанное ей от Господа». Сам Иисус сказал о нем: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день мой: и увидел и возрадовался» (Ин 8.56). Итак, подчеркнем еще раз, что молиться не означает войти в часовню, молиться — это проникнуться обетованием и положиться на него.

В той же XV главе Бытия можно сделать и третье открытие относительно молитвы. Речь идет о загадочной фразе, которую переводили по-разному: «Когда солнце приготовилось к закату, оцепенение напало на Авраама: и вот ужас напал на него и мрак великий» (Быт 15. 12). Во всех религиях соприкосновение с Богом, со священным, с тайной потрясает человека и вызывает страх. Солнце должно вот-вот зайти. На Авраама находит таинственное оцепенение, — иногда это слово переводили как экстаз или «транс»: «И вот напал на него ужас и мрак великий».

По-видимому, возможны две причины этого мрака: божественное присутствие, во-первых, и близость события, которое должно свершиться, во-вторых. Подавляющее божественное присутствие низводит хрупкого человека до состояния беспомощности. То, что в Библии обозначено как слава Божия — устрашающее божественное величие, — на древнееврейском имеет общий корень со словом 'вес', 'тяжесть'. Человеку полезно ощущать дистанцию между ним и Богом. Тот, кто обладает изрядным духовным опытом, может, подобно Аврааму, испытать трудные минуты: наступление великого мрака и оцепенение.

Поэтому не нужно удивляться, если, приступая к молитве, мы погружены в ночь; это значит, что мы погрузились в веру.

Поэма «Черная Ночь» св. Хуана де ла Крус — не что иное, как рассказ о душе, воспевающей счастливые переживания, которые она испытала, проходя сквозь черную ночь веры в стремлении соединиться с Возлюбленным.

В глубоком мраке черной ночи, охваченный томительной
Любовью, — о, счастливый жребий, что ведет меня,
Во мраке ночи, которая горит любовью, полной тревоги,
О счастливая доля!
В глубокой тайне под ночным покровом,
Не видный никому и сам
Не видя никаких предметов в окружении,
Имея спутником и маяком лишь свет от сердца моего.

«В глубокой тайне под ночным покровом», — именно так и выглядит вступление в глубокую молитву веры. Мрак, о котором говорит св. Хуан, охватывает не только людей, подобных ему. Гиза, мой бразильский друг и одна из первых выпускниц Школы Веры во Фрибурге, со своеобразной простотой тоже открыла это для себя:

«Сначала в Школе было нелегко; если в конце я встретила много людей, то вначале я испытывала полное одиночество.

Я ехала, будучи более или менее уверенной в себе, но потом стала ощущать неуверенность. Раньше я думала, что смогу помогать людям, быть им полезной, я заранее рассчитывала, что у меня уже есть друзья и что появится много новых; но я почувствовала себя одинокой, я не получила радости и одиночество меня не оставляло; вокруг меня образовалась настоящая пустыня».

Пустыня или ночь, — речь идет об одном и том же.

«И тогда мое внимание обратилось к Тому, Кто всегда рядом. Бог стал обретать для меня новое значение. Прежде я читала Библию как историческую книгу, рассказывающую о былом, теперь же все стало живым настоящим. Авраам — это человек, который объяснил мне, что Господь нас охраняет: «Я твой щит». Разумеется, Авраам погружался в ночь, но при этом его никогда не оставляла вера в обетование Господне: «Я твой щит». А Иаков открыл мне верность Бога, даже когда мы ставим Ему условия: «Я с тобой, Я буду с тобой».

Вдруг все ожило! Но послушаем дальше, заметив при этом, что для нее, родом из Бразилии, картина снежной зимы представляется сказочным великолепием:

«Я могу объяснить это наблюдением, которое сделала во время ночной езды в поезде. Стояла зима. Я сидела в освещенном купе и смотрела в окно, но из-за яркого света не видела ничего, что было снаружи; оконное стекло отражало меня и других людей. Но в какой-то момент свет в купе погас; и тогда я увидела, что все освещено снаружи — и ночь и снег. Чтобы открыть мне такое чудо, ночь должна была окутать меня и все, что было вокруг. Тогда я вспомнила о Библии. Божественная педагогика не изменилась: пустыня всегда является местом, где человек встречает Бога».

«Напал на него мрак великий». Хотя мы страдаем во мраке, подобно Аврааму, но, полагаясь на обетование, мы можем быть уверены, что только так и может произойти встреча с Богом. Задолго до св. Хуана евангелист Иоанн сказал: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека», подтвердив этим существование мрака.

Вот мы и подошли ко второй причине мрака и ужаса, которые нас охватывают. Авраам по требованию Бога приготовил жертву: «Владыка Господи! по чему мне узнать, что я буду владеть этой землей?» Ягве отвечал: «Возьми мне трехлетнюю телицу...» Авраам привел животных, рассек их пополам и разложил части их тел одну против другой по обряду древних жертвоприношений, символизирующих союз двух людей. Но налетели на трупы хищные птицы, и Авраам отгонял их (Быт 15. 8-11). Итак, Авраам приготовил жертву, которую потребовал у него Господь, и вынужден был в течение целого дня отгонять хищных птиц, являвшихся по представлениям того времени дурным предзнаменованием. В этом — вторая тревога апостолов.

Если первый вид страха свойственен молящемуся при созерцании божественного величия, то второй вид страха поражает апостола: после целого дня работы по велению Господа оказывается, что еще нужно сражаться с хищными птицами, т.е. со всем тем, что стоит на пути и не дает совершить жертвенное дело, — исполнить волю Божию. И силы Авраама иссякают, он впадает в страх и оцепенение. Вспомним трех апостолов в Гефсиманском саду, они ведь тоже от скорби впали в сон в час высочайшего моления.

Известие, которое Авраам получает от Бога, содержит мало утешительного: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут с большим имуществом». Это известие одновременно и жестокое, и обнадеживающее для Авраама: «А ты отойдешь к отцам твоим в мире и будешь погребен в старости доброй...» (Быт 15. 13-14).

Итак, ужас и мрак совместимы с миром. Мы не в состоянии представить себе всю темную глубину молитвенного созерцания; монахи и от-

шельники, пережившие его, подтверждают это. Эти великие молитвенники не участвуют в текущих событиях; они не смотрят телевизора и не знают последних известий о новых несчастьях, голоде и войнах. Но они проникают много глубже в человеческую природу с ее немощью и величием. Они проникают к первоисточкам тех явлений, о которых сообщает телевидение, и им введомы суть того, что составляет трагизм человеческого существования.

Для апостола же ночь складывается из всех язв человеческих, всех неудач, рабства, социального неравенства и безвыходных ситуаций.

Молиться — это означает принять в себя весь мрак веры, мрак противоречий и страданий. Поостережемся отказаться от такой молитвы преждевременно. «У многих не получается; избирают путь добродетели, а когда Господь хочет провести их через черную ночь к божественному единению, то они не могут этого сделать, потому что останавливаются перед мраком», — писал св. Хуан де ла Крус.

Наконец мы подошли к последней важнейшей особенности молитв Авраама: речь идет о его заступничестве за Содом (Быт 18. 13-32). И на этот раз инициатива опять исходит от Бога. Бог обращается к нему с вопросом: «Утаю ли Я от Авраама, что хочу делать?» Бог вводит его в положение вещей и тем самым, следовательно, побуждает к ходатайству. Бог говорит Аврааму: «Велик и тяжел грех Содомский и Гоморрский!»

Сколько в этом важного! Прежде всего — сердце Авраама, одновременно смиренное и смелое. Именно эти два качества открыли Аврааму возможность заступнической молитвы. «Вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел», — сказал Авраам. Полный смирения, он сознает себя «в прахе и пепле», но это сознание ничуть не уменьшает в нем смелости говорить перед Богом.

Сравним теперь поведение Авраама в священном торге, который он вел с Богом, с его поведением в отношениях с Лотом и с соседствующими царями. В последнем случае это были частные отношения с племянниками или царями, в которых Авраам придерживался позиции «ничего для меня». Он действительно ничего не просил для себя самого. Другое дело — Содом, здесь речь идет о целом народе, здесь нужна других. Здесь Бог хочет, чтобы Авраам заступился за народ.

Когда дело шло о Лоте, Авраам не выдумывал никакой молитвы «за всех», в которой просил бы: «Господи, вразуми бедного Лота, ведь он такой... он сякой...» Все знают эти лукавые молитвы, в которых под предлогом обращения к Богу любят поучать других! Нет, Авраам действовал напрямую: он предоставил Лоту выбирать первому. И ничего не сказал Лоту, потому что в этом был заинтересован лишь он сам, Авраам. Но Содом — это ведь целый народ, и вот начинается этот торг милосердия, эта заступническая молитва. Вспомните, до чего это прекрасно: «Не может быть, чтобы Ты поступил так... Неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников?» «Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же бы-

ло с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?»

И опять мы видим, что Авраам полагается не на самого себя, и отнюдь не на заслуги людей, а только на Господне обетование. А вывод из этого таков: праведники могут испросить прощение для грешников. Вот удивительное провозвестие, вытекающее из этого текста; и этот торг ради милости приемлем для Бога.

— Вот я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город?

— Не истреблю, если найду там сорок пять!

— Может быть, найдется там сорок?

— Не сделаю того и ради сорока!

— Не прогневайся, Владыка, что я буду говорить. Может быть, найдется там тридцать?

— Не сделаю, если найдется там тридцать!

— Вот, я решился говорить Владыке: может быть, найдется там двадцать пять?

— Не истреблю и ради двадцати!

— Да не прогневается Владыка, что я скажу последний раз: может быть, найдется там десять?

— Не истреблю ради десяти!»

Дальше Авраам не посмел идти! Может быть, ему следовало продолжать, но он не рискнул просить ради одного... Иеремия говорит об этом: «Походите по улицам Иерусалима и посмотрите, разведайте и поищите на площадях его, не найдете ли человека, нет ли соблюдающего правду, ищущего истины? — Я пощадил бы Иерусалим», — сказал Ягве (Иер 5. 1).

Да, Авраам остановился на полпути! Ему бы следовало дойти до одного. Иезекииль говорит о том же: в народе угнетают друг друга, грабят и притесняют бедного и нищего, и пришельца угнетают несправедливо. И тогда Ягве сказал: «Искал я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтоб я не погубил ее, но не нашел» (Иез 22. 30).

Итак, предстатель борется, стоя в «проломе», и с горечью восклицает, ибо видит, что «нет призывающего имя Твое, который положил бы крепко держаться за Тебя» (Ис 64. 7).

Можно ли упрекать Авраама в том, что он остановился на десяти? Даже если бы он остановился на одном единственном праведнике, он бы такого не нашел, ибо все это было лишь ожиданием единственного предстателя — Иисуса. Но мы, живущие в жестоких и безликих городах, каждый раз, когда входим в храм, можем быть уверены, что Праведник, Спаситель жизни, присутствует здесь, в Евхаристии.

Что же сказать в заключение? Молитва заступничества не является безумной и абсурдной претензией повлиять на Бога, заставить Его изме-

нить мнение. Она состоит в том, чтобы включиться в божественную орбиту, войти в зону божественного притяжения, в которой осуществляется взаимодействие между Богом и нами. Все исходит от Бога, от Его свободного выбора, по которому Он желал бы, чтобы наша молитва явилась причиной ответного действия. Это Бог поведал Аврааму о происходящем для того, чтобы Авраам начал свое заступничество. Исполнение того, что хочет Господь или что Он обещает, зависит в какой-то мере от моей верности. Ведь даже гигантское светило испытывает влияние маленькой планеты, вращающейся вокруг него.

Такой молитве учит нас Авраам. Повсеместно встречать Бога, не знающего границ, призывать имя Его, принимать Его обетование, проходить через темные глубины веры, и после этого ходатайствовать за людей.

БОРЕНИЕ С БОГОМ

Хочу рассказать о борении Иакова, о молитвенном борении, и, в частности, об особенностях всякой молитвы и всякого борения — о терпении, упорстве и постоянстве в испытании временем. Вот три качества, которые даются нам с трудом, но все они составляют пути надежды, которая «не постыжает» (Рим 5. 5). И, тем не менее, я в большом затруднении, не зная, как приступить к делу. В каждой христианской тайне, — например, в смерти и в воскресении, — есть две стороны: жестокое и тягостное борение и торжество славы. Начать с упорства и постоянства — значит приступить к предмету с его жестокой стороны. Если же я начну с Иакова — сразу откроются результаты его борения. Впрочем, у читателя всегда остается возможность пропустить несколько мрачных страниц и начать чтение с более розовых. Итак, начнем с более сурового. Основанием для стойкости и твердости этих родственных понятий является надежда, хотя бы самая отдаленная. Св. Иаков наставлял учеников долготерпению до пришествия Господня. Эти реальности неотделимы от молитвы и лежат в ее основе. Если терпение, упорство, постоянство приводят к надежде, то последняя, сказано в Библии, всегда связана с молитвой. Надежда — молитва.

Молитвенное борение

Рассмотрим эти слова поближе. Терпение (*patience*) происходит от латинского слова *pati*, означающего страдать, переносить. Следовательно, терпение — это не просто ожидание, но перенесение страдания, и слова *patientia*, *impatientia* означают способность или неспособность переносить страдание.

Слово *persévérance* («упорство») происходит от *sévère*, что первоначально означало негибкость, строгость, поэтому быть упорным означает быть негибким, продолжать начатое. Что же касается слова «постоянство» (*constance*), то оно выражает качество предмета или человека, стоящего прямо (*stare*), вертикально. Для нас это связано с идеей стабильности, постоянства, крепости. Отсюда произошло слово «статуя» (*statue*, *stature*), а также философский термин «субстанция», которым обозначают то основное, неизменное в существе, в отличие от других признаков, изменяющихся, смутных, исчезающих.

Слово *endurance* («выдержка») происходит от древнего слова *duramen*, означающего старое виноградное дерево с растущими вкривь и вкось, затверделыми корнями. Отсюда возникли слова *durcir*, *durer* («твердеть» и «длиться»), характеризующие способность долго переносить что-либо. Все эти слова — терпение, упорство, постоянство, выдержка, так часто повторяющиеся в Евангелии, выражают силу и длительность.

Что же сказано по этому поводу в Писании? Ведь только Писание может разъяснить нам реальный смысл этих слов. Раскрывая Библию, чтобы «исследовать Писание», мы должны всегда делать это «двойным взором». Сначала мы соприкасаемся с Божественной тайной и спрашиваем себя: каков смысл этих слов? Затем, из созерцания доступного нам собственного откровения о Боге, мы пытаемся уяснить позицию человека, стремящегося смоделировать в себе образ Божий. Постоянству и упорству учимся мы не у мудрецов, философов или ученых; мы находим эти добродетели в самом Боге, открывающемся нам как «Бог отцов наших Авраама, Исаака и Иакова», Бог пророков и вдохновенных писателей Ветхого Завета и в воплощенном Слове, Иисусе Христе. Итак, мы рассматриваем нашу задачу в трех планах: тайны Бога, открытой в Ветхом Завете, тайны Бога, открытой во Христе и, наконец, нашего собственного отношения, которому учит нас Господь. И сразу же эти реальности, будучи открыты нам Библией, приобретают масштабы, далеко отстоящие от масштабов человеческих добродетелей и аскетических упражнений. Речь идет о любовном подражании Богу.

Ветхий Завет показывает нам, как Израиль постепенно, год за годом, на протяжении веков осознает, что вся его история, вся эта долгая история, начиная с самого потопа и спасительного акта Творца по отношению к Ною, была временем «долготерпения Божия». Именно так определяет св. Павел время ветхозаветной истории (Рим 3. 26). Это время, когда в ожидании Крестной Жертвы Иисуса и оправдания человека верою в Него Господь из милосердия удерживал свой гнев и оставлял грешников безнаказанными: видя наше ничтожество, Господь медлит и не отвечает поступком на поступок. Так проявляется Его любовь: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех...» (Исх 34. 6).

Таковы времена Ветхого Завета во все его периоды, времена долготерпения Божия: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Не до конца гневается и не вовек негодует» (Пс 102. 8). То же находим мы у Исайи: «Ради имени Моего отлагал гнев Мой и ради славы Моей удерживал Себя от истребления тебя» (Ис 48. 9). А Иеремия, опасаясь преследователей, жалуется на долготерпение Божие: «Не погуби меня по долготерпению Твоему» (Иер 15. 15). Такое долготерпение имеет смысл только в предвидении прихода Иисуса, «Которого Бог предложил в жертву умилоствления в Крови Его через «веру» (Рим 3. 25). Это долготерпение, — продолжает св. Петр — было еще во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие спаслись от воды. Так и нас ныне подобное сему образу крещение спасает» (1 Петр 3. 20). Да, медлит Господь по долготерпению Своему, потому что Он жаждет спасти не только полдюжины людей от потопа, но и все человечество от греха.

Терпение — это отнюдь не слабость. Из книги пророка Ионы мы узнаем, что терпение Господне распространяется и на язычников, пока они

не уверуют. И нас должно восхищать и вдохновлять неутомимое терпение Господа: «Ибо не хочу Я смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь и живите!» (Иез 18. 32).

Можно было бы сказать, что Сам Иисус есть «терпение Божие», терпение Бога, ставшее видимым. Притчи Спасителя очень часто бывали притчами о терпении. Так, в притче о бесплодной смоковнице виноградарь просит отсрочку еще на год, чтобы лучше поухаживать за ней; долгое ожидание отца описано в притче о блудном сыне; в притче о немилосердном займодавце царь соглашается потерпеть год до возврата долга.

В Своих Страстях Иисус продолжает длинный перечень страдальцев, гонимых за правду, за Слово Божие. Он «преследуем сыновьями тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших...» — говорит Он им (Мф 18. 23). Ибо терпение — это не только долгое ожидание, но и страдание: «Хотя Он и Сын, однако, страданиями навыв послушанию» (Евр 5. 8). И далее: «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил 2. 8). Иисус сознает мистическую необходимость Страстей: «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лк 24. 26). И все это — терпение Бога, ставшее видимым. Иисус был «мужем скорбей» (Ис 53. 3), претерпевшим и предательство Иуды, и отречение Петра, и даже богооставленность. И мы увидим ниже, что это терпение должно передаться и нам. Пост есть время размышления о том особом терпении, которое мы называем Страстями. Страсти Христовы — это то орудие, которое способно пробить броню нашего сердца.

Но как же воспитывать нам в себе терпение по подобию Бога и Иисуса? Приступая к этому поиску, мы обнаруживаем два типа терпения: *первый тип* — терпение, связанное с промедлением прихода Царства Божия, второго Пришествия Иисуса. «Господи, зачем нужны эти отсрочки? Когда же Ты установишь правду для угнетенных?» Нынешнее промедление — это лишь продолжение в нашем времени ветхозаветного долготерпения Божия: Господь продолжает быть терпеливым и сегодня. Апостол Петр объясняет нам причины: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию». Итак, — это ожидание обращения многих до исполнения всей меры возможностей: «и долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам» (2 Петр 3. 8-9, 15).

Второй тип терпения связан с тем, что должно составлять наше христианское достоинство, ибо оно неотделимо от самого нашего существа: «Мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим 8. 17). Поэтому терпение сливается со страданием, которое является его испытанием. «Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия Господня. Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него тер-

пит долго, пока получит дождь ранний и поздний. Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши; потому что пришествие Господне приближается. В пример злострадания и долготерпения возьмите, братия, пророков, которые говорили именем Господним. Вот мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали терпение Иова и видели конец *оного* от Господа; ибо Господь весьма милостив и сострадателен» (Иак 5. 7-11). А также: «С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение» (Иак 1. 2).

Мы видим, насколько часто повторяются слова терпение, страдание, постоянство. Павел и Варнава предупреждали новообращенных не поддаваться малодушию: «...Утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере», ибо, — говорили они, — «многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие» (Деян 14. 22). То же самое повторяет ап. Павел фессалоникийцам: «...и послали Тимофея..., чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено. Ибо мы и тогда, когда были у вас, предсказывали вам, что будем страдать, как и случилось, и вы знаете» (Фес 3. 2). С точки зрения св. Павла, пребывание в постоянном испытании является нормальной жизнью христианина до Второго Пришествия Христова. И слова терпение, постоянство, упорство сочетаются с другими словами: испытание, бедствие, терзание. Об этом говорил и Иисус: «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь, ибо Я победил мир» (Ин 16. 33). В послании к Евреям так говорится о пути, которым достигается победа Христа: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить подлежащее нам поприще, взирая на начальника и свершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемотать и не ослабеть душам вашим. Вы же еще не до крови сражались, подвизаясь против греха. И забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: «Сын мой! не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда обличает Он тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Притч 3. 11-12). Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли такой сын, которого бы не наказывал отец? Если же вы остаетесь без наказания, которое всем обещано, то вы — незаконные дети, а не сыны» (Евр 12. 1-8). Действительно, как и пророчествовал в храме Матери Младенца старец Симеон, пришел Он на падение и восстание многих и в предмет пререканий. Сам Христос и есть почва, в которой укоренены терпение и стойкость.

Таков самый суровый аспект этих слов, и если мы не переживем этого в нашей жизни, то окажется, что мы идем путем иллюзий. Но не менее бережно и радостно надо хранить в себе свет и уверенность, исходящие из

этих слов. Происходит как бы цепная реакция; св. Павел показывает, куда ведут все тревоги и бедствия, все терпение и постоянство, когда он говорит: «...хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим 5. 3-5).

Нам дана великая уверенность. Нечто великое созревает в зерне, которое брошено в землю и обречено на умирание; оно даст свои плоды и не останется одиноким. Эти испытания приобщают нас к источнику живой воды, они расчищают почву. Вот мы опять возвращаемся к посланию ап. Петра: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петр 4. 12-14). А немного ниже апостол добавляет: «Противостойте диаволу твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире. Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою в Иисусе Христе, Сам, по кратковременному страданию вашему, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает вас непоколебимыми» (1 Петр 5. 9-10).

Итак, здесь на земле мы постоянно находимся в напряжении, о котором св. Павел сказал: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор 4. 17).

Борение Иакова

Всё это так, мы это знаем, ощущаем, и все же, — не слишком ли это трудно? По силам ли это нам? Вместо ответа я предлагаю вам присмотреться к Иакову и проникнуться к нему дружеской симпатией. Лично мне долгое время Иаков был несимпатичен: хитер и жуликоват, комбинатор, который провел своего старшего брата. Разумеется, Исав тоже не находка, и к тому же глуповат, но все же Иаков переступил меру, когда обманым путем заручился благословением старого и слепнувшего Исаака. А позднее он разбогател за счет своего тестя Лавана в сомнительной истории с овцами. Наконец, двадцать лет спустя, чтобы примириться с Исавом, он выслал ему навстречу дорогие подарки, заблаговременно приправив для себя добрую часть своего стада. В общем и целом, Иаков больше всего рассчитывает на свой хорошо подвешенный язык, который выручал его в трудностях. Все это чистая правда.

Но правда и то, что самого Иакова нередко обводили вокруг пальца. Хоть ему и удалось получить благословение Исаака, он, тем не менее, должен был бежать из дома, потому что Исав поклялся его убить, как только умрет старик-отец: «Приближаются дни плача по отце моем; и я убью Иакова, брата моего». И тесть Лаван тоже надул Иакова: наутро после свадьбы Иаков находит рядом с собой Лию вместо Рахили. Согласно одному еврейскому поучению IV века, довольно забавному, возмущенный Иаков говорит Лии: «Ах ты плутня, зачем меня обманула?» На что Лия ответила: «А ты зачем обманул отца, когда он спрашивал тебя, ты ли

сын его Исав?». Стало быть, Иаков получил по заслугам. Мало того, Иакова эксплуатировал его тесть два раза семь лет, а потом еще целых шесть лет; прошел он и через другие тяжкие испытания: сначала бесплодие Рахили, затем позор его дочери Дины, потеря любимого сына Иосифа, Симеона и Вениамина. Таким образом, Иаков в своих человеческих слабостях нам очень близок. Если Авраам и Моисей слишком величественны, то в Иакове мы легко можем узнать себя.

Но если бы мы могли взглянуть на это с высоты Бога, поверх плутовства и расплат, мы увидели бы, что Иаков дважды является отцом Израиля. Он, *во-первых*, отец Израиля по крови, через двенадцать своих сыновей, давших двенадцать колен израилевых. *Во-вторых*, именно от него этот народ двенадцати колен получил свое имя Израиль, имя, данное ему Богом. Итак, дважды отец: по крови и по имени. Еврейское предание хранит память о величии Иакова. Оно видит в нем человека, связавшего свой выбор с будущим, в то время как Исав предпочел настоящее. Исав был усталый, голодный, он попросил чечевичной похлебки, а позднее взял в жены дочерей иноплеменников. Библия считает его профанатором, ибо он пренебрег своим правом первородства, которое благословил Господь и с которым связано было исполнение обетования.

Борение Иакова и его видение мира освещают нам наше собственное борение. Все мы — потомки этого человека, победившего Бога: Израиля, «который, — как говорится в Библии, — боролся с Богом». Вся жизнь Иакова заключена между двумя встречами с Богом, она как бы дана между этими двумя узловыми моментами: сон в Вефиле и борьба у брода через Иавок. Эти два момента отделены друг от друга двадцатью годами. В обоих случаях они знаменуют испытание и совершаются во тьме. Оба раза Иаков в одиночестве и оба раза испытывает замешательство. В *первом* случае он бредет один, имея лишь посох в руках, чтобы встретиться с дальними родственниками и найти жену; *во втором* случае он идет навстречу Исаву, который враждебен ему и которого сопровождают четыреста вооруженных людей.

Первая встреча — это таинственный сон человека, который, казалось бы, так мало похож на избранника Бога, но который станет таковым. Св. Павел сказал: «Если с нами Бог, то кто же будет против нас?» Я бы охотно продолжил: «Если Иаков был избран Богом, то почему не стать избранником и мне?» Ведь мы одного рода, мы оба так мало достойны избрания.

Иаков направляется в Харран; наступает знаменательный вечер одного из ранних этапов его пути. Солнце садится, Иаков берет камень, кладет его себе в изголовье и засыпает. Ему снится сон, он видит лестницу, стоящую на земле и верхом касающуюся неба. А по лестнице спускаются и поднимаются Ангелы. «И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака... И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты пойдешь» (Быт 28. 12, 15). Итак, Иаков не один, его охраняет Господь, он с ним и не оставит его одного. Невидимое становит-

ся видимым в опыте. Прекрасный текст кардинала Ньюмэна комментирует следующим образом это событие:

«Иаков вовсе не думал, что в этом месте может случиться что-то чудесное. Это было такое же место, как многие другие, пустынное и неудобное, жилья в нем не было. Наступила ночь, и спать пришлось на голой скале. Но вместе с тем, насколько иной была действительная реальность! Он смотрел на видимый мир, но мир невидимый был рядом!»

Вот чему учит нас сон Иакова: Господь рядом. И Бог к нему обращается. Бог на верху лестницы. Библейский текст говорит больше: пока Иаков спал, Господь был рядом с ним. Господь не только появился на верху лестницы, но именно «присутствует на месте сем». К Иакову спускались не Ангелы, но Сам Господь. Ангелы, которые спускаются и поднимаются, которые курсируют с неба на землю и с земли на небо, создают постоянное общение, которое словами мы обозначаем «с нами Бог», что и низошло на Иакова. Произошел поистине духовный переворот, и мы должны отнестись к нему внимательно.

Люди того времени, принадлежавшие даже к самым развитым нациям, не подозревали такой постоянной связи и полагали, что Бог не интересуется людьми. Бог мог являться, но как судьба, как фатум, как Бог философов, а не как Бог, который говорит так просто с одним из Своих творений и «присутствует» около него. Через Иакова нам дается указание на таинственную, но действительную связь Творца со Своим творением, на поток благодати, которая нисходит, причем вовсе не в результате жертвоприношения Иакова. Нет, здесь речь идет даже не о завете. Это проявление дружбы; и нужно обратить внимание на контраст между Вавилонской Башней, которая острием своим должна пройти через небо, и Лестницей, которая стоит на земле и верхом своим касается неба и по которой Господь Сам захотел спуститься. Сооружение Вавилонской Башни было самовольным делом человека; во сне Иакова действовала благодать. В одном случае — непомерная претензия человека, в другом — милосердие Бога, делающего то, что не под силу никакой человеческой претензии. В одном случае Бог становится соперником, человек совершает грех, порывает согласие с Богом; в другом — Бог выступает как Отец, Он открывает для человека Свой союз, включает его в Свою жизнь. Ангелы спускаются и поднимаются, об этом Иисус говорил Нафанаилу: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин 1. 51). Сам Иисус станет истинной лестницей, когда будет «вознесен» на кресте.

Открыв Свое присутствие, Господь одновременно подтверждает Свой завет с Иаковом: «Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные. И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в эту землю; ибо Я не оставляю тебя, доколе не ис-

полню того, что Я сказал тебе». Иаков пробудился от сна и сказал: «Истинно, Господь присутствует на месте сем; а я не знал!» И к этому Богу, — говорит великий еврейский мистик Бахия ибн Пакуда, — к этому Богу, Который дарит Иакову будущее, к этому Господу, который обрамляет звездами его чело, Иаков обращается с единственной просьбой: кусок хлеба, чтобы насытиться, и платье, в которое одеться; все же остальное он предоставляет доброте Божией.

Вот толкование высокое и достоверное. И все же следует признать, что в ответе Иакова содержится несколько тревожных «если»: «Если Бог будет со мною <...>, если сохранит меня в пути сем <...>, если даст мне хлеба <...>, если даст мне одежду <...>, и я возвращусь в дом отца моего, Ягве будет моим Богом». Может быть, это еще не полное обращение. Господь вступает с ним в договор: «Я дам тебе все», Иаков же обуславливает свое согласие целым рядом «если».

Двадцать лет спустя обращение будет окончательным. Заключительное борение — это возвращение к броду через Иавок. Прошло целых двадцать лет... Господь исполнил Свое обетование. Вефильский бродяга возвращается домой патриархом. У него большие стада, много детей. Но ему еще предстоит пройти через опасные испытания зрелого возраста. Прежде, когда он впервые проходил через эти места, у него ничего не было кроме посоха и ему предстояло заработать все свое достояние. Теперь он может все потерять. Благодатность этого момента заключена в страхе, в его тревоге перед встречей с Исавом. И вот тут Иаков молится. Впервые в жизни он молится истово, не возлагая никаких надежд на свои собственные возможности: «Боже отца моего Авраама и Боже отца моего Исаака, Господи, сказавший мне: «Возвратись в землю твою, на родину твою, и Я буду благоволить тебе!», недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему». Иаков смиряется. Впервые в жизни он чувствует себя «на нуле», доходит до предела. До этого момента он считал, что его смекалка никогда его не подведет, он даже придумал целую дипломатию задабривания Исава; но вот он остался один. Иаков готовится к борьбе с человеком, своим братом, которого можно перехитрить и подкупить. Он готов встретить гнев своего брата и четырехста вооруженных людей, которые уже приближаются, но опасность не в брате и не в его людях, опасность в гневе Божием. Ему предстоит побороть не внешние препятствия, не войны, болезни, смерть, а сопротивление Бога, Бога, Который, «когда открывает, никто не может сокрыться, и когда скрывает, никто не может открыть». И вот, когда Иакову осталось миновать лишь одну реку, Бог становится у него на пути.

С каким трудом постигаем мы это место! За всеми обстоятельствами, вещами, людьми, случайностями, везением и невезением, усилиями и трудами стоит Бог, с Которым Иакову предстоит иметь дело, только Бог, Бог в Собственном лице. Все остальное — это лишь знаки Бога невидимого. Бог сокровенный обнаруживает Себя, и на этот раз не во сне, а в борении.

Итак, Иаков остался один. Некто борется с ним до восхода солнца. Некто убеждается, что не может победить Иакова; Он касается бедра Иакова, и тот обнаруживает, что бедро его повреждено. И Некто говорит Иакову: «Отпусти Меня, ибо взошла заря». Иаков отвечал: «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня». И сказал Некто: как имя твое? Он сказал: Иаков. «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом и человеков одолевать будешь». В свою очередь Иаков спрашивает: «Скажи имя Твое». «На что ты спрашиваешь о имени Моем?» — сказал Он и благословил Иакова.

Кто это был? Кто создает такие препятствия для возвращения Иакова в Землю обетованную? Кто покушается на его жизнь? Иаков одинок, как бывают одиноки все в испытании одиночеством, болезнью, смертью. Великое борение Иакова станет для всех людей прообразом их собственного последнего борения. Господь сказал ему: «Ты боролся с Богом», т.е. именно с Самим Богом, а не с внешними непосредственными трудностями. И Иаков подтвердил: «Я видел Бога лицом к лицу». Но что это была за близость! Целую ночь их тела боролись в пыли. Ведь это не придумано в кино, такие вещи не разыгрываются нарочно. Иаков не сказал: «Да будет воля Твоя», он неистово боролся до самого утра. И что же, выходит, Иаков сильнее Бога? Но ведь это невозможно, тогда Бог перестал бы быть Богом. Откуда взялась у Иакова такая сила, которая позволила ему вести борьбу всю ночь и не быть побежденным? Иаков борется, — и в этом поучительность этого рассказа, — тем оружием, которое дал ему Бог. Таким оружием является обетование Божие и Его верность этому обетованию. Об этом говорил и Иов: «Если Он убьет меня, я все равно не перестану надеяться на Него», и то же самое спустя тысячи лет повторяла Тереза Младенца Иисуса. Человек не будет сражен, покуда в нем жива надежда. Иаков победил силою надежды: «Храни любовь и праведность и всегда надейся на твоего Бога», — скажет Осия. Только надежда Иакова составляет его силу, а вовсе не усилия, не хитрость, не человеческие способности. «Потому что Ты обещал»: у Иакова нет иного оружия, но именно это-то оружие Господь и не побеждает. Премудрость Божия скажет об Иакове: «В крепкой борьбе досталась ему победа, дабы знал, что благочестие всего сильнее» (Прем 10. 12). Под утро ему дано было имя Израиль — «сильный в борьбе с Богом и людьми».

Примечательна символика этого имени, которое перейдет от Иакова ко всему народу. Человек прилепляется к Богу, как сцепляются двое в рукопашной схватке, и по милосердию Божьему через надежду он как бы приобретает божественную силу и добивается защиты у Бога, потому что стоит «до конца», как и стоял Иисус. В результате такого стояния Господь оказывается слабее человека, ибо слабость Божия не что иное, как уважение нашей свободы.

Можно было бы сказать, как это сделал отец Молинье, что «любовь Бога к людям, как всякая великая любовь, одновременно и робкая и всецелая». Эти слова придуманы человеком, но в них содержится нечто очень

верное. Любящий Бог должен быть робким, ибо, давая нам все и желая от нас всего полностью, Он ждет этого от нашей свободы. Самой большой опасностью для Иакова было бы прекратить борьбу, сложить оружие, как говорят военные. Иаков должен был победить, потому что Бог сказал ему в Вефиле: «Я с тобою; и сохранию тебя везде, куда бы ты ни пошел». Даже в той борьбе, которую Бог ведет с Иаковом, Бог в конечном счете не может быть *против* Иакова, так как в этом случае Он изменил бы Своему обещанию быть с ним. Вот что говорил Герик д'Иньи в своей проповеди:

«О хитроумная доброта, переодетая в жестокость! С какой любовью ты ведешь борьбу с теми, ради которых борешься <...>. Потому не отчаивайся и держись твердо, счастливая душа, вступившая в борьбу с Богом; да, Он хочет, чтобы ты оказала сопротивление, и желает быть побежденным тобой. Ведь и правда, когда Он во гневе и уже поднял руку, чтобы ударить, Он ищет, по Собственному признанию, человека, который, как Моисей, противостоял бы Ему. И не найдя такого, Он говорит со скорбью: «Нет никого, кто бы поднялся и удержал Меня».

Господь до рассветного часа, когда Он должен исчезнуть, чтобы Иаков не увидел Его лица, остается узником Своей собственной верности. Но и Иакову надлежит продержаться всю ночь до наступления утра. Иисус вменил своим ученикам за правило: «Претерпевший до конца спасется»: спасается тот, кто боролся с Богом и не был побежден. Это поистине уничтожающее доказательство верности Бога.

Итак, если мы воспеваем и утверждаем Бога Верного, мы должны пережить испытание Его верности в борении. И тогда уверенность в любви Бога и в том, что Он не покинет нас, получает подтверждение и испытывается в беспощадной рукопашной схватке. В конечном счете, это и есть то, что нам говорит св. Павел: «Укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие /не в свое собственное и не в то, которое служило Голиафу/, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что ваша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф 6. 10-17).

Вот опять мы встречаем суровые слова, с которых мы начали, но теперь уже в контексте победного гимна: «Станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир. А паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие». Поскольку борение и молитва неотделимы друг от друга, св. Павел добавляет: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом» (Еф 6. 18).

Все мы призваны пройти через Борение Иакова. «Не бойтесь, Я победил мир», потому что боролся с Богом, как Иисус в Гефсиманскую ночь.

МОИСЕЙ

ОТ ПОКЛОНЕНИЯ К ПОСРЕДНИЧЕСТВУ И ХОДАТАЙСТВУ

После Авраама, первого учителя молитвы, после Иакова, который боролся с Богом, мы подходим к Моисею. Авраам был Христофором Колумбом веры. Это был человек, который внял слову и отправился в неизвестную страну навстречу неизвестному будущему. Отправляясь в путь, Авраам прислушивался лишь к смутному голосу сердца и поверил ему до конца. Он шел там, где не было никаких дорог. В каждой молитве есть что-то от Авраама: это всегда начало пути в неизвестность и всегда доверие.

Моисей — человек, которому Бог открыл содержание веры. Авраам уходил, не зная дороги, через пустыню, в направлении, которое указывал ему Господь: «В страну, которую Я тебе укажу». Моисею Господь дает средства проложить путь, Он дает Тору, т.е. то, что мы дурно переводим как «закон». «Ибо Тора по древнееврейски, — указывает еврейский писатель Неер, — это не порядок, а ориентация, не закон, а путь, по которому возможно совместное продвижение». Итак, слово «Тора» связано с понятием пути, который надлежит пройти не только отдельному человеку, но и всему народу в целом. И последователей Иисуса называют учениками «пути Господнего» (Деян 18. 25).

С Моисеем, как ранее с Авраамом, Господь заключает союз. В союзе с Авраамом Бог обещает создать народ, установить новые отношения с Богом (Я буду твоим Богом), дать в удел страну. При заключении Завета Господь повелел Аврааму: «Ходи предо Мною» — и в знак причастности к избранному народу повелел совершать обрезание. Но тогда это было лишь обещание, на которое Авраам должен был положиться силою своей веры; Израиль станет полностью народом Божиим только после откровения Торы — завета Бога с Моисеем на горе Синай.

При заключении этого завета Господь открывает Моисею невероятную тайну: Он нисходит к человеку, связывает Себя с ним договором, чтобы привести его в страну, обещанную когда-то Аврааму, в ту страну отдохновения, которая в конечном счете окажется ничем иным, как Самим Богом, то есть жизнью в Боге.

Когда ап. Павел говорит о многовековой тайне, открывшейся в Иисусе Христе, он имеет в виду Новый Завет, этот завет, который Иисус заключил со всем человечеством, а не только с одним народом. Однако завет с Моисеем представляет уже первый шаг к этому окончательному откровению.

Четыре книги, входящие в состав Пятикнижия и рассказывающие о Моисее, рисуют его как человека молитвы, такой молитвы, которая, проявляясь по-разному, остается всегда единой и непрестанной в сердце его. Моисей — это молитвенник, устремленный к действию, а молитвенник,

устремленный к действию, есть апостол, пророк. Моисей — пророк Ветхого Завета по преимуществу. Пророк, которому Сам Господь присвоил это именование (Втор 18. 15), величайший из пророков до Иоанна Крестителя, бывшего, по словам Иисуса, «более, нежели пророк».

Всей своей жизнью Моисей явил нам три формы отношения человека к Богу, три вида молитвенной жизни: *поклонение, деятельное представительство, прославление.*

Ходатайство и действие, поклонение

В полном одиночестве пас Моисей стада тестя своего далеко в пустыне близ горы Хорив. Прошло много времени с тех пор, как бежал он из Египта. «По исполнении сорока лет» — говорит св. Стефан в Деяниях Апостолов, желая этим подчеркнуть, что в жизни Моисея начинался новый период. Однако, наверное, несмотря на столь большой срок, воспоминание о далеких «стенающих» братьях, из-за которых он пострадал и очутился в изгнании, продолжало преследовать его в одиночестве и скитаниях. По-человечески изгнание его было безнадежным, как безнадежны были и стенания сынов Израиля: что значил он в глазах Фараона, да еще в такой дали?

И вот, как уже ранее было и с Авраамом, Господь Сам проявляет инициативу. Господь всегда обращается первым. Именно так поступал и Иисус: «Следуй за Мной», — говорил Он; «И позвал к Себе, кого Сам хотел», — сказано в Евангелии.

«И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среди тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» (Исх 3. 21).

Итак, первоначальное призвание Моисея, как и призвание Павла, начинается с чего-то странного, чуждого обычной жизни и вызывающего смятение. Так было с Исаяей, которому серафим очистил уста раскаленным углем в то время, как храм наполнился курениями; так было и с Павлом, которому ослепительный свет поразил глаза по дороге в Дамаск. Все эти случаи сопровождались смятением. Приближению к Богу в молитве, даже если это привычная каждодневная молитва, должно предшествовать смятение.

«Когда Моисей увидел, что терновый куст горит огнем, но не сгорает, он сказал: «Пойду и посмотрю на это великое явление, отчего куст не сгорает» (Исх 3. 2).

Этот куст находился в стороне от дороги. Стало быть, нужно было отклониться от намеченного пути! Не для того, чтобы на него никогда не вернуться; но если мы хотим включиться в молитву, нужно сойти с дороги. Впоследствии и Иисус скажет: «Затворись в своей комнате». Не приписывайте мне, будто я утверждаю, что нужно уйти из жизни, чтобы молиться! Вовсе нет! Крюк, который сделал Моисей, несколько не увел его из жизни. Все перипетии Исхода хорошо это показывают. И, тем не менее, какой-то первоначальный перерыв в пути необходим. Библия гласит, — заметьте это хорошенько, — что Господь «увидел», как Моисей подо-

шел к кусту. Господь всегда видит, когда мы собираемся приблизиться к Нему. И сразу же следует: «И воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: «Вот я!»

«Вот я». Таков был ответ Авраама на призыв Бога перед принесением в жертву Исаака. Таков же был ответ Марии. Эти слова характеризуют единственное состояние, позволяющее включиться в молитву, состояние сердечной готовности услышать Бога. Сердце Моисея готово ответить на первый же призыв Бога. И однако:

«Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх 3.5). Это означает — отряхни пыль и оставь грязь свою снаружи. Молитве должен предшествовать период отстаивания. Мутная вода становится прозрачной, если ей дать отстояться. Тогда грязь и тина оседают на дно. К молитве, которая является даром Божиим, можно приступать лишь с чистым, незамутненным сердцем. Всякой молитве должна быть свойственна длительность, потому что для обретения покоя необходимо время. Да мы и сами хорошо это чувствуем; в иные дни мы замечаем, что лишь после получаса молитвы в душе начинает утрясаться. Как бы наша добрая воля ни напрягалась, в первые полчаса мы не можем избавиться от внутреннего возбуждения. Три молитвы по четверти часа никогда не сравнятся с непрерывной молитвой в течение трех четвертей часа, потому что за четверть часа суета не успевает отстояться. Может быть, многоопытному монаху удастся сразу сосредоточиться и углубиться в молитву. Не знаю. Во всяком случае, при любом образе жизни человеческому сердцу в естественном порядке свойственно состояние «замутненности».

Кардинал Мерсье сказал: *«Я открою вам секрет счастья и святости: каждый день на несколько минут умеете заглушить воображение, закрыть глаза на реальную действительность и не слышать звуков, чтобы погрузиться в самое себя. «Сними обувь твою с ног твоих». И там, в святилище вашей души, которое есть храм Духа Святого, побеседуйте с этим Духом».*

Иисус, говоря о молитве, скажет одну единственную вещь: «бодрствуйте». Он никогда не говорил: ‘пусть ваша молитва будет мягкой, успокаивающей, такой или сякой’; Он только сказал: «Бодрствуйте и молитесь постоянно». Если есть длительность и постоянство, вся муть отстает.

Итак, первое приготовление к поклонению состоит в следующем: я отклоняюсь на время от избранного пути и «снимаю обувь», чтобы приблизиться к Нему. Сам Господь наставил нас в этом: к Нему нельзя приблизиться ‘просто так’ или ‘как попало’. В поклонении Моисея не было «невоспитанности».

И тогда Бог невидимый, но присутствующий в форме огня, открылся ему: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова» — и продолжал, в то время как Моисей закрыл лицо свое: «Я увидел страдание народа Моего... Итак, иди: Я пошлю тебя к Фараону».

«Я видел», сказал Бог. Человек, подобно Моисею в изгнании, считает себя одиноким в своем собственном «я»; он размышляет, вспоминает, тревожится, страдает. В одиночку. Это состояние, в котором мы пребываем очень часто: мы не ведаем, или мы забыли, что Господь — рядом.

«Господь находится рядом, а я и не знал!» Это великое откровение Иакова, которое пережил еще раз Моисей перед горящим кустом, и нам предстоит переживать неоднократно. Однако Моисей по первому зову Господа ответил: «Вот я!» Лишь тогда Господь открывает, что Он рядом, что Он, не меньше, чем Моисей, помнит о бедствии Своего народа.

«Я Бог отца твоего». Явив Моисею Свою Святость, Нездешность, Господь хочет «приблизить» Себя к Моисею, дать ему «узнать» Себя. «Этому человеку из колена Левия Бог отцов открывается в совершенном соответствии с долгой традицией». Действительно, весь подтекст говорит как бы о родстве с этим Богом, ибо целый ряд поколений (Авраам, Исаак, Иаков) знал Его и поклонялся Ему. Пусть другие поколения за века рабства забыли о Нем, Господь, тем не менее, представляется Моисею как «Бог отца твоего». Живая память о патриархах сохранилась в сознании.

«Я пошлю тебя к Фараону». Тогда Моисей отвечал: «Ладно! Я пойду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «Как Ему имя?» Что сказать мне им?»

Имя Господне

И тогда Моисею, как некогда Аврааму, но с большей полнотой, было открыто имя Господне. Для Авраама Бог был *Эль Шаддаи* (Бог, пребывающий в горах, в русском переводе — Всемогуший). За долгий путь, который Авраам проделал по велению Всемогущего, Эль Шаддаи так прочно стал его Господином, что, являясь Моисею, Бог назвал Себя Богом Авраама.

Но Моисей желает знать личное имя Бога отца своего; он желает этого для себя и для своих братьев. Это — начало истинной Молитвы Моисея. Разумеется, Господь первым приглашает вступить в диалог, и все же диалог возможен только при желании человека. Господь уважает свободную волю человека в ее самой сокровенной части. Господь Сам не станет называть Своего имени: Он ждет, когда человек захочет его узнать и начинает спрашивать. И тогда Господь сказал Моисею: «Я есмь Сущий /Ягве/».

Ягве открывает Свое имя Моисею в ответ на его желание; и ответ этот был истинный, вовсе не загадка. Вместе с тем Господь остается Несказанным и Неопределимым; поэтому в имени Господнем одновременно присутствует и откровение о Боге, и прикрытие Божественной тайны. Господь открывает Себя в имени, даже если это имя остается тайной. Переводы имени Господнего различны, и каждый из них освещает одну из сторон этого неисчерпаемого слова: «Я есмь сущий», «Я тот, Который есть Я», «Я буду Тем, Кем Я буду», «Я здесь».

Итак, молиться — означает сделать свой разум открытым или, вернее, позволить имени Божьему открыть наш разум и наше сердце для ис-

тинного смысла ценностей, то есть трансцендентности Бога, открывающей нам нашу ограниченность, с одной стороны, и призыва Бога и Его желания, чтобы мы превозмогли свой предел и устремились к Нему. Мы должны знать свои пределы, принимать их и в то же время желать их преодолеть. Молитва выражает этот неустанный порыв нашего сердца.

Диалог. Ты и Я

С этого момента завязывается непрерывный диалог между Богом и Моисеем. Моисей, оснащенный «жезлом Господним», отправляется в дорогу через пустыню. В течение всей трудной и исполненной чудес дороги, которая приведет его на Синай, Моисей все больше и больше проникается близостью Божией, желая лишь, чтобы близость эта никогда не нарушилась. Моисей не перестает молиться, взывать и даже настаивать, и молитвы его, как и когда-то молитва Авраама, опираются только на обетование Самого Бога: «Ты мне сказал...»

Величие Моисея вовсе не в том, что Господь даровал ему силу победить Фараона, провести свой народ через столько препятствий, и даже не в том, что он был пророком. Величие Моисея в том, что в сердце своем он любил Господа более всех даров, которые получил от Него. Он был служителем Ягве не только по возложенной на него миссии, но и по сердцу своему. Сам Господь открывает нам величие Моисея, говоря:

«Если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним;

Но не так с рабом Моим Моисеем, — он верен во всем дому Моем. Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит» (Числ 12. 6-8).

Величие Моисея состоит в близости его к Богу. Если Моисей был «служителем верным» в доме Господнем, то «Христос — как Сын в доме Его», — гласит Послание к Евреям. И мы также через молитву, не только через молитву, но прежде всего через нее, должны принадлежать дому Его (Евр 3. 2-5).

Близость Моисея к Богу открывается нам из другого отрывка Исхода. Это — эпизод заключения Завета со всеми предшествовавшими приготовлениями: «И взошел Моисей на гору; и покрыло облако гору. И слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день (Господь) воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей» (Исх 24. 15-18).

Итак, Моисей ожидал шесть дней. Господь воззвал к нему лишь на седьмой день. Шесть дней полностью принадлежали Богу. Моисей все более и более погружался в облако, он продолжал подниматься в гору (нельзя останавливаться, когда поднимаешься к Богу), и он пробыл там сорок дней и сорок ночей (*сравним это время с нашими урывками молитвы по четверти часа*). Библия благоговее перед тайной этого сорокадневного диалога.

Наконец мы подошли к удивительному и сокровенному отрывку, который — увы! — стал, может быть, слишком привычным для нас: «Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана, вдали от стана, и назвал его скиниєю собрания ... Когда же Моисей входил в скинию, тогда спускался столп облачный и становился у входа в скинию. И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим» (Исх 33.7-11).

Здесь мы достигаем наивысшего момента молитвенного поклонения, причем Господь наш оказывается вовсе не таким Богом, запредельность Которого давит на нас и требует, чтобы мы распластались. Господь говорит с нами, как разговаривают с близким другом. Слова Иисуса: «Я уже не называю вас рабами, но Я назвал вас друзьями», — вполне применимы уже к Моисею.

Еврейский писатель Андре Нехер в своей прекрасной книге «Моисей и еврейское призвание», написанной в послевоенные годы после массового истребления евреев, что лишь усиливает производимое ею впечатление, прекрасно описывает характер Моисея: «Моисей, — говорит он, — это человек первой заповеди, тот человек, которого Господь ищет, показывает, захватывает: «Я Бог твой».

Следует особо подчеркнуть слово «твой» Бог. Господь говорит Моисею не просто: «Я Бог», но «Я *твой* Бог». Разумеется, замечает Нехер, «Моисей воспринимает это Божественное слово *твой* не как обращение к своей собственной личности, но как Слово, сказанное раз и навсегда всему еврейскому народу». Ибо Моисей, как мы увидим далее, никогда не отрывал себя от своего народа. Наоборот, он взял на себя весь ропот своего народа, все его недоверие к Богу. Моисей, первый преемник понятия «твой Бог», воспринял его и пережил с высочайшей напряженностью, подобно тому, как Мария в своей единственности в какой-то момент сумела стать Церковью. Коллективное и личное «твой Бог» с первой же минуты откровения на Синае слились у Моисея воедино, и именно от него откровение о близком Боге («твой») постепенно и очень медленно, — через всю жестоковийность, — дошло и до нас.

Ибо Моисей с момента своей встречи с Ягве в горящем кусте никогда не был больше одним в своем собственном «я». И было это результатом молитвы. Признав в Ягве Бога отцов своих, Моисей воспел Его после победоносного прохождения через Черное море: «Он Бог мой, и прославлю Его». Господь становится ему все ближе и ближе. «Я твой Бог» — это и есть Божественное «на ты».

Я твой Бог, Он мой Бог. «Твой», «мой» в молитве составляют как бы любовный диалог. «Господу сказал ты ныне, что Он будет твоим Богом... И Господь обещал тебе ныне, что ты будешь собственным Его народом» (Втор 26. 17-18). Жаль, что некоторые псевдорелигиозные издания извратили эту первичную истину, которая от этого, тем не менее, не перестает быть истиной. И теперь нам понятно, что Господь, являясь как «огонь поядающий» или «Бог ревностный» представляется нам таким лишь от избытка любви.

Дар имени Божиего, диалог с Богом, отношения «Ты и я» с Богом приводят ко все большему познанию Бога и порождают желание продвигнуться в этом познании все дальше. В молитве происходит ускорение познания Бога.

У Моисея была жажда познания Бога: среди своих повседневных дел — и это прекрасно в нем и поучительно — Моисей постоянно пребывал в поиске Бога, Того, в Ком он в конце концов обрел благодать и Которого узнал по имени.

И тогда возжаждал Моисей еще ближе узнать Бога, и молитва его стала упорнее: «Покажи мне славу Твою»; ничего большего, чем причастие к Божественной тайне, не может пожелать человек. Сила и чистота этого желания являются мерилom нашего духовного благородства. Это желание возвращает ему подобие Божие. Видеть Бога означает уподобиться Ему: «Будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть». (1 Ин 3. 21). Все устремления современного человека, не только верующего, к познанию самого себя и всех чудес окружающего мира есть не что иное, как это, подчас робкое и искаженное, желание: «Покажи мне славу Твою».

Слава — это богатство во всем его блеске. Открой мне Себя, Боже, каким Ты есть на самом деле, а не Таким, каким рисует мне Тебя мое слабое сознание. В другом переводе сказано: «Покажись мне». Заметьте это неустанное желание Моисея, которое делает его открытым постижению величия Божия: «Покажи мне славу Твою». Как это далеко от восхищения самим собою!

И Господь услышал эту просьбу: «Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Ягве пред тобою» (Исх 33. 19). Имя, о котором вы мечтаете, вы услышите из самих уст Божиих, вы не только увидите величие Его, но узнаете и само Имя. Вы познаете несравненное богатство Его Имени. Это великое откровение не только об имени Божиим, но и обо всем том, что это имя вмещает: любовь, сострадание, сладость, благодать, верность.

И Господь продолжил: «Лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых». Напряженность в молитве — это одновременное слышание слов Божиих: «Я проведу пред тобою всю славу Мою» и «Лица Моего не можно тебе увидеть». И, однако, Ягве исполняет молитву Моисея: «Вот место у Меня: стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду... И когда сниму руку Мою, ты увидишь меня сзади, а лицо Мое не будет видимо» (Исх 33. 21-23).

Так исполнилась молитва Моисея: он увидел Бога, пусть со спины. В этом описании заключена вся диалектика и мистика встречи с Богом, когда ее страстно желают. Бог рядом, но ощущают Его несовершенно, по выражению св. Павла, «как в зеркале». Желание встречи с Богом растет и

увеличивается в диалоге молитвы и в более глубоком познании имени Божиего.

Ошеломляющее открытие

Посмотрите заголовки еженедельников, рассчитанных на сенсацию. «Потрясающее открытие Моисея» состоит в том, что человек может полюбить Бога. Уже то, что Бог любит человека — волнующий момент, но как же человеку полюбить Бога? Нехер указывает: «То, что Бог любит людей, что Он является их Отцом и защитником, — все это уже предчувствовали гении древности, хотя и не сумели четко выразить эти предчувствия. Но то, что люди приглашены любить Бога, — вот что поколебало всю религиозную структуру мира. «Следствием Завета был не только страх Божий, но и любовь к Богу. Призвал Моисей имя Господне; «И прошел Господь пред лицом его, и возгласил: Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех» (Исх 34. 6).

Молитва — это не пошлина, которую платят Богу, и не обязанность, которую обещали исполнить, а поиск близости Божией. Молитва не всегда бывает легкой и радостной. Главное то, что я ишу Бога, направляюсь к Нему, что я схожу со своего повседневного пути, приближаюсь к Нему и хочу Его узнать. «И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу как с другом Своим». Молитва — это значит слушать вместе с Моисеем, как Бог говорит со мной лицом к лицу, как друг беседует со своим другом. И если Господь разговаривает со мной как с другом, то я буду говорить с Ним так же.

Заступничество

Молитвенное поклонение и диалог подводят нас к заступничеству. Эту последовательность необходимо соблюдать. Как любовь к Богу есть первая и большая заповедь, а любовь к ближнему, — которая ничуть не меньше, — составляет вторую заповедь, потому что она вытекает из первой, так и заступничество вытекает из поклонения, а не наоборот.

Продолжим чтение этого текста, повествующего о явлении Божиим: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердный /заметьте, вот основание для ходатайства/, долготерпеливый и многомилостивый, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях...» И Моисей тотчас пал на землю, и поклонился Богу и сказал: «Если я приобрел благоволение в очах Твоих, Владыка, то да пойдет Владыка посреди нас; ибо народ сей жестоковыен. Прости беззакония наши и грехи наши, и сделай нас наследием Твоим» (Исх 34. 6-9). Вот каким образом поклонение претворяется в ходатайство.

«Владыка, прости грехи наши и сделай нас наследием Твоим»; это лейтмотив всей жизни Моисея. Поклонение превращает его в слугу своих

братьев и слугу Бога. Только поклонение сделало из него посредника и служителя. Открыв Моисею Свое имя, Господь сказал: «Пойди собери старейшин Израилевых и скажи им: Господь, Бог отцов ваших, явился мне». Для Моисея это было одновременно и поклонение, и откровение. Это «пойди» определяет всю жизнь Моисея: «пойди к фараону», «найди фараона», «скажи сынам Израилевым», «выведи народ Мой», «сделай жертвенник», «сохрани то, что повелеваю».

Самая замечательная выдумка диавола за последние двадцать лет состоит в утверждении, будто бы поклонение уводит человека от жизни! Как можно думать, что поклонение Богу Живому есть уход из жизни? Именно оно-то и бросает нас в самую гущу! «Пойди, скажи, сделай, соблюдай». Впрочем, если я поклоняюсь своему собственному «я», если я сам себе разыгрываю симфонии на тему обо мне, то такое поклонение, разумеется, уведет меня из реальной жизни! Но если речь идет о поклонении Богу, то, знаете ли, оно каким-то странным образом отсылает нас прямо к жизни. Мы можем привести много примеров тому, как явление Господа человеку определило призвание этого человека:

Исайя был очевидцем святости Божией. Стал слугою и пророком Божиим.

Мария Магдалина обращается к Воскресшему Иисусу: «Раввуни!» Господь отвечает: «Не прикасайся ко Мне, а иди к братьям Моим и скажи им»...

Св. Павел: Господь посылает осторожного Ананию к ослепшему Савлу: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое... и Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян 9. 15).

Иначе Господь не поступает. Поклонение Ему влечет заступничество. И каждый этап в жизни Моисея будет обозначен молитвой заступничества.

После возвращения Моисея в Египет и его переговоров с Фараоном, после усиления притеснений его народа со стороны Фараона и жалоб и сетований поработанных евреев взывает Моисей: «Господи! для чего...?» И Иисус в предсмертный час воскликнул: «Боже, Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Народ Израиля возроптал на Моисея из-за отягощения гнета египетского. Моисей не стал оправдываться, но обратился к Богу: «Господи! Для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей, для чего послал меня?». И опять возроптал народ его в пустыне после прохождения через Черное море, оттого что вода в Мерре была горькая и непригодна для питья. И Моисей снова возопил к Господу, и Господь сказал ему, как сделать воду сладкой. Итак, Моисей ходатайствует.

А упреки Мариами и Аарона Моисею за то, что он взял жену Ефиоплянку: «Одному ли Моисею говорил Господь? Не говорил ли Он и нам?» /Числ 12. 2/. Но Моисей ходатайствует за них, несмотря на их зависть. Он

смиренно переносит упреки, и за его молчание Господь Сам выступает на его защиту.

Наконец, вспомним великое заступничество Моисея во время решающего сражения с Амаликитянами, — даже если этот эпизод слишком часто пережевывают проповедники, не умея придумать ничего иного. Он являет нам образец заступничества: «И сделал Иисус, как сказал ему Моисей, и пошел сразиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и Ор взошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль; а когда опускал руки свои, одолевал Амалик» (Исх 17. 10-14). Действенность молитвы и оправдание дела молитвенников не может найти лучшего подтверждения: «Но руки Моисеевы отяжелели; и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем. Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца». Если Моисей избрал молитву, а не копье, то это отнюдь не от лени: «И видел Иофор, тесть Моисеев, все, что он делает с народом, и сказал: не хорошо ты это делаешь. Ты измучишь себя, ибо слишком тяжело для тебя это дело» (Исх 18. 18). В этом же отрывке мы находим исчерпывающее определение роли заступника и ходатая: «Будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела Его».

В заступнической молитве нет ничего платонического. После усердной молитвы Моисею предстоит уйти с головой в гущу событий и людей, творящих зло, а вовсе не умыть руки. Удивительно ощущал это Ганди: он назначал себе наказание, если его ученики оказывались не на высоте. Нужно добиваться! Ибо заступническая молитва не предполагает умывания рук по примеру Пилата. Вся мера заступничества дана нам в эпизоде с золотым тельцом (Исх 32).

Этот эпизод начинается в духе семейной сцены: «Поспеши сойти, — говорит Ягве Моисею, — потому что народ *твой*, что ты вывел из Египта, развратился (Исх 32. 7). /Словно жена говорит мужу: *твой* сын развратился/. Они не замедлили сойти с пути и сделали себе литого тельца». И сказал Ягве Моисею: «Я вижу, что народ этот жестоковыйный. Теперь оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их! А от тебя произведу многочисленный народ».

Итак, вот что предложено Моисею: порвать со своим народом, который оказался жестоковым, и стать самому родоначальником великой нации. Но Моисей отказывается и пытается успокоить Ягве. Лучше всего это описано в самом тексте: «Моисей смягчил лицо Божие /молитва заступничества/ и сказал как Авраам, когда он заступался за Содом, — зачем, Господи, воспламеняться Твоему гневу на Твой народ? Зачем египтяне будут говорить, что Ты хитростью вывел людей, чтобы погубить их в горах и стереть с лица земли? Оставь пламенный гнев Твой и откажись обрушить несчастье на Твой народ. Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабов Твоих, которым клялся Ты Собою, говоря: потомство ваше сделаю многочисленным, как звезды на небе».

Поистине, Моисей как любимый сын полностью доверял отцу и заступался за своих братьев. Тогда Господь сказал: «Хорошо, пойдя к своему народу», — и Моисей пошел. Он во гневе, он укоряет народ, объявляет о наказании. Ведь и Иисус в гневе изгнал из Храма торговцев. И сказал Моисей народу: «Вы сделали великий грех», — заступник должен всегда держать сторону Бога, — «Я же стоял между Господом и между вами в то время, дабы пересказать слово Господа» (Втор 5.5); и нелегко было сказать Моисею правду своему народу: «Я поднимусь к Богу. Может быть, я сумею искупить ваш грех». И он возвратился к Господу: «Увы! Народ этот сделал великий грех; он сделал себе золотого бога. И все же, если бы Ты согласился простить им грех их! А если нет, то изгладь меня из книги Твоей, в которую Ты вписал меня». И вот еще раз Моисей восходит на гору, чтобы быть предстателем за свой народ, совершивший великий грех: «И пробыл я на горе, как и в прежнее время, сорок дней и сорок ночей, и послушал меня Господь и на сей раз; и не восхотел Господь погубить тебя» (Втор 10. 10).

Если молитва поклонения открывает человеку значение истинных ценностей, то молитва заступничества прорывается из самых глубин грешного мира.

Хвала Господу

Поклонение и заступничество — воздаяние хвалы Господу. Восхваление Бога, звучащее на страницах Библии, есть поклонение, соединенное с заступничеством. Такое восхваление укоренено в самой жизни и текущих событиях. Ходатайство без сопутствующего поклонения полно горечи и отчаяния: «Из одной беды в другую», «Нет конца несчастьям».

Ведь вся жизнь Моисея воспринимается как цепь неудач. Иногда он не выдерживает — это минуты его гнева; под влиянием пылкого темперамента он воспламеняется, активно действует, ему свойственна жажда абсолютного. Еще в молодости он страстно жаждал справедливости: заступившись за собрата, он убил египтянина, он разнимает поссорившихся евреев, он защитил мадианских пастушков от обидчиков. Однако позднее он столкнется не просто с людьми, но со всей тяжестью человеческого греха, и это-то и породит в нем хвалу Богу.

Сначала Моисей испытывает личное огорчение: мы узнаем об этом из диалога перед пылающим кустом: «Пойди, Я пошлю тебя к Фараону... — Кто я, чтобы идти мне к Фараону, пошли другого, я не гождусь, человек я не речистый, я тяжело говорю и косноязычен; пошли другого, кого захочешь». Вот первое огорчение. Наверное, позднее Моисей ошутит его с еще большей горечью. Потом придет великое и тяжкое огорчение за своих собратьев, за их ропот в пустыне, их развращенность и поклонение идолам.

Он умер, не дожив до величайшей радости, того, ради чего трудился всю жизнь — вхождения в Землю Обетованную. И, тем не менее, хвала Богу составляет лучшие страницы Второзакония: «И молился я Господу в то время, говоря: Владыка Господи, Ты начал показывать рабу Твоему ве-

личие Твое и крепкую руку Твою; ибо какой бог на земле или на небе, который мог бы делать такие дела, как Твои, и с могуществом таким, как Твое? Дай мне перейти и увидеть ту добрую землю, которая за Иорданом, и ту прекрасную гору и Ливан». Но Господь сказал: «Полно тебе, впредь не говори Мне более об этом; взойди на вершину Фасги и взгляни глазами твоими к морю, и к северу, и к югу, и к востоку; потому что ты не перейдешь за Иордан сей» (Втор 3. 24-27).

Вот встреча, о которой мечтает Моисей, но лишь издалека видит он ту землю, к которой вел он свой народ с такими трудностями, ибо Господа видел он, лишь прикрытый Его рукою в расселине скалы.

«И умер там, на горе Нево, Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, с поцелуем Господа на челе» (пер. Нехера). «Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощалась».

Итак, это нерасторжимое переплетение добрых всходов и плевел, поклонения и заступничества за грешников привело Моисея к гимнам хваления (Te Deum laudamus), радости, прославления, освобождения, которые окрыляют всю жизнь Моисея. Поклонение Богу при самой тесной связи с людьми и научило Моисея воздавать хвалу Богу, причем на таком восхвалении как на закваске восходит вся его жизнь: «Господь крепость моя и слава моя. Он был мне спасением. Он Бог мой, и прославлю Его; Бог отца моего, и превознесу Его (Исх 15. 2).

Торжественную песнь, вознесшуюся из его груди после перехода Красного Моря, Моисей с ликованием продолжил на закате своей жизни: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих. Прольется, как дождь учение мое, как роса, речь моя, как мелкий дождик на зелень, как ливень на траву. Имя Господне прославлю; воздавайте хвалу Богу нашему. Он твердыня, совершенны дела Его».

Такое восхваление Бога было источником силы на протяжении всей жизни Моисея: «Бог верен и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен. Но они развратились пред Ним, они не дети Его по своим порокам».

Восхваление Бога рождается из заступничества за народ на протяжении всей его истории, за «род строптивый и развращенный», который, тем не менее, был всегда любим, руководим и защищаем Богом: «Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал и устроил тебя? Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе. Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых. Ибо часть Господа народ Его; Иаков наследственный удел Его. Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой; ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего. Как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих; так Господь один водил его, и не было с Ним чужого бога» (Втор 32. 1-12).

Вся жизнь Моисея была освещена этой конечной уверенностью: он умер в нескольких шагах от земли обетованной, не сомневаясь в исполнении обещанного ему Богом; он знал, что никто не может стать на пути нерушимой верности Бога и Его неизмеримой любви.

ДАВИД

«ПОМИЛУЙ МЯ, БОЖЕ»

«Открой мне лицо твое», — говорил Моисей своему Богу, столь дружелюбному к нему. Но это было невозможно даже для Моисея: «Лица Моего не должно тебе видеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх 33. 18-20). Шло время, — целая четверть тысячелетия, — а Израиль продолжал искать лицо Божие. Пока он узнал, что только чистые сердцем узрят Бога, потому что Бог свят и праведен, и чтобы увидеть Его, нужно быть подобным Ему.

И вот в ряду благороднейших сердец народа Израилева появляется Давид. Он славит своего Господа и хочет построить Ему дом; ему невыносимо жить в доме кедровом, в то время как ковчег Божий находится под шатром. Но Господь решил иначе: Он Сам хочет устроить дом Давида и увековечить царство его. И Давид возносит благодарственную молитву: «Ты Бог, и слова Твои непреложны, и Ты возвестил рабу Твоему такое благо!» (2 Цар 7. 28).

И вот Давид, такой одаренный и благородный, юноша, одолевший гиганта Голиафа, сумевший простить своего преследователя Саула, этот самый Давид выроет себе пропасть греха. Только поистине великий человек может впасть в такой преизбыток греха: ведь ничтожные люди и грешат ничтожно. Если Моисей взял на себя грех своего народа, то Давид понес свой собственный грех, притом в одиночку.

В псалме, приписываемом Давиду, сказано: «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» (Пс 41. 8). Душа человеческая, писал блаж. Августин в своей «Исповеди», это пропасть, и когда человеческая душа слышит о Боге, в ее бездну низвергаются водопады Божии. Но человеческая душа может стать и греховной бездной... Тем не менее, и в этом случае Бог устремляется в нее, но лишь при условии, что она смиренно признает свое бедственное положение.

Физики прежних веков утверждали, что природа не терпит пустоты. То же можно сказать и о Боге, когда перед Ним стоит опустошенная душа. Он стремится ее заполнить. Именно этому сегодня, как и во времена блаж. Августина, учат нас Давид и его псалмы. Светлана Аллилуева, родная дочь Сталина, прошла через такой опыт и рассказала о нем. Светлана выросла в самом сердце Москвы, в Кремле, в атмосфере воинствующего атеизма. Ближе других наблюдала она драму собственной матери, доведенной до самоубийства, прошла через драму, связанную с ее положением дочери Сталина. В тридцать пять лет ей казалось, что самоубийство остается для нее единственным выходом. И вот — встреча с Андреем Синявским, который к этому времени уже стал верующим и дал ей Псалмы. И с этого дня, вспоминает она, «неисчерпаемый источник, мощный как солнце, заполнил мою жизнь»:

Я не могла найти слов, чтобы выразить все, что я чувствовала. Я нашла их в Псалмах Давида.

Давид слагает песнь, а сердце его широко открыто, оно бьется до надрыва. Он ошеломлен всей этой жизнью, он встретил в ней Бога; он просит Бога прийти на помощь, когда чувствует, что ему не устоять; он рассказывает о своей слабости, ищет, в чем ошибся, корит себя за заблуждения, осознает, что ничего не стоит, что он лишь частица вселенной, маленький атом, затем понимает, что он все же частица, и вот он уже благодарит Бога за весь этот мир вокруг него и за свет, просиявший в его душе.

Ничьи слова на меня не оказывали такого воздействия, как стихи Псалмов. Их жгучая поэтичность очищает душу, возвращает мужество, помогает видеть самого себя, свои ошибки и жить дальше. В Псалмах заключен великий свет любви и истины».

В чем же тайна этой живительной силы? В Псалмах, словами которых Господь учит нас обращаться к Нему, речь идет о двух путях человека (в свое время Иисус скажет то же самое): «Есть два пути. Не три, и не четыре, и не столько, сколько нам вздумается», — объясняет Андре Шураки, один из лучших знатоков Псалмов. «Мы предупреждены: мир расколот надвое. Выбор становится неизбежным... Вся реальность вселенной разделена между Светом и Тьмой». Нужно сказать, что этот несложный принцип присутствует во всем, даже в новейших вычислительных машинах: всего две цифры — единица и ноль — но в бесконечных сочетаниях их достаточно для астрономических вычислений.

Так вот в Псалмах речь идет либо о путях Князя Тьмы, причем Шураки напоминает, что существует сто двенадцать имен, прозвищ и определений для обозначения Проклятого, Нечестивого, Поборника пагубы, того, о ком Иисус сказал: «Рака»; либо о пути Иисуса, Праведника, Учителя, Безгрешного. Ему, Поборнику Истины, также присвоена добрая сотня имен: Смиренный, Верный, Ревнитель Божий.

Можно исходить из другого деления Псалмов, но и в этом случае они будут распределяться на две группы: Песнь поклонения и плач бедности. Бедность (anawah) — это состояние, которое, по определению А. Желина, постигает нас «в результате опыта бедственных испытаний и человеческих неудач». Вся наша жизнь на земле и наша молитва заключены между двумя полюсами: поклонением и бедностью.

«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — Святое имя Его» (Пс 102. 1). «Восклищайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте. Да шумит море и что наполняет его, вселенная и живущие в ней. Да рукоплещут реки; да ликуют вместе горы пред лицом Господа» (Пс 97. 4-9). Земные слова не вмещают неземной радости о Боге: «Сколько бы ты ни говорил, ты никогда не скажешь всего».

Такому поклонению неизменно сопутствует другое состояние, состояние бедности, но бедности не подавленной, а исполненной порыва. А. Жид называл псалмопевцев «людьми, которые с Богом на ты», т.е. люди-

ми, которые не надевают белых перчаток перед Богом, которые обращаются к Богу так же открыто, как Иеремия: «Ты влек меня, Господи, — и я увлечен; Ты сильнее меня — и превозмог... Проклят день, в который я родился» (Иер 20. 7, 14). Великие Псалмы бедности, бедствия, несчастья поглощают наши собственные несчастья и наш грех. «Господи, Боже спасения моего! днем и ночью вопию пред Тобою. Да внидет пред лице Твое молитва моя; преклони ухо к молению моему, ибо душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней... Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них» (Пс 87).

Такова бедность. Человек в бедствии молится, потому что «Господь слышит его и избавляет от несчастья». Такой человек, может быть, не сразу говорит себе: «Покорись Господу и надейся на Него» (Пс 36. 7). Не будь несчастья, он бы этого не сказал; именно потому, что он в бедствии, он знает, что Господь его не оставит. «Перестань гневаться и оставь ярость; предай Господу путь твой и уповай на Него». «Уповай на Господа и держись пути Его» — вот мир успокоенной души. Эта связь между величием и святостью Бога и нищетой человека, которая достигает апогея в песни Богородицы «Величит душа моя Господа», была пережита Исайей в его пророческом призвании. Он слышал ангелов Божиих, взывающих: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, вся земля полна славы Его!» «И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами,... — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис 6. 2-5). Таково сознание своей нищеты.

Хорошо осознав две эти вещи — поклонение и бедность — мы можем приступить к чтению лучшего Псалма Давида: «Помилуй мя, Боже». Сейчас для нас даже не так важно, принадлежит ли этот псалом самому Давиду или одному из учеников Иезекииля. Даже если его написал ученик Иезекииля, псалом этот с совершенной полнотой выразил то, что было на сердце у Давида и что все человечество испытывает до наших дней. Давид был захвачен грехом. Но в то же время он, обладая истинной любовью к Богу и не взирая на свое царственное положение, хорошо сознавал свое человеческое ничтожество. Укорявшему его Нафану Давид признался: «Согрешил я пред Господом» (2 Цар 12. 13). И потому Псалом 50 — это одновременно и призыв грешника, и призыв праведника.

Все учение об обращении полностью укладывается в эти строки: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей!» Эти простые слова выводят нас из сферы сожалений и угрызений и переносят в сферу покаяния. Если в душе одни лишь угрызения совести, мы живем с мучительным чувством стыда от сознания, что дурно поступили. Угрызение всегда обращено к прошлому, оно связано с нами самими, с нашими поступками, может быть, с нашей гордостью или отчаянием. Для Иуды выходы были закрыты, были только сожаления, отчаянье, угрызения в чистом виде: он был обращен к прошлому, которое не подлежало изменению. Вероятно,

он повторял себе: это конец, сколько бы ты ни старался, то, что случилось, вернуть нельзя.

И, наоборот, в покаянии мы говорим, как Давид: «Помилуй меня, Боже!» В покаянии уже присутствует надежда на кого-то, покаяние — это слезы Петра. «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония мои». Вслед за покаянием приходит молитва об очищении, исполненная надежды: «Множественно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною». Давид совершил прелюбодеяние, которое повлекло за собой убийство, но его религиозное чувство было достаточно глубоко, чтобы сказать Богу: «Тебе, Тебе Единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал» (Пс 50. 3-6).

Грех — это не просто та или иная доля виновности в смерти кого-либо или прелюбодеянии, — это, прежде всего, разрыв личной связи с Богом, которая не должна прерываться даже в том случае, если грешник повинен в убийстве. Грех и покаяние мыслимы только в соотношении к Богу, любящему, ожидающему от нас чего-то, призывающим меня любить. «Адам, где ты?» — таковы были слова Бога к Адаму после того, как тот согрешил. А мы стараемся уклониться: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт 3. 10). Но ведь это и есть разрыв личных отношений с Богом: мы прячемся от Бога. Этот свободный духовный акт означает отказ от Бога, предающего Себя нам. Человеческие обстоятельства будут окрашивать грех в различные тона, придадут многообразие его формам, но суть его останется той же — отказ от Бога.

Именно с этого и начинается пророчество Исайи: «Слушайте, небеса, и внимай, земля; потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня». В таком возмущении и заключен грех. Последующий текст построен на противопоставлении возмущения и познания: «Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает (Меня), народ Мой не понимает». В данном случае знание выражает близость, подобную супружеской, в которой обе стороны знают друг друга до конца. «Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, — повернулись назад» (Ис 1. 2-4). Следовательно, возмущение против Бога противопоставляется знанию Бога. И наоборот, говоря о возвращении Израиля к Богу («и обручу тебя Мне в верности»), Осия связывает его со знанием Бога: «Ты познаешь Господа» (Ос 2. 20).

Если мы не оставляем греха, угасание света Божьего влечет тяжелые последствия: грех твердеет, прирастает к нам как скорлупа, облекает нас словно панцирь из грязи. Вспомните слова Иеремии: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкши делать злое?» (Иер 13. 23). Только смиренным дано знать, что всегда можно сойти с пути греха, повернуть вспять и изме-

нить сердце, т.е. совершить два акта, различных, но неотделимых друг от друга. Христианство всегда бережно хранило эту великую надежду. В «Тайне Иисуса» Паскаля Христос говорит: «Если бы ты узнал свои грехи, ты бы лишился сердца. — Пусть я его лишусь, Господи. — Нет, ибо Я, Который говорю тебе об этом, хочу исцелить тебя; и если Я говорю тебе, то в этом знак, что хочу исцелить тебя».

Итак, одновременно Давид обнаруживает и Бога, и свой собственный грех: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Омой меня от беззакония моего, ибо беззаконие мое я сознаю. Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал». В милосердии Божиим Давид открывает нищету человеческую, столь далекую от Бога, но исполненную надежды, как поется об этом в другом псалме: «В свете Твоем узрим свет».

И снова мы слышим призыв к внутреннему обновлению: «Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные» (Пс 50. 10). Давид нарушил молчание, замыкавшее его в самом себе, то молчание, которое не дает признать свой грех: «Когда я молчал, обветшали кости мои» (Пс 31. 3).

У святого Франциска Сальского были причудливые представления о естественной истории, но он с их помощью слагал прелестные притчи. Он рассказывает, что если волк, охотясь за овечкой, схватит ее за лапки, овечка закричит, на крик прибежит пастух и прогонит волка; поэтому хитрый волк хватается за горло; овечка не может закричать, и волк спокойно уволакивает свою добычу. Так вот, молчание погубит мои кости, если я не захочу признать своей вины. Но стоит мне вернуться на путь верности, как молчание превращается в хвалу Богу: «Тебе, о Боже, молчание — хвала» (Пс 64).

И вот уже Давид в ожидании милости Божией говорит: «отврати лицо Твое от грехов моих, и изгладь беззакония мои». При этом у него вырываются удивительные слова: «Сердце чисто сотвори во мне, Боже».

Слово «творить», которое мы встречаем в этом стихе, употребляется в Библии исключительно в применении к Богу: подлежащим к глаголу 'творить' всегда является Бог, и этот глагол не применяется по отношению к человеку. Это означает, что «сотворение заново», о котором молит Давид, не может быть ни плодом рук человеческих, ни результатом жертвоприношений. Изменить сердце возможно только Богу, Творцу неба и земли.

«Не отвергни от меня лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения моего... Господи! отверзи уста мои... Ибо жертвы не желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного /и разбитого/ Ты не презришь, Боже» (13-19).

Необходимо остановиться подробнее на этом месте. В Израиле существовало множество различных жертв для искупления тех или иных прегрешений, но ни убийство, ни прелюбодеяние не могли быть искупле-

ны. За такие грехи виновный подлежал смерти. Но каким судом должно было судить царя, причем царя теократического государства, представлявшего одновременно и главу государства, и помазанника Божия? Разве мог он быть предан казни и побит камнями? Давид находился перед неразрешимой дилеммой: необходимость искупления и невозможность его осуществления. Правда, придут бедствия, предсказанные пророком Нафаном, но не поразят Давида непосредственно; как отец и муж, он перенесет горе в сердце своем. Он хотел бы сам заплатить за свой грех, но нет на земле суда, который мог бы его приговорить.

И вот сердце подсказывает Давиду путь необычный и в те времена никому не известный: «Какую жертву принести Богу? Сокрушенный дух, сокрушенное и разбитое сердце, Господи, Ты не отвергнешь». Это внутренняя жертва, которая должна заменить внешний искупительный ритуал. Разумеется, речь идет не о преходящем и незначительном сокрушении. Минутный стыд проходит быстро, говаривала моя соседка в Марселе. Но жертвой по преимуществу, угодной Богу, бесспорно, является сокрушение сердца в смиренном признании греха.

Пять веков спустя в аналогичной ситуации, хотя внешне она выглядела иначе, встает та же дилемма. Последний царственный потомок Давида, Седекия, захвачен в плен, закован и ослеплен. Анания, Азария и Мисаил среди прочих способных и крепких сложением израильских юношей уведены ко двору Навуходоносора. И только эти трое мучеников отказались поклоняться золотому истукану.

За непослушание Навуходоносору они брошены в раскаленную печь; но это лишь внешняя причина, на самом деле — это расплата перед Богом за грехи Израиля. Эти трое тоже могли бы сказать: «Тебе Единому согрешили». И хотя, как известно, они отказались поклониться идолу, но, солидарные со своим народом, они несут на себе его позор: «Ты совершил истинные суды во всем, что навел на нас и на святой град отцов наших Иерусалим, потому что по истине и по суду навел Ты все это на нас за грехи наши. Ибо согрешили мы и поступили незаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили. Заповедей Твоих не слушали и не соблюдали их, и не поступали, как Ты повелел нам, чтобы благо нам было. <...> Но не предай нас навсегда ради имени Твоего, и не разруши завета Твоего. Не отними от нас милости Твоей ради Авраама, возлюбленного Тобою, ради Исаака, раба Твоего, и Израиля, Святого Твоего, которым Ты говорил, что умножишь семя их, как звезды небесные и как песок на берегу моря. Мы умалены, Господи, паче всех народов и унижены ныне на всей земле за грехи наши» (Дан 3. 28-37).

Мисаил, Анания и Азария, как когда-то Давид, не имеют возможности принести искупительную жертву. Они в плену, где нет ни храма, ни священника: «И нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни жертвы, ни приношения, ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою». На грани смерти они оказались в безвыходном положении перед Богом. Они жела-

ли бы принести искупление за весь народ, но лишены этой возможности. Им остается одно, то же самое, что сделал Давид; эта мысль и приходит Азарии, и он восклицает словами Давида: «Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты». И Азария продолжает: «Как при всесожжении онов и тельцов и как при тысячах тучных агнцев, так да будет жертва наша пред Тобою ныне благоугодно Тебе, ибо нет стыда уповающим на Тебя» (Дан 3. 38-40).

«Сердце сокрушенное и смиренное, Боже, Ты не отвергаешь!» Если невозможно было Азарии, как и Давиду, принести жертву по законам ритуала, то они предложили взамен сокрушенную душу свою и дух сокрушенный и смиренный с молитвою из псалма, и смирение их сердец стоило больше тысяч самых тучных ягнят. Азария знал заранее, что не обманется в своем доверии к Богу, потому что за этой жертвой следовала другая (этого Давид не мог сделать) — жизнь всех троих: «Да будет жертва наша пред Тобою ныне благоугодна Тебе»; да, именно так, — и сокрушенное сердце и надвигающаяся смерть в раскаленной печи.

Все это имеет ближайшее отношение к нам. В жертве, которую мы прославляем на Евхаристическом служении, Христос не приносит в жертву Себя одного (с каким трудом дается нам понимание этого!); все Тело Христа, все Его Мистическое Тело приносится в жертву, чтобы стать во Христе «жертвой живой» в хвалу славы Божией.

Однако какое же это нашло выражение не только в наших повседневных молитвах, но и в самой Евхаристии? Какими словами выражаем мы принесение в жертву самих себя, наше личное участие в жертве Христа? Словами Азарии! «*In spiritu humilitatis et cum animo contrito suscipiamur a Te, Domine*». Латинский текст слово в слово совпадает с молитвой Азарии и повторяет слова Давида. При каждой Евхаристии мы встречаем Азарию, молящегося в печи, и Давида, сокрушенного грехом, и повторяем те же слова... только в современных переводах этот текст померк до неузнаваемости. Много проще сказать: «Нищие и смиренные, мы молим Тебя, Боже», хотя поистине следовало бы повторить за Азарией: «Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты, да будет жертва наша пред Тобою ныне благоугодна Тебе». Вот каким образом мы входим в среду этих великих людей; через это мы также приобщаемся к спасительному действию Христа; и мы теперь умоляем Его, дабы Он даровал нам сердце сокрушенное, умаленное, разбитое, раздробленное — это и есть внутренняя жертва сердца.

Давид оставил нам завещание: каковы бы ни были наши грехи, истинная жертва — в том, чтобы человек предал себя полностью Богу, сознавая всю свою ничтожность и возлагая на Него всю надежду на полное обновление. «Сердце чистое сотвори во мне... дух сокрушенный и сердце смиренное Ты не презришь». Эти молитвенные слова вселяют уверенность в том, что никакие грехи, даже смертные, не смогут отлучить от Бога кающееся сердце.

Пасхальный Агнец был без греха и изъяна, он был совершенен, и вместе с тем Господь принимает человека в мерзости и тлении, если только сердце его сокрушено и он раскаялся; а ведь сокрушение сердца, может быть, и приходит лишь тогда, когда человек увидит всю свою мерзость! Без особых грехов только святые способны испытывать сокрушение сердца; нам же грешным, нередко случается падать очень низко. И, может быть, иным из нас и нужно бы пасть пониже, чтобы воскликнуть: «Сердце чистое сотвори во мне!» Однако воздержимся от этих опасных путей!

С другой стороны, эта молитва, которую с духом сокрушенным мы повторяем при каждой Евхаристии и с помощью которой мы стремимся выразить наше участие в жертве, эта же самая молитва ввергает нас в гущу трагической действительности. Когда мы видим вокруг себя аборт, концентрационные лагеря, ужасающие бедствия, связанные с засухой и неурожаем, когда мы смотрим на все это даже издали, в нас просыпается задремавшая совесть. Что делать? Осудить? Легко сказать: осудить! Как осудить женщину, сделавшую аборт? Оправдать? (Чего проще!) Ни одно решение не принесет удовлетворения. Не существует идеального выбора. Как бы мы ни поступали, руки наши будут замараны, а если нет, — говорил Пеги, — значит, у нас просто и не было рук. Как бы ни было мало зло, добром оно от этого не станет.

Классовая борьба, перевороты, восстания, пытки, похищение заложников, смертные казни, — словом, весь этот калейдоскоп насилия постоянно находится в нашем поле зрения, независимо от того, причастны ли мы к нему или нет. И вот перед нами тоже встает безвыходная дилемма Давида и Азарии.

В этих условиях нам невыносимо утверждать духовное совершенствование, заповеданное Христом, — да и что мы знаем, возмущаясь действительностью, о наших подспудных мотивах, — и столь же невыносимо хранить молчание перед лицом бедствий, понимая, что трагическая действительность угрожает всеобщей гибелью. Таким образом, и в оправдании, и в осуждении мы все равно остаемся сопричастными грешниками. Мой Друг, доктор Шарль Ноде, писал мне: «Такова наша человеческая доля, что мы должны спокойно относиться и к суровым столкновениям с реальностью и к необходимости применяться к ней. В этом суть нашей конфликтной судьбы, которая никогда не будет безысходной, если мы принимаем ее просветленно, без потворства и отвращения, и терпеливо несем наши тяготы».

И вот тут-то, во всем своем значении, встает молитва Божьей Матери. За приветствием Ангела, за словами Елисаветы («Благословенна ты в женах») доносится до нас, как шум морского прибоя, молитва всего человечества: «Святая Мария, Мать Божия, молись о нас грешных ныне и в час смерти нашей».

Потому попросим у Божьей Матери помощи в осознании грехов наших, не угрызений совести, а покаяния и способности к внутренней жерт-

ве. «Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». «Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом» (Рим 7. 18-19, 24-25).

МОЛИТВА БЕДНЫХ И СМИРЕННЫХ

После Авраама, человека веры, отправившегося в путь по слову Божьему, после Моисея, предстателя, собравшего воедино народ свой, после покаянных молитв Давида обратимся ко всей неисчислимой толпе малых и бедных без имени и звания, которым достаточно прожить свою жизнь такой, как она есть, не метя в Наполеоны, словом, тех, кто говорит о себе: «Господи, не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое» (Пс 130. 1). Это — все смиренные земли нашей, тишайшие, молчальники веры, те, чьи молитвы не записаны в наших «духовных» книгах, те, которые на протяжении веков были, однако, хранителями веры.

Если верить историкам, — я вовсе не имею в виду огорчить поборников Реформации — лет через сто или двести после смерти Лютера многие пасторы сомневались в реальности Иисуса Христа и в том, был ли Он действительно Богом. От усиленных исследований они впали в сомнения. Но было в те времена и множество добрых людей, которые просто любили Спасителя, на воскресных богослужениях пели псалмы и хоралы Баха и читали Библию с наивной доверчивостью; они-то и сберегли веру в Иисуса Христа в те времена. Ведь только людей, которых сегодня в шутку называют «чокнутыми», могут сбить с толку тонкие и мудреные диспуты, проходящие на верхах. Это вовсе не означает, что ученые должны быть исключены из числа малых и смиренных. К их числу может принадлежать всякий, лишь бы он, несмотря на свою ученость, сохранял способность к обучению и послушанию.

Попытаемся проникнуть в эту молчаливую молитву малых и смиренных, в молитву огромной молящейся толпы, которая подчас и не знает, что молится.

Что означает: «быть бедным»? Это — зависит от другого. Быть бедным или больным означает зависимость от врача, больничной сестры, социального обеспечения и многого другого. Если вы замерзаете, кто-то должен дать вам одежду, потому что вы ниимущи. Итак, быть бедным — означает зависеть и получать что-либо от кого-то, и это сохраняет силу для всех уровней и форм бедности.

Но если бедность означает зависимость и получение благ от кого-то, то, очевидно, что мы сами не можем сделать себя бедными. Невозможно «делать самому» и одновременно «получать от другого»: либо я могу обходиться сам, либо я получаю. Если бедность означает зависимость, получение благ от кого-то другого, то я действительно не могу стать бедным своими силами. Бедность всегда оказывается «Данной», я имею в виду бедность духовную. Разумеется, я могу отдать мой пиджак, мои средства

¹ Анавим (Anawim (мнж. число)) евр. — бедные, нуждающиеся; ред.: «бедные, нищие Ягве», переводится также словом «смирненные».

другому. Но нужно заглянуть глубже. Духовная бедность открывается лишь тому, кто умеет смотреть и слушать.

Видеть и слышать — это два состояния, которые обращают нас вовне: если я смотрю и слушаю, я отрешаюсь от самого себя; глазами и ушами я воспринимаю внешние вещи и уже не замыкаюсь в самом себе. Но на кого смотреть, кого слушать? Иисуса, Иисуса, Который о Самом Себе сказал, что Он кроток и смирен сердцем (Мф 11. 29). Обратите внимание на это утверждение Иисуса. Оно следует тотчас же после того, как Иисус так горячо благодарит Отца, Который открывается «самым малым» и скрывается от «умных и строптивых» (Мф 11. 25). Кротость есть следствие и знак Его смиренности. Иисус кроток и смирен сердцем.

Об этом напоминает каждый день Псалом 95, который и Церковь и Синагога поют каждое утро и который является великим призывом к умиленной молитве. «Приидите, поклонимся, и припадем, преклоним колени перед лицом Господа, Творца нашего. Ибо Он есть Бог наш... не ожесточите сердца вашего». Но если этого нет, Господь отвращает лице Свое и впадает во гнев: «Я сказал: это народ, заблуждающийся сердцем; они не познали путей Моих; и потому Я поклялся, что они не войдут в покой Мой». Посмотрите также отрывок из Второзакония, в котором Господь предостерегает от того, «чтобы не надмилось сердце наше» (Втор 8. 11-17).

Какими путями действует Господь? В чем состоит божественная «педагогика», как пытается Он сделать нас бедными сердцем? Прежде всего, это — принцип «малого числа», причем от этого малого числа Он хранит «остаток». И, во-вторых, Он использует наши малые возможности, то есть нищету каждого из нас. Учение о малом «остатке» — это закон, как бы божественная «константа», центральная мысль, которая проходит через все Писание. Этот закон имеет две стороны. Одна из них катастрофична: от Израиля сохранится лишь малый «остаток», одна маленькая почка, отросток; зато другая сторона исполнена надежды: все же росток уцелеет. Катастрофический, на первый взгляд, смысл, связанный с тем, что немногие уцелеют, является ведущим, — Писание постоянно напоминает об этом, — но это не единственный смысл. У Исайи есть удивительное место: «Ибо, хотя народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится; истребление определено изобилующею правдою» (Ис 10. 22); и в то же самое время Господь называет символическим именем сына Исайи — «остаток обратится».

После нападения льва останутся всего «две голени и часть уха» — маловато; все остальное съедено львом, но кончик уха все же уцелел, и вот с ним-то Господь и сотворит великое! (Ам 3. 12; 5. 3); то же будет и с двумя маслинами, которые уцелели на верхушке дерева: от большего масличного дерева осталась всего пара ягод, но именно с них-то и начинается все заново! Если дерево срублено на девять десятых под самый корень (Ис 6. 13), все же оно не исчезнет — вот в чем надежда. От того, что сохранилось, пойдут новые ростки, новые плоды, и этот малый остаток станет

когда-нибудь могучим: это и будет тот закланный Агнец, о котором говорится в Апокалипсисе.

Вот первое, что Господь пытается дать нам понять. Господь всегда отдает предпочтение меньшему: Авелю перед Каином, Исааку перед Измаилом, Иакову перед Исавом, Рахили перед Лией, Иосифу и Давиду перед другими братьями. Именно того, кто не имел никаких прав, кто был последним, кого отец оставил на пастбище, избирает Господь для спасения Своего народа. Ап. Павел, глубоко проникнутый библейским сознанием, также говорит об этом непреложном законе: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1 Кор 1. 27-29).

Израиль знал, что избран Богом. Поэтому Моисей и предостерегал его: «Тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле. Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас; ибо вы малочисленнее всех народов; но потому, что любит вас Господь» (Втор 7. 6-8). Итак, закон этот неизменен, назовем его «эпизод Гедеонов». У Гедеоны было слишком большое войско, чтобы вести войну от имени Бога; поэтому Бог действует так, чтобы сократилась численность войска. В конце концов, осталась всего горстка воинов, которым предстояло сразиться с вражеским станом. Но зато, победив, они уже не смогли вменить себе в заслугу этот успех, ибо было очевидно, что защитил их Господь и никто другой. Господь объяснил это Гедеоны: «Народа с тобой слишком много, не могу Я предать Мадиянитян в руки их, чтобы не возгордился Израиль предо Мною и не сказал: рука моя спасла меня» (Суд 7. 2). Мы познакомились с первым законом, законом малого числа и малого остатка, позволяющим Богу явить Свою силу.

Но еще есть и второй закон, по которому этот малый остаток состоит из бедных. В псалме 118 Господь объясняет, зачем Ему понадобилась наша бедность. Вот три стиха, раскрывающие нам смысл: «Прежде страдания моего я заблуждался; а ныне слово Твое храню»; «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим»; «Знаю, Господи, что суды Твои праведны, и по справедливости Ты наказал меня» (Пс 118. 67, 71, 75). Вот об этом мы и должны молиться. Если Господь сделает нас бедными, вот тогда-то все и становится возможным. «Только из верности, о Боже верный, сотворил Ты мне бедность» (ст. 75, пер. с фр.). Эти три стиха как бы знаменуют вершину духовной нищеты, составляющей стержень Ветхого и Нового Завета.

В прежние времена бедность, кротость, смирение обозначали в латинском языке словами «mansuetus», «mansuetudo». Сейчас оно уже не в ходу, но оно хорошо выражает смысл и происходит от глагола «mansuesco», означающего дословно «приучить к руке»; «прирученное» животное послушно хозяину. Так вот, бедным следует считать того, кого Господь

ведет за руку, кого Господь «приручил», кто больше не знает страха, не стремится ускользнуть в сторону и крепко держится за Бога.

Указание на связь народа Божьего с бедностью и кротостью содержится в Библии. Но кто же об этом сказал впервые? Разумеется, пророк! Исайя, Иеремия, Иезекииль? Один из тех, кого мы называем великими пророками? Конечно, и они говорили об этом, но в первую очередь это возвестил «малый пророк», который еще меньше, чем Осия, и которого мы редко читаем. Пророк этот еще меньше, чем Амос и Иоиль; как же мал он должен быть, если мы его не знаем! Так вот, это — Софония, один из самых малых пророков. Мы говорим, что они малые, потому что мало написали. На самом деле они были ничуть не меньше других пророков. Так вот, это был именно Софония, который утвердил ок. 640 г. до Р. Х. торжество народа, которому принадлежит будущее, мессианского народа, народа Божьего, то есть того народа, к которому хотим принадлежать и мы, — народа бедных: «В тот день ты не будешь срамить себя всякими поступками твоими, какими ты грешил против Меня, ибо тогда Я удалю из среды твоей тщеславящихся твоею знатностью, и не будешь более превозноситься на святой горе Моей. Но оставлю среди тебя народ смиренный и простой, и они будут уповать на имя Господне» (Соф 3. 11-12).

Так впервые идея верного остатка Израиля была связана с народом малым, бедным, смиренным. Возможность зарождения такого нового народа возникла потому, что Израиль был в унижении под ассирийским гнетом. Именно этого и ждал Господь, чтобы явить Свою силу и спасти Свой народ «будут пастись и покоиться, и никто не потревожит их» (Соф 3. 13). Он ждал, когда народ этот смирится и обеднеет, не бедностью безденежья, а ограниченностью всех возможностей.

По замыслу Божьему превращение народа в «малый остаток» должно было совершиться в несколько этапов.

Первый этап — смирение; только в смирении проявляются пророки, т.е. те, которые говорят от имени Бога, только смирение создает бедных Бога, «анавим». Нужно хорошо вникнуть в эти слова, потому что в действительности они непередаваемы во всей полноте. Моисей, как мы знаем, был «кротчайшим» человеком, его кротость была совершенной. О других пророках этого нельзя сказать, ибо «не было у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу» (Втор 34. 10); личность же других пророков не достигла такой законченности. Кротость есть устремленность к внутреннему согласию, через которое человек достигает полноты, т.е. предельной завершенности своей личности. Только такие люди могут достигнуть высокой степени пророческого Дара. Смирение и кротость преображают нищего духом в человека Божьего; без этих качеств мы остаемся просто бедняками — неудачниками. Есть в Библии много слов для обозначения нищего, бедного, страдающего человека, — нам нет нужды их перечислять, — но не будет от такой бедности проку, если ей не сопутствует кротость, которая одна только и может сделать людей «анавим»; то же самое говорил святой Павел о любви.

И это же возвещал и великий Исайя: «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, — Святый имя Его: «Я живу на высоте небес, и также с сокрушенным и смиренным духом, чтоб оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных» (Ис 57. 15).

С помощью этого текста Исайи блаж. Августин комментировал первую заповедь блаженства: «Кто такие нищие духом, — писал блаж. Августин, — это смиренные, исповедующие грехи свои, не кичащиеся ни заслугами, ни праведностью. Кто такие нищие духом? Те, которые славят Бога, когда делают добро, и винят себя, когда поступают дурно». И блаж. Августин ссылается далее на Исайю: «А вот, на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим» (Ис 66. 2).

Одним словом, «анавим», столь часто упоминаемые в Библии, это люди, все достояние которых в их немощах. Единственное их богатство в том, что они ничего не имеют, они прошли испытание страданием и созрели, и смирение научило их вручать себя Богу. В любых испытаниях они знают, что Господь рядом. В этом состоит первый этап: смирение превращает бедняка в человека Божьего, в «любящего Бога», как сказано в Писании.

Второй этап: через смирение бедные Бога, «анавим», становятся мистическим ядром нации. Они образуют тот «малый остаток», который принесет спасение, становятся закваской в тесте и поневоле — они ведь вовсе к этому не стремятся — оказываются противопоставленными большой массе людей. И вот они, избравшие пути Господа, которым и без того хватает своих собственных забот, приходят в столкновение с людьми, не желающими их слушать, маловерами, любителями повторять: «К чему такие крайности!», соблазняющимися властью, деньгами, прогрессом культуры, политикой.

Драматизм таких столкновений раскрывается в Псалме 9. 13, 22-27: «Господь помнит их, не забывает вопля угнетенных». Наряду с последними, с «угнетенными», есть и множество других, надменных и гордящихся: «Для чего, Господи, стоишь ты вдаль, скрываешь Себя во время скорби? По гордости своей нечестивый преследует бедного: да уловятся они ухищрениями, которые сами вымышляют». Да, много есть гордецов и нечестивых, которые говорят: «нет Бога». И такие преуспевают; суды Господни далеки от них, они проходят высоко над их головами, и плюют такие люди на своих врагов. В сердцах своих говорят они: «Не поколеблюсь»; и они, не ведавшие горя, проклинают все вокруг.

А потом нечестивые и надменные захватывают в свои сети бедняков и, не умея убить Бога, убивают несчастных.

Эти причины — смиренность бедных, во-первых, и враждебно-насмешливое окружение, во-вторых, — побуждают бедных Бога к объединению. В поисках утешения? Может быть. Но по указанным выше причинам анавины любят друг друга, им присущ общинный дух, и М. Желин всячески настаивает на значении этого общинного духа: «Славлю Тебя,

Господи, всем сердцем моим в совете праведных и в собрании» (Пс 110). Потому и сказано: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» Нищие духом любят общение, организованное или спонтанное, и мы отчетливо видим, что в бедных странах общинная или общественная жизнь, долгие собеседования носят более постоянный характер, чем в странах богатых; так обстоит дело в Бразилии, Африке, во всех странах Третьего Мира. «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это — как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду... Ааронову... елей радости» (Пс 133). Блаж. Августин утверждал, что именно этот псалом послужил отправной точкой к возникновению монастырей.

Анавим, крохотная группа бедняков, составляли окружение Иисуса. И это явилось поводом к благодарственной молитве, которую Иисус принес Отцу: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл то младенцам простым и малым»; и эти-то «простые и малые» учат нас молиться. Тут незачем искать приемы, достаточно читать Библию и хорошенько всматриваться в Захарию и Елисавету, в Симеона и Анну, в Иоанна Крестителя, в пастухов, в самарянку, словом, во всех тех, которые ожидают утешения Израиля: их духовная нищета делает их открытыми дару Божьему, которого они ожидают, не зная толком, что это такое: «Если бы знала дар Божий». Все они, так или иначе, неудачники. Елисавета и Захария праведны перед Богом, наверное, даже безупречны; но бездетность, отсутствие наследников составляет большое унижение для женщины и беду для мужа: ведь Елисавета была бесплодна, а Захария достиг уже преклонных лет. И праведные старики — Симеон и Анна, эта одинокая вдова. И пастухи — исполненные смирения, поверили словам Ангела. И много грешившая самарянка — она, тем не менее, смутно ожидает прихода Мессии, Который разъяснил бы ей всю жизнь.

Все они учат нас молиться; благодаря им, скроенным и сшитым из ветхозаветной ткани, сам Ветхий Завет расцветает по-новому в Евангелии. Чтобы молиться вместе с ними, нужно не выдумывать что-то новое, а вернуть новизну обветшалым понятиям. Прочитайте внимательно гимн Захарии (Лк 1. 67-79), он охватывает все: и псалмы, и пророков. Обратите внимание на ссылки на полях: вы найдете упоминание и пяти-шести пророков, и Книги Бытия, и Левита, и Чисел и мн. др. — все прошлое оживает в этой молитве. Древнее предание заговорило своим привычным языком о посещении Господом Его народа, о сотворении избавления ему, о доме Давидовом, о завете с Богом, о клятве Бога старому Аврааму, о мессианских временах, о прощении грехов по милосердию Божьему, и о Востоке просвещающем, и о тьме, и о тени смертной — все это выливается у Захарии в гимн, полный жизни и молодости, потому что всколыхнулось все это заново и свершается сегодня. И мы, читая молитву Захарии «Благословен Господь» /*Benedictus Dominus*/, можем также ощутить ее новизну; для этого нужно лишь не спешить и прочувствовать ее великолепие; со временем приходит жажда встречи со старым другом. О, близкий сердцу «*Benedictus*»! До чего же хорошо повторять: «Благословен Господь, Бог

Израилев, Он посещает и спасает народ Свой». Все это верно в том случае, если мы сумеем «проникнуть» в этот народ. И день, когда это случается, для Бога всегда день сегодняшний, потому и нет надобности в новой молитве.

Вместе с самарянкой (Ин 4. 1-42) все жалкие и отверженные составляют нескончаемую вереницу нищих духом; их молитва исходит из бедности. Нам часто выговаривают, что нужно оставаться «в гуще жизни», но разве все эти люди так уж далеки от жизни! Сама молитва их продиктована жизнью: «Господи, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не ходить сюда черпать». Правда, нам, живущим в Европе, не понять, что значит ходить за водой к источнику, неся сосуд на голове, однако, скольким женщинам в мире это знакомо!

А прокаженный? Взгляните только на него! Впрочем, всех не перечислишь, это отняло бы слишком много времени. Достаточно раскрыть Евангелие и перечитать возгласы и мольбы всех этих людей, всех безымянных бедняков, о которых мы ничего не знаем, кроме их призывов к Богу, например прокаженного, павшего ниц и восклицавшего: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить». А вот и другой — римский царедворец, переживающий самую большую беду зрелого человека — смертельную болезнь сына и обращающийся к Иисусу: «Господи! приди, пока не умрет сын мой» (Ин 4. 46-53).

«Господи! Я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; но скажи слово...» (Лк 7. 6) — вот удивительные слова, которые до скончания века будут звучать в нашей литургии.

Мы встречаем и молитвы-призывы: «Учитель, где живешь?» (Ин 1. 38). Вот прекрасное начало для молитвы: «Учитель, где Ты?» — Ты в сердце моем, Ты в братьях моих, Ты здесь.

А все эти обращения и мольбы к Спасителю, когда Он в общей суматохе и неустроенности проходил по языческой Самарии: «Господи! я пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошел! — Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда...» (Лк 9. 57-58; Мф 8. 19).

«Господи! позволь мне пойти прежде и похоронить отца моего. — Иди за Мной, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8. 21-22). И на каждую такую мольбу мы имеем ответ Иисуса, который является ответом и на нашу собственную молитву.

А крики и страх учеников во время бури: «Господи, спаси нас; погибаем» (Мф 8. 25); «Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем!» (Мк 4. 38-40). Обратите внимание на различие в рассказах Матфея и Марка, оно отражает наше собственное настроение. Когда мы в хорошем расположении духа, мы молим: «Господи, спаси нас, мы погибаем». Если же мы раздражены и недовольны, то сетуем: «Послушай, о чем Ты думаешь? Разве Ты не видишь, что происходит? Тебе нужды нет, что мы погибаем!» Иисус объясняет, в чем мы не правы: «Что вы так боязливы? как у вас нет веры?» (Мк 4. 38-40). Эти слова дают должное направление нашей молит-

ве. Вот теперь-то мы можем спросить: «Кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?»

А вот эпизод спасения Петра; он тоже дает нам целый набор молитв. Молитва миссионера — знак особой Миссии: «Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди» (Мф 14. 28-33). Она соответствует началу служения, когда мы делаем первые шаги. Но вот подул ветер, наступила сумятица, все стало непрочным, община ли наша распадается, или другие невзгоды — неважно. И тогда: «Господи, спаси меня» — моление, призыв бедного, потерявшего самообладание. И в ответ мы слышим: «Маловерный! зачем ты усомнился!» «Истинно, Ты Сын Божий» — говорим мы. Это молитва нашей бедности и смирения.

У Петра под влиянием воспоминаний о его призвании Спасителем вырывается и другая миссионерская молитва: «Наставник! мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; по слову Твоему закину сеть». И увидев невероятный улов, Петр воскликнул: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный... — Не бойся; отныне будешь ловить человеков» (Лк 5. 4-11).

Великое множество молитв людей, находящихся в беде, молений о помощи находим мы в Евангелии:

— «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов!» — неистовая молитва хананеянки с последующим диалогом о собаках.

— «Господи! помилуй сына моего» — крик отца, сын которого страдает жестокой эпилепсией (Мф 17. 15);

— молитва одинокого больного при купальне (Ин 5. 7);

— «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня», призыв иерихонского слепца. «— Чего ты хочешь от меня? — Господи! чтобы мне прозреть. — Прозри! вера твоя спасла тебя» (Лк 18. 38);

— молитва апостолов: «Умножь в нас веру» (Лк 17. 5);

— исцеление десяти прокаженных: «Наставник! помилуй нас» (Лк 17. 12-19), причем лишь один из десяти после исцеления прославил Бога;

— наконец, слепорожденный, который даже и не просил явно: «Ты веруешь ли в Сына Божия? — А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? — И видел ты Его, и Он говорит с Тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему» (Ин 9. 35-38).

Все это — молитва толпы, неизвестных нам людей, встретивших Спасителя, может быть, всего один раз где-нибудь на дороге. Так что же сказать о Его постоянных приверженцах, знавших Его достаточно хорошо? Марфа говорит: «Господи! Вот, кого Ты любишь, болен... Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог» (Ин 11. 21).

Когда мы просим: «Господи! помоги мне! Господи! приди скорее на помощь!», мы должны верить так же, как верила в помощь Марфа, и повторять за ней: «Господи, верю, что Ты Христос, Сын Божий, Которому должно прийти в мир», и сказать вместе с Марией: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой».

К нищим духом относятся и слушавшие великую проповедь Спасителя о хлебе жизни. Они просили: «Господи! подавай нам всегда такой хлеб». Как видите, мы имеем все, что нужно для молитвы. «Что нам делать, чтобы творить дела Божии? Вот дело Божие, чтобы веровать в Того, Кого Он послал».

«Всякий, видящий Сына и верующий в Него, имеет жизнь вечную» (Ин 6. 26-71). «Господи, научи нас молиться» (Лк 11. 1). «Господи! покажи нам Отца, и довольно с нас» (Ин 14. 8). «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин 21. 17).

В ряду нищих духом стоит и Мария, царица смиренных (только в приложении к ней могут сочетаться эти два слова). Все анавим Ветхого Завета как будто слились воедино в Ней одной: «В Книге Бытия Бог-Отец соединил все воды и назвал их морем; соединение всех милостей Своих назвал Он Марией», — сказал св. Гриньон де Монфор. Через Марию мы воспринимаем молитвы и чаяния, как бы сливающиеся в едином дыхании всех нищих духом, всех бедных и смиренных.

И вот опять мы видим, как древнее предание расцветает новой весной: Мария завершает и увенчивает надежды всех людей, напряженно вслушивавшихся и ожидавших Мессию; каждый из анавим подготавливал и возвещал явление Марии. Она с Сыном вела незаметную жизнь в Назарете: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин 1. 46). Но каждый раз повторяется то же самое: взор Божий падает на маленькое селение без прошлого, без известности. Велеречиво, но, тем не менее, прекрасно пишет об этом Берулий: «Почему Ангел Благовещенья пренебрег торжествующим Римом, мудрыми Афинами, великолепием Вавилона и даже святым Иерусалимом, почему направился он в этот безвестный и неприглядный городок?» Есть в этом что-то таинственное. Именно здесь нашел он тишину, мир, ожидание, благочестивую женщину, смиренную перед Богом и людьми, которой невдомек было значение ангельского приветствия. Ангел возвеличивает Деву, Она же смиряется. Берулий говорит: «Господь сокрыл Ее от смертных тайной Ее девственности, но еще более сокрыл Он Ее от Нее самой силой Ее смирения».

И вот, наконец, мы заканчиваем самой высокой молитвой нищих духом, молитвой молитв, к которой сводятся все молитвы: Magnificat («Величит душа Моя Господа»). Поистине, другого такого синтеза нет. Это — молитва полного самоотречения, после которого все становится возможным. Она составляет всего пять строф и по смыслу делится на две части. Сначала — радость смиренного сердца, с трепетом приветствующего Бога. Это — трепет «боящихся Бога», о которых сказано в Псалмах. «Яко призре на смирение рабы Своея» — все то же «смирение», неотделимое от понятия анавим. Иисус, так много воспринявший от Марии, повторит эту строфу Magnificat: «Славлю Тебя, Боже, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф 11. 25). Марии радостно быть у Бога рабой, потому что Тот, Кого ей суждено ро-

дять, Сам будет Рабом Бога: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Бозе Спасе Моем. Яко призре на смирение рабы Своея».

Далее Мария повторяет пророчество Елисаветы: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!» (Лк 1. 42) и добавляет: «Отныне все поколения будут прославлять Меня, ибо Всемогуший сотворил Мне великое» (Отныне убажлат Мя все роди, яко сотвори Мне величие Сильный).

О дивные дела Божии! Величайшее из чудес! Оно затмевает все раннее известные чудеса: и воды Красного моря, и Исход, и манну небесную, и Завет в пустыне. Третий стих является кульминацией: «И свято имя Его». «Да святится имя Твое», — скажет позднее в молитве Иисус (Лк 11. 2). Это имя, открывшееся когда-то Аврааму и Моисею, станет для Марии вершиной, с которой она будет с любовью взирать на все человечество.

Далее мы подходим ко второй части — песне Воплощения. Мария предостерегает от трех пагубных для человечества соблазнов — гордости, власти, богатства. «Расточи гордые мыслию сердца их; низложи сильные со престол и богатящиеся отпусти тщи».

Ложным ценностям, которые Бог низлагает, Мария противопоставляет упование анавим: «Милость Его в роды родов боящимся Его». Страх Божий исполнен любви и уверенности в Боге: «Сей нищий воззвал, — и Господь услышал, и спас его от всех бед его» (Пс 33. 7). И, наконец, следует последний стих об исполнении обетования и спасении Израиля: «Восприят Израиля отрока Своего». Это радость о новом Израиле: «Торжествуйте, небеса, ибо Господь соделал это /искупил/. Воскличайте, глубины земли...» (Пс 44. 23). Пророчество сбывается: Он принес спасение Израилю, не изменив Своему милосердию, ради Авраама и всех потомков его до скончания века. «Восприят Израиля, отрока Своего, помянути милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени Его даже до века».

Нищие духом, анавим, составляют тот «маленький остаток», который спасает весь мир.

И когда Иисус, Сын Марии, смиреннейший из всех смиренных, Анавим по преимуществу, Иисус — нищий по преимуществу, соберет учеников Своих, Он обратится к ним с такими словами: «Блаженны нищие ду-
хом!»

ИИСУС

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ МОЛИТВЕННИКОВ

И вот мы подошли к созерцанию Спасителя, Этого Величайшего Молитвенника; и как всегда, если речь идет об Иисусе, мы ощущаем, что нет ничего легче, чем отдаться такому созерцанию, и вместе с тем — ничего непостижимее. Казалось бы, все очень просто: короткие, знакомые всем фразы из Евангелия; простые действия, доступные каждому — Спаситель молится. Он воздел руки, возвел к небу глаза. Но все это в то же время и непостижимо, ибо за Его словами и жестами мы ощущаем запредельность Его любви. Его образа, полноту безграничного дара. И в силу этого мы можем постигнуть молитву Спасителя лишь в собственной молитве, предоставляя Ему Самому творить в нас образ Свой. Но присмотримся все же к «великим моментам» жизни Спасителя, и тогда, может быть, мы приблизимся к пониманию неисчерпаемой глубины молитвы Сына Божьего и Сына Человеческого.

Можно сказать, что в те минуты, когда Иисус обращен к Своему Отцу, «реализм» Его человеческого естества находит два вполне конкретных проявления: в Его скорби и молитве. Прежде всего — о Его скорби, Его печали. Самое таинственное в Иисусе — это Его скорбь, томление, о котором Он говорит: «Крещением должен Я креститься; и как томлюсь, пока сие совершится!» (Лк 12. 50)/. Ап. Иоанн, любимый ученик, все время подчеркивает это в своем Евангелии. Если мы признаем Иисуса Сыном Божиим, Самим Богом, то гораздо более таинственно созерцать Его страждущим рабом, чем преображенным. Преображение — это Его «естественное состояние». Но не удивительно ли видеть Его плачущим над Иерусалимом, который не принял Его Благой Вести (Лк 19. 41), скорбящим и плачущим при виде горя Марфы и Марии, и снова «скорбящим внутренне» перед гробом Лазаря (Ин 11. 33-38), произносящим скорбные слова: «Душа Моя возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего!» (Ин 12. 27), возвещающим предательство одного из двенадцати (Лк 22. 21), скорбящим и тоскующим в Гефсиманском саду (Мф 26. 37). Как понять, наконец, великий предсмертный Его возглас (Мк 15. 37)? Все это поистине составляет величайшую тайну для нашего сердца.

Как замечает о. де Любак, удивительное состоит не в том, что Иисус был Богом, и не в том, что Бог есть Бог, а в том, что Бог сделался человеком, подобным людям во всем, кроме греха. И когда позднее Пилат скажет: «се, Человек» (Ин 19. 5), это — истинная правда. Так со всем реализмом обнаруживается в скорби человеческая природа Иисуса.

Но она обнаруживается и в молитве Иисуса, которая не менее удивительна, чем Его скорбь. Прекрасное определение молитвы принадлежит Ганди, который сказал: «Молитва — это каждодневное признание собственной слабости, слабости, избранной Им Самим, разумеется, добровольно, слабости, о которой ап. Павел пишет филиппийцам, совершен-

но реальной и до конца пережитой, — ибо все Евангелие как бы соткано из Его молитвы. И мы должны хорошо отдавать себе отчет в этой непрестанной молитве, совершаемой Иисусом.

Евангелист рассказывает нам о молитве и скорби Иисуса в Гефсиманском саду, когда молитва и скорбь слились воедино; в этом отрывке трижды повторено, что Иисус молился... «в борении прилежно молился», умоляя Отца избавить Его от чаши страданий; «впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22. 39-46).

Эти слова показывают нам, что если в основе всей жизни Иисуса лежит молитва, то сама молитва Его основана на стремлении творить волю Отца: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин 4. 34). В какую бы форму ни выливалась Его молитва, основной фон и смысл Его существования всегда состояли в том, чтобы исполнить дело Отца, завершить Своим собственным откровением великое дело, начатое Авраамом: неисчерпаемое откровение Отца.

Слова «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня», обращенные к ученикам, были сказаны Спасителем сразу же после встречи с самарянкой у колодца Иаковлева. Этой пищи Апостолы тогда еще не знали, пищи, которой Он Сам только и питался. Ибо, открываясь самарянке, Он завершал, доводил до конца Откровение: Мессия — «это Я, Который говорю с тобою» (Ин 4. 26). Пища Иисуса состояла в том, чтобы открывать, что есть Дар Бога, и прославлять Отца через примирение с Ним всего человечества. И когда бы Иисус ни молился, Его молитва всегда направлена на дела, завершение которых вверил Ему Отец.

Все молитвенные минуты в жизни Иисуса следует всегда рассматривать в том же самом свете: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его».

Первые известные нам слова двенадцатилетнего Иисуса были произнесены в Храме: «Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (что Мне должно быть занятым делами Отца Моего, — фр. пер. Лк 2. 49). Они были произнесены в доме Отца, Который есть дом молитвы. Нельзя недооценивать всей силы этих слов: «Мне должно быть занятым делами Отца Моего»; они имеют ту же основу, что и кульминационное утверждение, которое мы услышим позднее: «Я и Отец — одно» (Ин 10. 30). Эта основная суть чувствуется уже в двенадцатилетнем ребенке. Обратите внимание, как хорошо увязан контекст ситуации: «Твой отец и Я с великой скорбью искали Тебя», говорит Мария. Иисус же, услышав слово «отец» в применении к Иосифу, тут же противопоставляет его Отцу Небесному: «Мой Отец! Так у Него-то, в Его доме Мне и должно быть, Его делами Я и должен быть занят». Так через близость Своей личности Иисус подводит нас, поднимает нас до Отца. Вся последующая жизнь Иисуса будет раскрывать глубину этих таинственных слов. Уже с этого момента то, «что принадлежит Отцу», составляет для Иисуса Его пищу.

Таким образом, мы оказываемся перед особым аспектом молитвы Иисуса. Ведь до того, как Его молитвы стали гласными, Он был просто верующим еврейским юношей. Он молился тридцать лет, сначала как ребенок, затем как иудей, т.е. непрестанно! Книга Роберта Арона «Так молился ребенок Иисус» знакомит нас с этой скрытой стороной Его молитвы. Эта молитва состояла прежде всего в «пережевывании», постепенном усвоении Слова Божия по Писанию. Это хорошо видно по тем ответам, которые Иисус, молившийся в пустыне, давал Сатане. Слово Божие питало сердце Иисуса, и нам полезно задуматься над тем, что прежде чем учить молиться других, Он Сам молился теми же словами Ветхого Завета, которыми молимся и мы.

Затем двадцать лет полного молчания. Когда Иисусу было «около тридцати лет», гласит Евангелие, Он совершил первый мессианский акт, и этот акт сопровождался молитвой, был как бы включен в молитву: «И когда выходил из воды» (Мк 1. 10) — «Иисус, крестившись, молился», — уточняет Лука (3. 21), — отверзлось небо, и Дух Святой сошел на Него в виде голубя. Он был в молитве и в тот великий момент, когда заканчивалась Его сокрытая жизнь, оседлая жизнь ремесленника, и начинались великие события, завершающие Ветхий Завет: «Когда настала полнота времен».

Мы должны хорошо отдать себе отчет в том, что когда Иисус принимал крещение водой, Он знал, что это завершится крещением кровью и что первый акт общественного служения в финале приведет Его к Страстям. На молитву Иисуса, выходящего из Иордана, проливает свет предшествовавший диалог с Иоанном Крестителем: когда Иоанн хотел удерживать Иисуса от крещения, ибо знал или предчувствовал. Кто перед ним, Иисус ответил ему: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф 3. 15). Обратите внимание на слова «оставь теперь» и «нам надлежит». Это означает, что и Иоанн, и Сам Иисус должны в точности исполнить порядок, установленный Богом. Молитва Иисуса совершается в атмосфере полного согласия с волей Отца.

Это легче сказать, чем сделать. Ведь если мы вдумаемся в то, что Он был человеком, — разумеется, Богочеловеком, — и что, следовательно, все человечество вместе с Ним должно быть гибким, чтобы вполне соответствовать воле Отца, мы поймем всю важность этой позиции Иисуса. Когда Он пребывал в молитве, молитве полного согласия, когда Он принимал крещение, чтобы «исполнить всякую правду», вот тогда-то и «отверзлось небо». «Ибо Он <...>, разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, <...> потому через Него имеем доступ к Отцу» (Еф 2. 14-18). Брешь в небеса уже открылась, но ее еще должен скрепить Крест. И брешь эта, если можно так выразиться, достигает высот самой Святой Троицы. Этот момент означает вхождение в божественную тайну, в тайну Святой Троицы. «Иисус, крестившись, молился; отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как го-

лубь, и был глас с небес, глаголющий: «Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе мое благоволение!» (Лк 3. 21-22).

Все наши занятия философией или теологией, каков бы ни был их уровень, имеют одну цель — научить нас воспринимать слова, подобные этим, и события, подобные этому; и мы не зря прольем семь потов, чтобы лучше понять «долготу и широту, высоту и глубину» подобных текстов. Только потрудившись, мы откроем для себя глубокий смысл простых слов: небеса отверзлись, явилась Пресвятая Троица. Иисус несет в Себе живую божественность, которая пронизывает все Его Существо и одновременно озаряет Его изнутри, потому что «Он был истинным человеком, подобным нам не только перед Богом, но и перед людьми». Крещение служит как бы развитием той сущности, которая уже ранее была в Иисусе.

Первое великое молитвенное состояние Иисус переживает в момент своего первого публичного акта. Впоследствии перед совершением решающего поступка Иисус каждый раз уединяется, поднимается на гору, чтобы поведать Отцу о Своем решении и соединить Свою волю с волей Отца, ибо именно в этом, только в этом и полностью в этом состоит молитва Иисуса — в предельном слиянии с волей Отца.

Так, перед призванием Двенадцати и перед возвещением заповедей блаженства Иисус долго молится, как подчеркивает Лука, охотнее других рассказывающий нам о молитве Иисуса: «В те дни взшел на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. А когда же настал день, призвал учеников Своих, и избрал из них Двенадцать, которых и наименовал Апостолами» (Лк 6. 12-13). Спустившись с ними, Он остановился «на ровном месте» и стал говорить. Так были возвещены заповеди блаженства. Так же было и с молитвой «Отче наш». Ап. Лука, верный своему намерению отразить Спасителя в молитве, рассказывает: «Случилось, что, когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: «Господи! научи нас молиться...» (Лк 11. 1). А перед тем, как отправиться на проповедь в Галилею, рассказывает Марк, Иисус «утром, встав весьма рано, вышел; и удалился в пустынное место, и там молился».

Нельзя забывать, что, сопрягая в молитве Свою волю с волей Отца, Иисус понимал тяжесть своего положения, ибо «Сам знал, что в человеке» (Ин 1. 25). Проведя всю ночь в молитве перед избранием Апостолов, Он уже знал, что на сердце каждого из них. Он предвидит и их соперничество, и медлительность сердца (Лк 24. 25). И эти ночи молитвы в одиночестве, в пустыне, в уединении гор вовсе не были ночами блаженного экстаза. Эти ночи, проведенные Спасителем в молитве перед ответственными решениями, как и в Гефсиманском саду, были ночами скорби и тревоги о грешном мире, который надлежит спасти в крестных мучениях.

Итак, в ту ночь перед призванием Апостолов Спаситель видит Петра, которого вместе с другими Сатана рассеет как пшеницу (Лк 22. 31-32). Петр станет новым Иовом, только язва у него будет иная, его язвой станет страх. И Иисус молится за него: «Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера Твоя». Он молится и за Иакова, и за Иоанна, Он знает, что призовет

их на следующий день, и молится за этих «сынов грома» (Мк 3. 17). Не всегда Иоанн был таким, каким мы привыкли его себе представлять; многим это покажется утешительным. Иоанн напоминал репейник; как вы знаете, репейник, пока молод, очень колюч, а когда состарится, становится совсем мягким, белым и мягким. Ведь именно Иоанн просил Иисуса низвести огонь на город, который Его не принял. Это он и брат его Иаков просили: «Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей» (Мк 10. 37).

Иисус, молясь, видит все это, еще до того как эти люди сами сделают выбор; Он хорошо видит все, что Ему предстоит вылепить из них и с их помощью. Перечень несовершенств этих людей можно продолжить: Апостолы спорят между собой о том, кто из них больше (Мк 8. 34); Фоме так трудно было уверовать (Ин 20. 24-25); Филипп никак не мог понять, что в Иисусе он видит Отца (Ин 14. 8-9). И, наконец, Иуда. В Иуде представлены все мы, в разной степени, разумеется, и в разные моменты жизни.

Эта ночь, которую Спаситель провел в молитве перед призванием Своих Апостолов, была поистине ночью борения. Св. Николай де Флю говорил: «иногда мы собираемся на молитву, как на войну». Апостол Павел призывал «подвизаться с ним в молитвах за него к Богу» (Рим 15. 30). Итак, молитва Иисуса включает в себя и бореие. Разумеется, в Его внешних поступках сквозит внутренний мир, но сам этот внутренний мир есть бореие; сокрытая молитвенная деятельность подготавливает великое действие, когда Сын Человеческий будет вознесен (Ин 3. 14). В Его молитве любовная преданность Отцу и человеческое бореие неотделимы друг от друга. И молитва Спасителя сопровождается обычными человеческими проявлениями: Он восходит на гору. Он вздыхает, как это было при исцелении глухого (Мк 7. 34); Он берет в руки хлеб, рыбу. Он поднимает глаза к небу. Он благословляет (Лк 9; Мк 6; Мф 14).

Иисус никогда не умалял значение просительной молитвы. Я задаюсь вопросом, отделял ли Иисус просительную молитву от молитвы поклонения? «Молитесь неустанно», — говорил Он. Во всякой подлинной молитве, будь то прошение или поклонение, человек открывается Богу и принимает Его в себя. При этом вид молитвы — прошение, ходатайство, поклонение — не имеет значения. Ценность молитвы зависит не от вида молитвы, а от состояния человеческого сердца. Иисус молился о чудесных исцелениях и скромных житейских вещах, при этом внешние проявления всегда были одинаковы, а сама молитва всегда была поклонением.

Что бы Спаситель ни делал, стержень Его жизни всегда определялся любовным подчинением Сына воле Отца. Он жил так, как и ученикам Своим заповедал: «Не говорить 'Господи! Господи!', а исполнять волю Отца Небесного». В основе того радостного трепета, когда Иисус, исполненный Духа, славил Отца Своего, также лежит «благоволение Отца».

Другим величайшим моментом молитвы Иисуса является Преображение. Ап. Лука в своем описании проникает в глубь события больше, чем Марк или Матфей. Упоминание о молитве в этом отрывке из Луки мы

встречаем два раза: «... дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, возшел Он на гору помолиться. И когда Он молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк 9. 28-36). Для Луки преображение, которое наблюдали Апостолы, есть прорыв славы Господней. Преображение не приходит извне, оно есть результат единения Иисуса с Отцом Небесным.

Иоанн не описывает Преображения, но у него есть рассказ, который экзегеты расценивают как эквивалент Преображения, ибо он повествует о приготовлении Иисуса к Страстям. Подобно тому, как Преображение должно подготовить Апостолов к потрясению, связанному со Страстями и Крестной Смертью, соответствующий отрывок из ап. Иоанна также повествует о приготовлении к этому событию окружающих. Несколько эллинов, пришедших в праздник на поклонение, просили Филиппа: «Господин! нам хочется видеть Иисуса». Филипп сказал об этом Андрею, и оба они передали эту просьбу Иисусу, Который сказал им в ответ: «Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от часа сего? Но на сей час Я пришел. Отче! Прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю» (Ин 12. 20). И в этом случае прославление Иисуса Отцом происходит во время молитвы: «Отче, избавь Меня от часа сего, Отче, прославь имя Твое».

Есть одна совсем короткая фраза, которую Спаситель произносит перед гробом Лазаря и которая характерна для Его молитвы: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня; Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня» (Ин 11. 41-42). Этим Иисус хочет сказать, что Его пища есть творить волю Отца; молитва Иисуса выражает смирение всего Его существа перед любовью и волей Отца, но с такой преданностью, которую мы никогда не сможем себе представить. Вместе с тем это переживается в пределах человеческой природы, и мы, люди, тоже можем вступить на этот путь. Короткая фраза «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня; Я знал, что Ты всегда услышишь Меня» является преддверием к Гефсимании и Голгофе, которые поставят нас перед тайной: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными перед Богом» (2 Кор 5. 21). А также: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою, ибо написано: «проклят всяк, висящий на древе». Иоachim Иеремиас утверждает, что этот текст из Писания (Втор 21. 23) ап. Павел не рискнул использовать в неизмененном виде и потому написал «проклят за нас».

С этого момента, — так было и раньше, но теперь все сгустилось до предела, — Иисус сердцем и разумом прошел через полный опыт греха, через все земные страдания, через мучительную несправедливость; и все это осело в самых глубоких тайниках Его сердца.

Я не могу забыть одного случая, который произошел однажды в автобусе, направлявшемся из Марселя в Сент-Максимин. Это было ранним утром, пассажиров оказалось всего четверо или пятеро. Среди них был и ребенок, — не знаю его возраста (четыре-пять лет), — прелестный ребенок из сказки Сент-Экзюпери, милый, приветливый, открытый. Не знаю, что случилось у матери в тот день, но она была явно в дурном настроении; и до чего же горько было видеть, как этот доверчивый малыш тянулся к матери, начиная с ней разговор, и как она неизменно его одергивала! И было видно, что у малыша вот-вот брызнут слезы. Так вот, Христос возьмет на Себя и это маленькое страдание ребенка, как Он взял на Себя все великие страдания замученных и убитых. Не за личную вину Иисус находится под проклятием, а по любовному представительству: Он Сам принял на Себя это проклятие. Он был «проклят за нас Богом». «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными перед Богом» (2 Кор 5. 21).

Именно в этом свете мы и должны перечитывать Гефсиманское божение (Лк 22; Мк 14; Мф 26): «И начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте»; и, отойдя немного, пал на землю и молился: «Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не как Я хочу, а как Ты». Трепет и смертельная тоска! Ведь по природе Своей Он хотел жить, а не умереть, но Сам взял на Себя наши немощи, наши болезни.

Ключ к этой молитве Спасителя в минуту полной покинутости дает нам Послание к Евреям: «Хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию»; «Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления (такова была молитва Иисуса в эти минуты) могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение» (Евр 5. 7-8), за почитание, за преданность Отцу. Слово «благоговение» обретает в этом контексте весь свой смысл.

Была у Спасителя одна совершенно особая молитва; молитва эта будет повторяться до скончания века. Однажды молитва Христа стала таинством: это — Евхаристия. Не только Спаситель и Его молитва пребудут с нами до конца мира сего, но также и Его молитва.

Не случайно Иисус повторил традиционную молитву и трапезу в память Исхода из Египта и Пасхального Агнца (Исх 13). Тем самым Он как бы привил Свою собственную молитву и Свое таинство на привычный ветхозаветный пасхальный ритуал. От старого оливкового дерева пойдут новые побеги, потому что Иисус привил ему Свою молитву, и она будет жить. Иногда сравнение красноречивее слов: мне представляется, что эта молитва Спасителя за Тайной Вечерей была подобна грандиозному импульсу, и волны, порожденные им, будут непрестанно расходиться и каждый день, в каждой Евхаристии будут приводить в движение весь человеческий океан.

«И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое». Он предавал Себя за нас че-

рез акт, которому не будет конца и который будет повторяться в каждой Евхаристии. «... и, взяв чашу, благодарив, подал им: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов».

Эта волна потрясения Тайной Вечерей докатывается до нас, и человечество в каждый момент своего существования ощущает ее вновь при каждом совершении Евхаристии; ибо сегодня Христос совершает ее через видимого нам священника, но, тем не менее, совершает ее Сам. И эта волна, докатывающаяся до нас от первой Евхаристии, будет нести нас до времени, о котором Спаситель сказал: «Отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф 26. 29). Эту молитву, ставшую действием, ставшую таинством, мы должны сделать нашей внутренней молитвой, и она введет нас в молитву Христа. И вместе с Ним мы принесем ее Отцу. Как велик замысел Божий!

Попытаемся вникнуть во всю глубину последней величайшей молитвы Христа: «После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче, пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя». Эту главу из Евангелия от Иоанна нужно прочитывать в полнейшей тишине, ибо она является самым достоверным отзвуком вечной и неразрывной связи Отца с Сыном. Эти строфы, как бы отделенные друг от друга возгласами: Отче, Отче Святой, Отче, Отче Праведный, — являют славу Отца, являют славу Ягве. В Ветхом Завете слава Божия проявлялась в великолепном сиянии святости Божией, Его беспредельной власти в творении («Небеса проповедуют славу Божию») и в истории Израиля («Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его»).

«Отче, пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную... И ныне прославь Меня, Отче, у Тебя Самого славой, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира».

Христос открывает нам, что все, что Бог сделал для славы Своей, Он совершил ради нас. Ибо эта слава Божия должна передаться и нам, потому что «все мы, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3. 18). Эта слава, которой Христос прославит Своего Отца, будет состоять для Него, Человека, в приближении к смерти в чистоте, послушании и полном согласии, в одиночестве и покинутости даже всеми друзьями. «Отче, пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. Моя пища в том, чтобы творить волю Твою». Теперь все это исполнено.

Дело, завершенное Иисусом и составляющее предмет Его молитвы, есть Откровение об Отце, откровение Имени Его; это и есть то, что Иисус назвал Своей пищей. «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и Посланного Тобою... Я открыл Имя Твое человекам,

которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне... Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть». Открывая Себя как Сына, Иисус тем самым открывает Отца.

Окончательно завершая Свое дело, Спаситель передает учеников Своих Отцу, ибо и тут слава Отца и ученики едины. Иисус разъясняет причину: они Твои, как были Мои, но они были Твои до того, как Ты их Мне дал. «Я о них молю: не о всем мире, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них».

Итак, Иисус, оставляя учеников, передает их Отцу. В них Его слава: «Я прославился в них», — сказал Иисус.

Поскольку Иисус должен их покинуть, нужно, чтобы Отец хранил их тогда, когда не будет с ними явного присутствия Сына: «Отче Святы! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал... Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели... Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную. Я передал им Слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира /именно поэтому Отец будет хранить их/. Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла». Теперь, с уходом Христа, Его должны заменить ученики; теперь они должны стать «посланными»: они пойдут вслед за Христом, чтобы «восполнить недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол 1. 24). «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною... Не о них же только моллю, но и о верующих в Меня по слову их». Последние слова свидетельствуют о том, что каждый из нас является предметом этой молитвы.

Наконец, последнее прошение этой великой молитвы: единство в любви. Открыв ученикам Отца, передав их на попечение Отца, Иисус достигает высочайшей точки в Своей молитве: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас Едины, — да уверует мир, что Ты послал Меня. Я в них и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня».

Если Сам Спаситель положил жизнь ради достижения такого единства, не приходится удивляться, что оно так трудно дается людям. Как часто мы задаем себе вопрос: «А стоит ли игра свеч»? Ответ может быть только один: «Да будут все едины» — это стоило жизни Иисусу. И далее Иисус, стремившийся всю Свою жизнь лишь осуществить волю Отца, произносит удивительное слово — Я хочу: «Отче! которых Ты Мне дал, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира». Молитва Иисуса становится выражением Его воли: «Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них пребудет, и Я в них». Это полное слияние, полное единение в любви.

БЛАЖЕННЫ СЛЫШАЩИЕ СЛОВО БОЖИЕ И СОБЛЮДАЮЩИЕ ЕГО

Сегодня в храмах всех вероисповеданий как сильное дуновение, как мощный поток свежего воздуха ощущается новый призыв к молитве. Его неоткуда было ожидать еще лет десять тому назад, когда значение молитвы было взято под сомнение даже там, где, казалось бы, она должна была цвести — в семинариях и монастырях. Сегодня же повсеместно наблюдается возникновение молитвенных групп и харизматических собраний; молитва объединяет людей всех возрастов, людей самых различных социальных слоев; падают все преграды, разделяющие людей. Особенно важно то, — и в этом самое глубокое значение такого духовного «обновления», — что люди молятся словами Писания, а не своими собственными.

Спаситель оставил нам поучение об использовании Слова Божия в нашей реальной жизни, поучение короткое, но неисчерпаемое и особо ценное потому, что оно было высказано под влиянием конкретных жизненных обстоятельств. Это наставление, продиктованное жизнью, логически должно ввести нашу молитву в русло повседневной жизни.

Давайте послушаем эту заповедь, которая, вместе с Нагорной Проповедью, названа в Иерусалимской Библии заповедью «истинного блаженства»: «Когда же Он говорил это, одна женщина, возвысив голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А Он сказал: блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие его» (Лк 11. 28). *Слышать и соблюдать.*

Немного раньше, у того же Луки, сказано: «И пришли к Нему Матерь и братья Его; и не могли подойти к нему по причине народа. И дали знать Ему: Матерь и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Он сказал им в ответ: матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк 8. 21). Итак, нам надо *слышать, соблюдать, исполнять.*

Слова эти являются отзвуком того, что мы уже читали в описании Рождества Иисуса: «А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем», — рассказывает Лука, — и продолжает: «И Он сошел с ними, и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем». *Сохранять, слагать в сердце своем.*

Все эти молитвенные проявления как бы тяготеют к одному центру — к Деве Марии, и это не случайно, ибо Она являет Собой одновременно и Матерь Божию, и образец христианской матери, и учеников, и самую Церковь. Она Сама есть воплощение «истинного блаженства». Она, сумевшая в решающий момент сказать: «Да будет Мне по слову Твоему».

Мы должны быть предельно внимательны к этим трем качествам, на которых основывается молитва и которые нельзя отделять друг от друга, ибо в разделении их кроется большая опасность. Они имеют силу, лишь когда они слиты воедино; это своего рода триединство — слышать, сохра-

нять, исполнять. Каждое из них очень просто. Ни одно не требует изощренного ума. Запоминание каждого из этих слов не требует мудреной техники, но трудность состоит в том, чтобы не отрывать их друг от друга. Не отсекают одного в пользу другого. Человек не должен разделять то, что связано Богом. Вся наша жизнь будет определяться степенью единения в нас этих трех качеств. Мы можем оставить их в оскудении, но можем и переживать их во всей полноте.

Слушать. Какова этимология этого слова? «Слушать», «вслушиваться» происходят от слова «ухо». «Слушать» означает стараться услышать, напрягать слух. «Просящему у тебя дай, а от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф 5. 42) — сказал Иисус, — и, подобно этому, мы не должны отвращать слуха от брата нашего, т.е. должны внимательно слушать его.

И как важна и прекрасна истина, высказанная в Ветхом и Новом Завете: слух предшествует зрению. Для эллинов и позднее для всех тех, кто стремился к более просвещенной религии, более утонченной, глубокой, более интеллектуальной, чем религия несчастных христиан, часто порабощенных и гонимых, для всех греческих гностиков и приверженцев восточной мудрости, а также для всех видов мистиков на первом месте всегда стояло видение, зрение. Все они прежде всего стремились *увидеть* божественную тайну, увидеть телесно или духовным взором.

В то же время в Библии самое главное — это слух, слушание, хотя, разумеется, его не следует слишком противопоставлять зрению. Отношения между человеком и Богом основаны прежде всего на слышании: «Итак, вера от слышания», — скажет ап. Павел (Рим 10. 17). Вера зарождается оттого, что входит в наши уши, от слышания.

Почему же слышание наделено таким приоритетом? Бог наш не похож на немых идолов (невольно вспоминается ирония Псалма 113: «Есть у них уста, но не говорят»). Наш Бог говорит. «Говорит Ягве». Поэтому слышание Бога становится для верующего самым важным делом. Творящее Слово Бытия — это и есть Бог. Бог говорит — и вещи начинают быть. «И сказал Бог» — вот первое, что мы узнаем о Боге. «Слово Божие живо и действенно», — говорит ап. Павел. «Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, — говорит Исайя. «Как дождь и снег нисходит с неба, и туда не возвращается, но напоет землю, и делает ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест: так и слово Мое, — говорит Ягве, — исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис 55. 10-11).

И когда ап. Иоанн в своем прологе говорит: «В начале было Слово», он хочет этим показать, что то, что было сказано в книге Бытия и у пророка Исайи, исполнилось теперь в живом Слове, Которое и есть Иисус Христос.

И действительно, наши отношения с Богом основаны на том, что мы слышим, что Он говорит. У пророков Иеремии, Амоса мы постоянно

встречаем слова: «Так говорит Господь», «Слово Господа». И в книге притчей Соломоновых сказано: «Слушай, сын мой», и благочестивый израильтянин повторял каждый день: «Слушай, Израиль! Един Господь Бог твой». Иисус, начиная проповедовать притчами, говорил: «Слушайте». Заканчивая притчу, Он нередко говорил: «Имеющий уши, да услышит». Все время речь идет о слышании. Позднее ап. Иаков скажет: «Всякий человек да будет скор на слышание». Слышание — это лейтмотив всей Библии.

Но что же подразумевается под словом «слушать»? Это, во-первых, — обрести тишину. Во-вторых, — не быть занятым. В-третьих, — открыть свое сердце. Даже если эти три акта разделены во времени, они, тем не менее, составляют единый ответ Богу, Который стучит к нам в дверь. Это тот ответ, который слышался в Песне Песней: «Голос Возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам», и стучит в дверь; такое же состояние готовности к ответу предполагается и в Откровении (3. 20): «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, а он со Мною». То же самое можно сказать и о притче о десяти девах: «Вот, жених идет, выходите навстречу ему». Таким образом, нашим первым ответом Богу, Который стучит в дверь, является слышание этого стука, способность, готовность открыть дверь.

Вернемся к названным выше аспектам, и прежде всего к тишине. Может показаться само собой разумеющимся, что тишина и слышание неотделимы друг от друга. Однако необходимо подчеркнуть, что тишина — это та помощь, которую мы можем оказать Богу, если хотим, чтобы Он пришел к нам.

Тишина устанавливается на водной глади, когда стихают и успокаиваются волны. Тишина отвечает закону физиологии человека. Если мышечная активность требует движений и упражнений, то духовная жизнь требует тишины, не бездействия, а внутреннего покоя. Это не напряженное, принудительное молчание, а состояние приготовления к любви. Само молчание Иисуса есть видимое выражение вечного Слова. Св. Хуан де ла Крус в нескольких строках вскрывает всю глубину такого молчания: «Отец произнес слово, которое стало Его Словом и Его Сыном. Он произнес его в предвечной тишине, и только в тишине душа может его слышать».

Второй аспект — готовность. Слово Божие проникает лишь в отрешенные, свободные от всего души. Состоятельный человек редко бывает свободен от всего. У него много забот, ему нужно многое сделать: купить машину, починить телефон, сменить холодильник, а тем временем акции на бирже падают, цена на золото растет! Оттого верблюду легче пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное. У него слишком много всего, все в нем — сердце, ум, чувства — поглощено житейскими делами.

Слово достигает лишь тех душ, которые не поглощены своим достоинством, но и не отягощены отсутствием достоинства. Плохо быть отягощенным достоинством, но все же в этом есть известное утешение! Быть озабоченным отсутствием достоинства — это поистине огорчительно: «Я неудачник», «у меня ничего не получается». Когда человек духовно пуст, его не тяготит ни то, что он имеет, ни то, чего он не имеет. Слово Божие обращено к тем, которые ожидают и призывают. Почему афиняне иронически ответили ап. Павлу, пришедшему к ним с проповедью: «Об этом послушаем тебя в другое время»? Ведь Афины были городом, наиболее открытым к новым течениям мысли: в нем процветала философия, были многочисленные школы мудрости, богатейшие библиотеки, в общем, это была высокая интеллектуальная цивилизация, которую не следует недооценивать. Более того, Афинам, в гораздо большей степени, чем Коринфу, была свойственна высокая моральная культура; афиняне почитали порядок, красоту, гармонию и отличались веротерпимостью и открытостью. И вовсе не такая «деталь» христианской доктрины как воскресение, — они ведь были привычны к удивительным вещам, — оттолкнула афинских мудрецов. О. Фестюжьер писал: «Сам строй их души мешал им воспринять проповедь. Они слушали, но как дилетанты, из любопытства, а не как ревнители по Боге». Мы нередко встречаем в Библии выражение «ревность по Боге». По мнению Афинян, ап. Павел мог сообщить им еще одну премудрость, дать пищу для спора, но ничего более. Они не были расположены к восприятию слова Божия.

Зато Коринфяне... Греческий глагол *κορίνθιαῖζομαι* означал жить распутно. У грузчиков и проституток Коринфа, конечно, более грубых и порочных, чем жители Афин, было более свежее восприятие. В них было больше готовности воспринять, и ни один из них не стал бы возражать: «Все это давно известно». Они не заботились о том, чтобы сопоставлять или превозносить свои знания. Таким образом, слышать — это не только «впускать в одно ухо», но и быть способным воспринять.

Наконец, открыть свое сердце. Сердечная открытость появляется в результате двух предыдущих состояний под действием благодати Божией. Я могу слышать, могу даже попытаться создать внутреннюю незанятость, но открыть мое сердце возможно только Богу. Здесь мы должны опять обратиться к Деяниям Апостолов, к тому месту, где рассказывается об обращении Лидии в Филиппах Македонских: «В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел» (Деян 16. 14).

В совершившемся обращении действовали все три элемента: слышание, результат слышания — «Господь отверз сердце ее» и присутствие возвестителя слова Божия (повествование Павла). Много раньше об этом говорил Моисей: «Господь дает сердце, чтобы разуметь».

Второе основное качество — это умение сохранять Слово, вживаться в него.

Вслед за Лидией, которая умела слушать, мы понимаем, что слышание влечет за собой умение благоговейно сохранять. П. Клодель, поэт огромной чуткости, писал: «Нередко мудрецы повторяли нам, что нужно слушать, чтобы услышать. Ничего не возразишь! Но сейчас нам предстоит поиск, в котором действует не наш слуховой аппарат и даже не напряжение нашего ума: всем существом нашим мы внимаем тому, как пребывает Само Бытие».

«Сохранять Слово» — это и есть проникновение в нас, прорастание в нас не слов как таковых, но живого Слова Бога. Вспомним притчу о сеятеле, являющейся не только притчей о почве, — доброй или каменистой, как мы сами, — сколько притчей о длительном сохранении. В ней, действительно, речь идет не столько о способности воспринять посеянное зерно, сколько о способности сохранить его. Птицы склевывают зерно, прохожий затапывает его; на каменистой земле зерно всходит быстро, но засыхает от недостатка влаги, — таков «непостоянный человек», — говорит Иисус (Мф 13. 21). Зерно, упавшее в терние, прорастает, но заглушается тернием и не достигает зрелости. О хорошей же земле сказано: «А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце, и приносят плод в терпении» (Лк 8. 15). В этом случае время сделало свое дело. И только Марк в притче о сеятеле добавляет один штрих: зерно прорастает «и днем и ночью» и развивается, не требуя ухода. «Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе».

Итак, Слово услышанное должно продолжать жить и расти в нас; оно не должно сохраняться неизменным, как в холодильнике; напротив, оно должно возрастать во все периоды нашей жизни. «Холодильник» возникает тогда, когда мы отгораживаемся изнутри от Слова Божия многочисленными бумагами и книгами; Йозеф Ридинг составил об этом молитву по случаю собрания Синода Католической Церкви Федеральной Германии:

Господи,
Они приходят на смену друг другу,
Чтобы просунуть листья бумаги
Между мной и Тобой.
Я боюсь, что скоро не смогу Тебя видеть.
Неужели нельзя, чтобы искра Духа
Спалила эти бумаги
И чтобы над ворохом серого пепла
Я снова мог видеть Тебя?

Медитация. Как понимать это слово? Закрывать глаза, сдвинуть брови и усилием мысли извлечь что-то из собственной головы. Но на древнееврейском глагол «mediter» означал шептать, произносить, приговаривать», а затем размышлять и воображать», — разъясняет Андре Шураки. Меди-

тация, — или богомыслие — это состояние глобального созерцательного восприятия, в котором человек повторяет себе, нашептывает, прочитывает вполголоса строки из Торы — вечного Слова Вечносущего. Оно сказано не для того, чтобы быть хранимым за музейным стеклом, как сохраняется бедная Джоконда за тройными витражами, непроницаемыми для пуль: его скорее можно сравнить с запасом зерна, которым любителю хороший хозяин, погружая в него руки, пересыпая из ладони ладонь и стараясь ощутить обладание им. Множество псалмов учит нас медитации, начиная с самого первого, вступительного, уже давшего нам ключ к ней:

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых,

и не стоит на пути грешных,

и не сидит в собрании развратителей;

но в законе Господа воля его,

и о законе Его размышляет он день и ночь!

Когда я вспоминаю о Тебе на постели моей,

размышляю о Тебе в ночные стражи.

К Тебе прилепилась душа моя;

десница Твоя поддерживает меня (Пс 62).

А также:

Буду размышлять о делах Господа;

вспоминать о великих Твоих деяниях (Пс 76).

Этот шепот размышления, медитации станет громким призывом о помощи в минуту смятения:

Господи! да не постыжусь,

что я к Тебе взываю;

Но Ты услышал голос молитвы моей,

когда я воззвал к Тебе (Пс 30).

Есть время размышления, есть и время призывать о помощи:

Услышь, Господи, слова мои,

Уразумей помышления мои.

Внемли гласу вопля моего,

Царь мой и Бог мой! (Пс 5).

Но самым важным действием в молитвенном бдении является то, о чем Спаситель сказал: «Сие творите в Мое воспоминание». Слова эти, повторяемые при каждой Евхаристии, означают не повторение наизусть, не воспоминание о давно прошедшем событии, а переживание его заново, сегодня, его актуализацию. Событие как бы оживает вновь. Когда я повторяю шепотом слова псалмопевца, я оживляю событие, о котором идет речь, переношу в актуальность слова: «Сие творите в Мое воспоминание» — подобно тому, как памятник актуализирует перед Богом и перед людьми событие или человека. И потому такое «воспоминание» обязывает нас к действию.

А. Шураки в своей книге «Повседневная жизнь древних евреев» рассказывает о том огромном различии в понятии продолжительности, которое характеризует нас, людей современного Запада, и евреев древности.

И чтобы узнать нечто важное о молитве, нам следует попытаться вникнуть в склад древнееврейского сознания. Время действия, — прошедшее, настоящее, будущее, столь важное для нас, — для библейского человека, «для еврея древности имело второстепенное значение и никогда не бывало четко обозначено». Главное же в том, что событие (минувшее) воспринимается как снова реально-происходящее, когда оно выражено словами. «Древнееврейская фраза сообщает о событии, причем каждое ее слово как бы отбрасывается на экран в виде образа. Она разворачивается как фильм, в котором каждая буква, каждое ударение, каждая пауза являются составляющими компонентами». Другими словами, для нас является естественным располагать события во времени по отношению к нам самим, и потому мы придаем такое значение прошедшему, настоящему и будущему. Если я стою перед памятником умершему герою, я вспоминаю о подвиге, совершенном им когда-то. Человек же семитского склада включается в событие как современник; так и поступал ап. Павел. Он включается в ход событий, напрягая все свое существо, он не остается посторонним наблюдателем. Именно поэтому его молитва жизненна и действенна. Вместо умственного рассуждения о том, что произошло три тысячи лет тому назад, во время Исхода, (впрочем, может быть, это было не три, а четыре тысячи лет тому назад) семит реально переживает Исход, для него Исход разворачивается сегодня. И если он не понимает смысла того или иного события (в прошлом или настоящем), он знает, что в какой-то момент развития (не теперь) непостижимое станет понятным. Именно таков смысл фразы евангелиста Луки: «А Мария сохраняла слова сии, слагая в Сердце Своем» (Лк 2. 19).

Сходное выражение мы встречаем и в книге Бытия: «Братья Иосифа досадовали на него, а отец его запомнил это слово» (Быт 37. 11) (сон Иосифа); а также в книге пр. Даниила: «Меня, Даниила, сильно смушали размышления мои /после видения/, и лице мое изменилось на мне; но слово я сохранил в сердце моем» (Дан 7.28). Слова эти говорят о том, что человек, получивший откровение, сохраняет его в душе на будущее. Он не понимает смысла откровения в текущем мгновении, но знает, что придет время, когда этот смысл ему откроется; для него вся жизнь сконцентрирована в настоящем времени. Евангелист Лука стремится особо подчеркнуть отношение Марии к явлениям, значение которых Она поймет лишь в пасхальном Откровении. Только тогда найдет объяснение все то, что Она сохраняла живым в Сердце Своем.

Мы далеки от каких бы то ни было интеллектуальных построений. Предаваться медитации, как сказано выше, — это смешаться с толпой, которая окружала Иисуса в ожидании чуда. Размышлять об осуждении Иисуса — означает присутствовать на суде Пилата не в качестве зрителя, а в качестве свидетеля, а, может быть, и самих судей, которым еще предстоит ответить за приговор над Иисусом. Это значит приобщиться к тому «множеству свидетелей», которыми полна Библия. Единственный способ удостовериться в правоте этих свидетелей состоит в том, чтобы самому

поддаться воздействию Библии. Многого остается нам непонятным, мы не в состоянии охватить все, но вот мы встречаем человека, который хочет, чтобы мы сделали выбор, — человек этот и есть Иисус. Занимая такую позицию, мы сможем смотреть на Иисуса Христа с точки зрения апостолов и евангелистов.

Итак, оба действия — «слышать» и «сохранять слово в сердце», если мы всерьез переживаем их и испытываем под их влиянием внутренние изменения, — означают одновременно и «исполнение». Нам становится понятным, почему и до какой степени созерцатели и молитвенники, о которых повествует Библия, эти неутомимые искатели Бога, являются людьми действия. Следуя их путем, мы оказываемся вовлеченными во все проблемы этого мира, в его многообразную борьбу. Однако необходимо, чтобы эти проблемы и эта борьба были сначала пережиты в глубине сердца и лишь затем вынесены на поле брани, которое открывает перед нами каждый новый день. Если мы вслушиваемся в такие слова, как «Кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною», если мы размышляем о них и повторяем их изо дня в день, из месяца в месяц, если мы достаточно вникаем в смысл каждого слова, — мой «крест», «отвертись себя», «следуй за Мной», — то в какой-то момент слова эти разъяснят нам наше собственное положение. Это будут уже не отвлеченные слова, а слова нашей жизни, вошедшие в нашу плоть и кровь, если только мы действительно внутренне правдивы; если же мы им не верны, то слова эти будут ощущаться как жизненно необходимые, и мы будем призывать их всем нашим существом. Отсюда становится понятным выражение «меч обоюдоострый», встречающееся в послании к Евреям: «Слово Божие живо и острее всякого меча обоюдоострого». Обоюдоострый — «чтобы, двигаясь вперед, рассекал препятствия или, двигаясь назад, утверждал стойкость» (П. Клодель). Вот что означает обоюдоострый меч. Он проникает до разделения души и духа. Он судит помышления и намерения сердечные. Мы действительно убеждаемся, что это не простое слышание. Слово прорастает в нас, как сказано было в притче. «И нет твари, сокроенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его» (Евр 4. 13). В греческом тексте это звучит еще выразительнее: все «взято за горло и подчинено», словно речь идет о борце, схватившем противника за горло и покрившем его.

Здесь полезно обратиться к Мадлен Дельбрель. Она не была ни монахиней, ни знатоком богословия, ни специалистом в гуманитарной области. Работая в социальном обеспечении, она была полностью поглощена разнообразной деятельностью на этом поприще. Как христианка, она жила «обычной жизнью и обычными делами». Но откуда в ней этот благодатный дар, преобразивший ее жизнь в сплошную молитву? И откуда это отношение к жизни, сделавшее ее для многих духовной руководительницей? Она записала кое-какие мысли, просто так, для себя. Эти записи не нуждаются в комментариях, они живо свидетельствуют о том, как современная женщина слышала, хранила и переживала Благую Весть:

Евангелие — это книга о жизни нашего Господа. Оно существует для того, чтобы стать книгой нашей жизни.

Оно написано не для того, чтобы быть понятным; в него нужно вступить как на порог тайны.

Оно написано не для того, чтобы быть прочитанным; оно должно быть принято всей душой.

Каждая фраза Евангелия есть дух и жизнь. Подвижные и свободные, они ожидают жаждущей души, чтобы наполнить ее. Его живые слова подобны закваске, которая заставит перебродить наше тесто для нового строя жизни.

Во всех прочих, человеческих книгах слова понимаются умом и взвешиваются.

Слова Евангелия мы можем лишь испытать на себе, подвергнуться их воздействию.

Слова из других книг мы усваиваем. Слова Евангелия изменяют нас самих, ваяют из нас, уподобляют нас себе.

.....

Когда Спаситель нам говорит: «оставь должникам твоим» или «да, да, нет, нет, а что сверх того, то от лукавого», от нас требуется только послушание, и никакие рассуждения не помогут.

Поможет нам только одно — нести в себе, «сохранять» в теплоте нашей веры и надежды Слово, которое мы хотим соблюсти. И тогда между ним и нашей волей как бы заключится жизненный договор.

Когда мы держим в руках Евангелие, мы должны помнить, что в нем пребывает Слово, Которое в нас хочет стать плотью, хочет овладеть нами, привить в нашем сердце Свое Собственное, соединить с нашим духом Свой Собственный, чтобы мы прожили Его жизнь в другом месте, в другое время, среди других людей.

При таком углублении в Евангелие мы откажемся от нашей прошлой жизни ради новой жизни, ведущим образом которой будет Христос.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Есть много путей, открывающих доступ к мыслям и молитве ап. Павла. Я предлагаю вам задуматься над двумя фразами. Одна из них, вызвавшая обращение Савла, принадлежит Иисусу. Савл отправляется в Дамаск, чтобы разыскать учеников Спасителя и доставить их «связанными» в Иерусалим. Услышав голос, говорящий ему: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня?», он спросил: «Кто ты, Господи?». Ответ, который он услышал, изменил всю его жизнь: «Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян 9. 5). Эти несколько слов Иисуса останутся укорененными в сердце ап. Павла навсегда.

Другая фраза принадлежит самому апостолу: «Горе мне, если не благовествую!» (1 Кор 9. 16). Слово «горе», которое он употребляет, в те времена выкрикивали зрители побежденным гладиаторам: «*Vae victis!*» (горе побежденным). «Горе мне», если я не проповедую Евангелие, и ап. Павел поясняет: «Если я благовествую, то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!». Более того, апостол употребляет и слово «необходимость», которое в греческих трагедиях обозначало все неизбежное и исходящее от самой судьбы. Это жизненная необходимость, и я не могу поступать иначе. Горе мне!

Эти две фразы создают ткань молитвы ап. Павла. Из фразы, повлекшей обращение, исходят два основных убеждения ап. Павла. Первое касается универсальности Тела Христова: «Нет уже Иудея, ни язычника; ни раба, ни свободного; ни мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3. 28). Итак, Царство Божие, Тело Христово, включает все человечество и преобразует все общественные категории.

Второе убеждение ап. Павла состоит в том, что спасение достигается верою в Иисуса Христа, а не исполнением Закона. Об этом нельзя забывать, если мы хотим постигнуть самую основу апостольской и евангельской молитвы этого человека. Мысль о спасении верою во Христа, а не Законом мы встречаем во всех посланиях апостола: «Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от Закона, но с тою, которая чрез веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых» (Фил 3. 8-11). Предпочтение, которое отдает ап. Павел вере во Христа перед праведностью в Законе, выражает приоритет внутреннего над внешним. Иисус говорил об этом: «Все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон. А исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека». Итак, важно не то, что входит в человека, а то, что исходит из его сердца (Мф 15. 17-20; Мк 7. 15). В этом примат духа над буквой: Дух животворит, буква же убивает. Так мы

подходим к внутреннему содержанию молитвы, когда чистота сердца преобладает над формальной чистотой, вера над делами. Тем не менее, апостол ничем не пренебрегает и ничего не отвергает. Он остается «Еврею от Евреев, по учению фарисей», но все в нем становится полем действия Духа Святого: «Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию» (1 Кор 10. 31).

В силу этих убеждений, — если основой жизни апостола было свободное избрание, призыв Божий, если его опорой и гарантией было «Апостольство Божией милостью», а не делами, — рычагом, поднимающим мир, должна была стать молитва. Для апостола Павла молитва не означала ни духовного упражнения, которое необходимо выполнять, ни даже просто встречи с Богом, (я говорю «просто», будто это на самом деле такая простая вещь!) молитва была для него прямым продолжением встречи со Христом на дороге в Дамаск: она была апостольской.

Каковы наиболее знаменательные черты этой молитвы ап. Павла? Первая особенность, которую он претворял в жизнь и о которой настойчиво напоминал, выражена в словах Иисуса: «Сказал им также притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать» (Лк 18. 1). И Иерусалимская Библия, и экуменический перевод подчеркивают связь этого отрывка у ев. Луки со словами ап. Павла, утверждая, что это выражение Луки («притчу о том, что должно всегда молиться») заимствовано у Павла.

Молиться непрестанно, никогда не унывая — все поучение Иисуса заключено в этих словах. Иисус не оставил нам руководства по молитве. Он просто сказал «бодрствуйте и молитесь». И первохристиане хорошо помнили эту заповедь Спасителя: они были усердны в молитве. Итак, первое, о чем Павел говорит и учит нас всей своей жизнью, — ибо он тоже не писал руководства по молитве, — это непрестанная молитва. По словам Иисуса, должно всегда молиться. Мы должны все время перечитывать те места, где Павел призывает молиться непрестанно, не унывая. В его посланиях мы беспрестанно встречаем слова о молитве: молитесь во всякое время, днем и ночью, будьте постоянны в молитве.

Вот несколько текстов:

«Непрестанно вспоминаю о вас, всегда прося в молитвах моих...» (Рим 1. 9-10). Ни рутинный стиль, ни благочестивый бюрократизм не могли повлиять на проповедь апостола. И, тем не менее, он пишет: «Непрестанно вспоминаю о вас, всегда прося в молитвах моих...» Поистине, если он говорит об этом, стало быть, это так и есть; это не может быть преувеличением, хотя он и был южанином.

«Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение» (Рим 10. 1). Молитва апостола — это самое горячее желание его сердца, она потому и непрестанна, что исходит из сердца, она и есть само биение сердца. «Всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою...» (Фил 1. 4).

В этой постоянной и непрерывной молитве есть две стороны, которые сплетены неразрывно и неотделимы друг от друга: мольба и хвала.

Для апостола мольба и хвала составляют единое целое, это — молитва, проникнутая благодарением. Послушаем его обращение к Филиппийцам: «Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою». Из этого мы видим, насколько апостольская мольба Павла прочно и тесно связана с молитвой. Далее мы находим еще более точное выражение этой же мысли: «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом» (Фил 4. 6). Это очень важно, потому что только таким путем молитва наша может быть радостной. Если бы наши молитвы содержали одни прошения, мы превратились бы в сухих угрюмых людей с мрачными лицами. А просительная молитва, в которой постоянно живет ап. Павел, вся соткана из радости. В этом и есть смысл жизни апостола, в этом сочетании мольбы и радости, даже среди страданий: «Благодарим Бога и Отца нашего Иисуса Христа, всегда молясь о вас» (Кол 1. 3). Апостол не ограничивается молитвой, но каждый раз благодарит Бога, как тот прокаженный, один из десяти, вернувшийся поблагодарить Бога за исцеление. Уже в самой молитве апостол воздаст хвалу Богу.

Как и Иисус: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня» (Ин 11. 41-42). Слова эти повторял ап. Павел, и нам также следует их повторять. А также: «Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших» (Фес 1. 2). Радость и хвала Богу всегда наполняли сердце ап. Павла.

Можно даже сказать, что у Павла акт благодарения был центральным и как бы притягивал к себе остальные элементы молитвы. Благодаря тому, что мы обрели в лице Спасителя («Если бы ты знала дар Божий» — /Ин 4. 10/), у нас появился неистощаемый источник для благодарения. Невозможно молиться, не черпая из этого источника.

Весьма характерно, что для Павла денежный сбор в пользу иерусалимской Церкви, — дело совсем житейское, — также станет поводом к благодарению: «Чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу» (2 Кор 9. 11). Итак, прошение и благодарение у апостола Павла всегда переплетены и составляют одно целое.

Послушаем, что еще пишет ап. Павел Фессалоникийцам: «Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас перед Богом нашим, ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лицо ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей?». Как видим, Павел вовсе не пренебрегает просительной молитвой, горячо желая снова увидеть дорогие ему лица. Он не только не пренебрегает просительной молитвой за других, но молится и за себя; без колебаний он молится об удалении таинственного «жала»: «Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня». Итак, он молится за себя, но эта молитва не была удовлетворена, ибо Господь отвечал ему: «Довольно для тебя благодати Моей». Столько раз молитвы Павла были исполнены, но в дан-

ном случае этого не произошло, по крайней мере, явно: «Довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12. 8-9). Апостолу труден этот отказ, но если сила Божия проявляется таким образом, он, тем не менее, пребывает в радости: «Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда я силен» (2 Кор 12. 10).

Благодарственная молитва содержит просьбы апостола о том, что необходимо для блага и спасения других, будь то денежный сбор или встреча с братьями. Такая молитва выражается в форме «вспоминания». Это очень характерное для ап. Павла выражение молитвы: он «вспоминает». В древнееврейском культе тех времен «вспоминание» было существенным религиозным актом; воспоминание оживляло минувшее событие, возвращало его в настоящее, актуализировало его. Это понятие так глубоко укоренилось в сердце апостола, что он спонтанно «вспоминает» своих братьев, актуализирует память о них: «Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью», — пишет он Тимофею (2 Тим 1. 3). Апостол часто вспоминает близких людей, как бы ощущая их живое присутствие, и даже в совсем коротком письме к Филимону он пишет: «Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих». Так проявляется непрерывность молитвы ап. Павла.

Вторая черта молитвы св. Павла: молитва эта апостольская, связанная с тайной Христовой, которая ему открылась, и Евангелием, которое он призван проповедовать. У Павла молитва и его апостольская миссия связаны воедино. Поэтому молитва становится борьбой, сражением. Она далека от причитаний и великолепных гимнов, которые доставляют радость самому молящемуся, — конечно, гимн являет собой прекрасную форму восхваления Бога, как это показал псалмопевец; но для Павла, именно потому, что его молитва апостольская, она — прежде всего борьба: «Умоляю вас, братия, <...> подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу» (Рим 15. 30).

Апостол ободряет Колоссян, напоминая им, что не он один, но и другие братья поняли это: «Епафрас, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах» (Кол 4. 12).

Эту борьбу должны разделить все. В том же послании Павел говорит о своем подвижничестве в молитве: «Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии и Иераполе, и ради всех, кто не видел лица моего в плоти». Вся апостольская жизнь целиком составляет борьбу, а молитва составляет исток этой борьбы и сам штурм.

Если мы говорим, что апостольская молитва подобна борьбе, то это потому, что она есть зарождение нового. Зарождение Тела Христова через проповедь, через возвешение благой Вести: «Ибо хотя у вас много наставников во Христе, но немного отцов; я родил вас во Христе Иисусе

благовествованием» (1 Кор 4. 15); а также: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал 4. 19).

В послании к Фессалоникийцам есть удивительный пассаж, в котором ап. Павел чисто по-матерински говорит о своих духовных детях: «Мы были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны. Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедовали у вас благовестие Божие». Наряду с этим апостол проявляет отеческие чувства: «...потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец своих детей /если мать — это, прежде всего, нежность, то отец — это как-никак отец/ мы просили и убеждали и умоляли /в одном случае — ободрить, а в другом, может быть, и поругать!/ поступать достойно Бога, призвавшего нас в свое Царство и славу» (1 Фес 2. 12).

Таким образом, молитва ап. Павла лежит в ключе борения, зарождения нового. «Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» — пишет он Коринфянам (2 Кор 4. 12). То же самое говорил и ап. Иоанн: «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь» (1 Ин 5. 16). Молитва за собрата дает ему жизнь — ап. Иоанн также мог в этом убедиться.

В скобках заметим следующее. Я отнюдь не против тех или иных молитвенных приемов, но когда речь идет о делах божественных, столь необъятных и нас превосходящих, мы вынуждены признать, что они несоизмеримы с делами человеческими, как бы хороши эти последние ни были. Поэтому необходимо понять, что все, что вы можете придумать, все приемы дзен, йоги, лотоса — все это не может заменить пламенного горения сердца, охваченного великой страстью. И только потому, что ап. Павел, ощущая себя одновременно и отцом и матерью, переживает родовые муки за Христа и членов Его Тела, Его молитва и обретает истинную силу. Какие методы бы ни изыскивали, они останутся лишь техническими приемами без этого главного фактора.

Единственное, что необходимо, — это возжечь пламя в глубине сердца. Без этого мы впадаем в ритуал, который отвергал ап. Павел. Между волчицей, которая воет над умершим детенышем, и служащим похоронного бюро, который пожимает вам руку со словами соболезнования, одновременно протягивая счет, лежит пропасть. Молитва — это как бы ожог, это — воющая волчица. Вот к чему мы должны стремиться: к этому пожару в сердце. Тогда и молитва станет живой, действенной. Молитва такова, каково само чувство, ее пробудившее. «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?... Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8. 35-39).

Когда ап. Павел вопиет о своей вере и уверенности, никакие приемы и методы ему не нужны, это получается само собой. Но такие родовые муки невозможны в одиночку, Павел просит всех своих братьев молиться, чтобы Евангелие возвещалось. Он просит братской молитвы, чтобы отвести самую страшную угрозу: «Горе мне, если не благовествую!» — «Итак, молитесь за нас, братия, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось» (2 Фес 3. 1). То же в послании к Ефессянам: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом... и обо мне, дабы мне дано было слово — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования» (Еф 6. 19).

В соборе св. Трофима в городе Арле в Провансе есть древняя статуя ап. Павла, сильно поврежденная временем. В сохранности уцелел лишь рот. Пострадал нос, вовсе отвалились уши, но выразительный рот производит особо сильное впечатление именно оттого, что все остальное попорчено. Поистине, прекрасная иллюстрация к тому, о чем писал апостол Ефессянам: «Молитесь обо мне, чтобы устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно!» Вот прошение апостола и его молитва за братьев, призывающая их к молитве.

Третья особенность молитвы ап. Павла. Мы не можем определить ее одним словом, потому что в ней содержится парадокс. Действительно, апостол писал Римлянам: «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих». Павел находится в постоянном борении и страдает от этого. И в то же время, — здесь-то и заключен парадокс, — этот человек, пребывающий в страдании, столь же постоянном, как и его молитва, может писать: «Я презбилую радостью при всей скорби нашей» (2 Кор 7. 4). Подобные слова мне довелось услышать однажды из уст папы Павла VI, и мне почудилось, что это ожил сам апостол Павел. Мы были вдвоем. Папа делился своими скорбями, связанными с недугами Церкви. Да, не на артроз он жаловался, а на трудности и беды Церкви. «Но, тем не менее, — сказал он, — великие дела совершаются в Церкви!» Лицо его неожиданно просияло: «О да, я исполнен радости в этих огорчениях, когда вижу такие прекрасные дела!». И в этот момент я уже не знал, кто со мной разговаривает, Павел VI или апостол Павел.

Парадокс ап. Павла и состоит в этом постоянном смешении страдания и радости. «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь. Для чего я и тружусь и подвигаюсь силою Его, действующей во мне могущественно» (Кол 1. 24, 29). Это и есть исполнение заповеди Спасителя о том, что «должно всегда молиться и не унывать». И это стало лейтмотивом всех посланий ап. Павла: «Вы же, братия, не унывайте, делая добро» (фр.: не уставайте делать добро, 2 Фес 3. 13), т.е. никогда не говорите: «Ну, с меня хватит, надоело!» «Посему, имея по милости Божией такое служение, мы никогда не унываем» (2 Кор 4. 1). А также: «Делая добро, да

не унываем» (Гал 6. 9). Обращаясь к Ефессянам, апостол писал: «Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях».

Мы подошли к одной особенности Ветхого Завета, которая выражается словом *hésed*. Слово это обычно применялось к Богу, но оно становится качеством человека молитвы, молитвенника. Ветхозаветное слово *hésed* обозначает привязанность человека к кому-либо, причем эта привязанность предполагает участие помощью, действенную и верную преданность. Так, *hésed* со стороны Бога — это Его Завет, выражающий верность Бога и Его милосердную любовь к народу Израиля. Со стороны человека — это близость к Богу, любовная и исполненная страха, такого страха, который испытывает любящий человек, боящийся чем-либо не угодить любимому. Именно в таком духовном климате осуществляется молитва апостола Павла.

Hassid, человек, живущий в таком климате и постоянной молитве, испытывает привязанность к Богу, сплетенную из нежности и уважения. В таком человеке соединены понятия «любовь» и «культ». Именно это глубокое чувство нежной привязанности к Богу преобразует обязанности, связанные с христианской жизнью, озаряя их светом таинственной любви Бога к нам.

Вот что означает величие этого слова для человека. В Христе явлен образ, совершенная «икона» этой привязанности Бога (*hésed*) и ее полноты в человеке. И все-таки, как же следует переводить это слово? Я опасаясь, что привычный перевод этого слова не удержит нас на необходимом высоком уровне. Поэтому нужно очень правильно понимать его значение. Апостол Павел в таких случаях употребляет особое слово, которое по-гречески звучит как *εὐσεβία* и которое, за невозможностью найти более подходящее выражение, переводят как «тайна благочестия». «Благочестие» означает вовсе не ту благочестивую религиозность, которая побуждает ставить свечи и аккуратно преклонять колена. В наше время понятие «благочестия» стерто («какая благочестивая девушка!»), оно почти ничего не обозначает. Но мы должны попытаться представить себе его истинный смысл. Для ап. Павла оно обозначало основную духовную атмосферу его молитвы, разумеется, в соединении с любовью, и часто упоминалось им в посланиях: «Дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим 2. 2).

Речь идет не об «упражнениях в благочестии», а о самом духовном климате. Ап. Павел просит Тимофея: «Упражняй себя в благочестии», просит как о самой существенной вещи, которую надлежит исполнять. Итак, еще раз попытаемся очистить это слово от всего, что в него привнесено славянского: «Благочестие на все полезно, и себя спасешь и слушающих тебя» (1 Тим 4. 8-16). Необходимо восстановить в слове «благочестие» его первоначальный смысл и дух *hésed*. В ветхозаветном понимании благочестива лишь та душа, которая верует в единого Бога и уповает на Него Одного. Поэтому она сходна с душой анавим.

Вот как определяет дух благочестия о. Спик: верить в Бога святого, всемогущего, любящего, поклоняться Ему, иметь «страх Божий», любить Его, покоряться Ему полностью, согласовывать свою волю с волей Его, соблюдать заповеди Его не из страха, а из почитания. Тогда вся нравственная и вся человеческая жизнь превращается в культ, в религиозное служение. Вершиной такой жизни для ап. Павла является Иисус Христос, «тайна благочестия», — говорит о. Спик.

Истинное благочестие должно пронизывать всю нашу жизнь и наши поступки. Для ап. Павла оно имеет два основных последствия. Во-первых, оно освобождает человека от жадности и привязанности к земным благам. В письмах к Тимофею апостол неоднократно возвращается к этой мысли: «Учи сему и увещевай... учению о благочестии. Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу» (1 Тим 6. 3-10).

Благочестие обеспечивает благоприятную почву и климат для успешной молитвы; оно придает силы для преодоления трудностей. «А ты последовал мне в учении,— пишет апостол, — все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». Все же остальные, — продолжает ап. Павел, — «злые люди и обманщики» (2 Тим 3. 10-12). Итак, через благочестие апостол приходит к независимости от житейских забот и обретает силы для преодоления трудностей.

Почему же вся апостольская жизнь была насквозь проникнута молитвой? Можно привести, по крайней мере, пять мотивировок.

Первый мотив в том, что истинное возрастание возможно только через Христа. Павел насаждал, кто-то другой поливал, но и Павел, и Аполлос только соработники, а возрастание происходит от одного Бога (1 Кор 3. 5-11). Они — строители, но основа одна — Иисус Христос. Мы молимся, потому что только Иисус может обеспечить успех апостольскому делу и проращению посеянного зерна.

Второй мотив: «Чтобы вера наша утвердилась не на мудрости человеческой, но на силе Божией, мы проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную» (1 Кор 2. 5-7). Такая премудрость только от Бога, и перед ней сам Павел оказывается неуверенным и боязливым.

Третий мотив: «Потому что брань наша не против крови и плоти», т.е. не против сторонников того или иного политического режима. Брань эта выражает лишь внешний признак, символ, видимую часть борьбы с невидимым: «Брань наша не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6. 12).

Четвертый мотив: «Ибо мы служители Иисуса Христа у язычников». Именно в этом заключена неодолимая сила апостола Павла: «Писал к вам, братие, с некоторою смелостью... по данной мне от Бога благодати быть служителем Иисуса Христа у язычников и совершать священнодей-

ствии благовествования Божия, дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно Богу» (Рим 15. 15-16).

Пятый мотив: потому что христианин так создан. Почему молился ап. Павел? Почему писал он нам все то, что мы только что прочитали из его посланий? Потому, и апостол это знает, что у христианина сама сыновняя его сущность является источником молитвы: «Когда пришла полнота времен /уже здесь нам преподан Символ веры/, Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление». Молитва — это знак стяжавших Дух усыновления. Для них говорить означает молиться: «А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче! Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал 4. 4-7). Христианская молитва совершается для ап. Павла не только ради успехов апостольского служения, но и потому, что все его существо как сына Божьего выражает себя в молитве: Дух Святой побуждает его к молитве.

Итак, вместе с апостолом Павлом и подобно ему будем молиться друг за друга, молиться непрестанно, молиться усердно, чтобы устами возвещать тайну благовествования.

МОЛИТЬСЯ ВМЕСТЕ С ДЕВОЙ МАРИЕЙ²

Есть в Писании такие места, которые невозможно читать без сердечной боли. Они так просты, подлинны и прекрасны, и вместе с тем мы ощущаем, перечитывая их, насколько мы от них далеки! Например, гимн любви ап. Павла. Когда мы перечитываем XIII главу Первого Послания Коринфянам со всеми ее оттенками братской повседневной любви, мы можем только краснеть от собственного несовершенства. Нечто подобное должны испытывать святые, когда они обращают свой взор к Марии. Они говорят об огромной радости и доверии, но за этим слышится как бы потаенная жалоба. Может быть, эти чувства лучше всех выразил св. Гриньон де Монфор:

Я обращаюсь к Тебе, о прелюбимый Иисусе, чтобы посетовать с любовью на то, что большинство христиан, очень ученых, даже самых ученых, не понимают должной связи, которая существует между Тобою и Твоей Святой Матерью.

Когда мы говорим об Иисусе и умалчиваем о Марии, мы рискуем придти к Христу обедненному, к Христу, Который быстро утрачивает Свою подлинность. Об этом говорит современный богослов отец Л. Буйз:

История это подтверждает; христианство, которое отказывает Марии в том почитании, которое Ей оказывает Церковь, есть христианство искаженное. Какое-то время может казаться, что оно сохраняет главное ядро, поскольку оно сохраняет Христа, но скоро внешняя видимость обнаруживает свою иллюзорность. Как только Марию лишают Ее уникальности, Сам Христос, Которого думали сохранить, оказывается искаженным. В Нем уже не происходит соединения Бога и всего человечества.

Именно это и угрожает нам сегодня. Мы прославляем Христа, — это хорошо, — но Христос без Марии, хотим мы того или нет, очень скоро утратит Свою человечность.

Поэтому апостольское увещание Павла VI от 22 марта 1974 г. знаменует восстановление связи между Христом и Марией. В нем отмечено все, что касается причастности Марии к Святой Троице: Мария неотделима от Святой Троицы, от Отца и от Сына. Она есть самый прекрасный плод действия Духа Святого и через Духа являет собою нерушимое, связующее с Церковью звено.

В Марии все соотнесено ко Христу и все от Него зависит. «Если вы хотите познать Мать, познайте Сына», — писал Гриньон де Монфор. Из всей вечности избрал Бог Отец для Христа Марию. «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих». Этот текст из Притчей Соломоновых литургия относит к Марии, и это глубоко верно. Воплощение Христа изначально связано с образом, ожиданием, присутствием Марии. Она была избрана Богом Отцом и наделена всеми дарами Духа ради

² Сокращенный перевод.

Христа. Мария стала «обителью Царя», местом, где покоилось Слово, где «Оно сделало Себе кушу». Мария — это святое место. Идея святого места в Писании связана с Марией, как связана и с Иерусалимом, святым городом. Мария также и Церковь. Мы рождаемся от двойного материнства Марии и Церкви, о чем уже говорил очень давно Исаак, английский монах «Звездной обители» (Stella): «И та и другая — Мария и Церковь — Матери Тела Христова, но ни одна из них не рождает все Тело без помощи другой». Мария завершает тайну Христову.

Среди путей, ведущих к восстановлению сути культа Марии, Павел VI особо выделяет библейскую ориентацию. Через Писание мы постигаем Марию: «Развитие библейских исследований, примеры Предания и сокровенное действие Духа побуждают современных христиан все больше прибегать к Библии как к основной книге молитвы, получая от нее истинное вдохновение и несравненные примеры».

Через Библию образ Марии обретает «новую силу» и новые очертания.

Мне хотелось бы вам рассказать о тайне Марии так, как она была преподана мне самому. Я ничего не придумал сам, мне рассказал об этом доминиканский монах о. Р. Бернар, который написал прекрасную и, к сожалению, исчезнувшую из книжных лавок, книгу, озаглавленную «Тайна Марии».

Размышляя о Марии, мы не создаем мифа и не возвеличиваем идола — мы просто открываем удивительную тайну: в этой совсем молодой девушке Слово-Сын Божий обитает не только в душе, но и телесно, «in utero», — говорил св. Фома Аквинский, не боявшийся называть вещи своими именами. Слово обитало во чреве Ее. Присутствие в Ней Христа не было чудом, происшедшим помимо Ее сознания: ангел принес Ей благовест, и гимн Марии «Величит душа моя Господа» показывает, в какой мере Она отдавала Себе отчет в случившемся. «Призрел Он на смирение Рабы Своей... сотворил Мне величие Сильный». Итак, Она знает. Разумеется, Она не может знать всего, но предложенное Ей материнство Она приняла вполне сознательно. Она приняла и сохранила Христа от имени всего мира и прежде всех.

Вместе с Фомой Аквинским я восхищаюсь этим «сознательным согласием» во всех его четырех измерениях. Прежде всего, Мария зачала Христа в сознании, через веру, до того, как зачать Его плотью. «Блаженна уверовавшая», — сказала Ей Елисавета, и слова эти повторяет церковная традиция. Блаж. Августин писал: «Для Марии большим счастьем было принять веру во Христа, чем Его зачатие во плоти. Если бы сохранение Христа в сердце было для Нее меньшей радостью, чем сохранение Его во чреве, Ее материнская связь с Ним была бы напрасной».

Мария приняла Христа сознательно, чтобы стать верным свидетелем, свидетелем, полностью осведомленным, и можно думать, что в Евангелии от Луки приведены Ее личные конкретные воспоминания о детстве Иисуса, даже если Лука облек их в библейскую форму. И когда нам гово-

рят, что Мария сохраняла все это в Сердце Своем, речь идет не столько о Ней Самой, сколько о Христе, первым свидетелем Которого Она стала.

Добавим, что Она сознательно идет на этот акт для того, чтобы было явлено подлинное послушание. То, что было разрушено Евой через непослушание, Мария восстанавливает в акте свободного послушания: «Призрел Он на смирение Рабы Своей».

Наконец, Она сознательно идет на этот акт и для того, чтобы показать, что «между Сыном Бога и человеческой природой заключен брачный союз». Это, действительно, обручение Слова и природы человеческой, Слова и каждого из нас. Св. Фома Аквинский писал: «Так согласие Марии, будучи согласием одного лишь человека, ожидалось как согласие всего человечества в целом».

Мы так часто восхищаемся Авраамом, но Мария стала как бы новым Авраамом и бесконечно больше, чем Авраам. Он уходил, не зная куда, в порыве, который влек его неведомыми и нехоженными путями. Но какой путь мог ожидать Марию вне всех умопостигаемых путей: путь, поистине, немислимый, если не иметь веры! Авраам уходил по слову, по обетованию о грядущих свершениях. Мария также начала с обетования, но еще более удивительного: «Дух Святый найдет на Тебя». Все, что нам так нравилось у Авраама, мы находим в еще большей степени в Марии, ибо здесь речь идет и о более высоком подвиге. Можно сказать, что вера и любовь с такой полнотой владели обоими, что они не думали ни о себе, ни о своем будущем. Мария не заботилась о Себе, и в этом самое глубокое выражение Ее девственности; Она вся принадлежала любви к Тому, Которого ожидала. Она без остатка отдавалась вере, ибо хотя она была свободна от всякого греха в непорочном зачатии, от неведения Она свободна не была; тайна раскрывалась Ей постепенно: «Как будет это?» «Чадю! Мы с великою скорбью искали Тебя три дня!». Более, чем кто-либо другой, Она познала жизнь в вере. Она познала духовный рост, ожидание, приготовления, полноту. Она познала зарю и яркий полдень, а также и ночь, когда оружие скорби прошло через Ее душу у подножья Креста.

Все, что сделала Дева Мария, принадлежит двум сферам, одинаково простым и высоким, причем в обеих Она остается царственно нашей перед Богом. И тут, как Иисус неотделим от Марии, так Мария неотделима от нас: «нас ради человек и нашего ради спасения» была Она создана. «Все, что есть самого чистого в нашей человечности, Она отдала Богу», — писал о. Р. Бернар. Эта юная женщина, не запятнанная ни какой тенью, отдает Свою женскую человечность, а таким образом и нашу человечность, в распоряжение Богу. «И Она отдает Сына Божьего, ставшего человеком и Ее сыном, в распоряжение человечества». В этом двойном акте, отдавая Богу наше человечество через Свою собственную человечность и одновременно отдавая Бога человечеству, она поистине являет Ковчег Завета, подобный радуге, соединяющей небо и землю. Уже с этого момента, с самого Благовещения, Мария воплощает всю Церковь. Был такой момент, когда вся Церковь сосредоточивалась в этой женщине. Все грядущее

щее было сконцентрировано в Ней. Это не поэтический образ, это — теология, даже больше, чем теология, потому что это — наша жизнь.

Когда мы произносим слово «Церковь», а мы так часто произносим его дурно, перед нашими глазами должна вставать Дева Мария. В определенный момент истории Откровения Она выражала и всех нас, и всю Церковь. Церковь освещена Ее светом не только в прошлом, но и на все времена.

Очень полезно читать св. Хуана де ла Крус, ибо только три категории людей могут хорошо говорить о Марии: поэты (настоящие поэты), теологи (тоже настоящие) и святые, ибо благодать делает человека одновременно и поэтом, и теологом:

*«И тогда Он призвал Архангела, имя которому Гавриил,
И послал его к деве по имени «Дева Мария»,
Которая согласилась принять эту тайну
И в Которой Св. Троица облекла Слово плотию.
Все Трое причастны к этому творению, но оно стало Одним.
И, воплотившись, пребывало Слово в лоне Марии...
И Оно, имевшее только Отца, тогда обрело и Мать,
И человек не сумел бы такое придумать!
Ибо только от чрева Ее получил Он плоть,
Почему и назвал Себя «Сыном Бога» и «Сыном Человеческим».*

После святого поэта приведем слова Фомы Аквинского, святого теолога:

«Именно от Марии Христос принял плоть, в которой нуждался, от Нее получил человеческую природу, в которую хотел облечься. Именно Она приняла в Себя Того, Который исполнен благодати и есть сама полнота, которой мы все живем. И, стало быть, именно Она, отдав Его затем миру, обратила источник этой благодати на всех нас».

Мария — это вочеловечивание Бога. Она дала Иисусу не только человеческую природу «вообще», на все случаи жизни, но то «человеческое», без чего невозможно быть подлинным человеком (еврей, назарянин, галилеянин) со всеми подробностями, отмеченными в Писании; «Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр 4. 15). Иисус получил от Марии не только все внешние наследственные черты, но и жесты, привычки, интонации, словом, все то, что каждый ребенок получает от матери и что делает его именно таким человеком, какой он есть. Она вручает Ему также и то, что Сама получила от Него, «все сверхъестественное, что должно присутствовать в нас, чтобы Он чувствовал Себя среди нас как со Своими». Она наделила Бога природностью, как бы дала Ему земной паспорт, и в то же время — в этом состоит обожение человека — Она передает людям и распространяет среди них божественный огонь, который Иисус зажег на земле. В этом Она подала пример всем христианам и всем миссионерам. Любой христианин, кем бы он ни был, женатый или холостой, монах или мирянин, на чужбине или в родной деревне, призван «вочеловечить» Бога: для тех, кто его окружает, он являет частный

лик Христа, Его образ, или, по крайней мере, должен стремиться делать это. И в этом нет ничего сентиментального, таков реализм Воплощения.

Суть благодатного материнства Марии может быть выражена двумя фразами, очень емкими, принадлежащими о. Бернару:

«После Благовещения Мария полностью принадлежит Своему Ребенку, но сразу же открылось, что уже с самого Благовещения Ее Ребенок принадлежит всему миру».

Дитя, Которого Она ждет, принадлежит всем. Хотя Она Его и носит, но ведет Ее Он Сам. Нельзя забывать, что Мария единственная Мать в мире, которую избрал Сын. Ни один сын не выбирал себе матери! Но Иисус, Христос и Бог, сделал Марию первой христианкой, несравненной уже по самому материнству. С большим правом, чем ап. Павел, Она могла бы сказать: «Для Него я от всего отказалась, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа» (Фил 3. 8). Эта праведность, идущая не от закона, а от Бога и опирающаяся на веру, которой жил и которую проповедовал ап. Павел, намного острее должна была быть пережита Марией: «Чтобы познать Его (а это Мария пережила полнее всех), и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых» (Фил 3. 10). Мария станет первой воскресшей из мертвых.

И о Ней можно сказать, что Она так возлюбила мир, что отдала за него Сына Своего Единородного, Агнца Божия. О Ней также можно сказать, что Она «восполнила недостаток в плоти Своей скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь». На Голгофе страдания Марии, вспоминающей пророчество старца Симеона, сливаются со страданиями Христа. Об этом прекрасно писал П. Клодель: «У Креста Ей предстояло не только плакать...» Когда Иисус на Кресте отдавал Марию Иоанну и Иоанна Марии, это не было установлением духовной связи между Его Матерью и нами, а завершением того, что произошло уже в акте Воплощения: Мария становится нашей Матерью с той минуты, как Она стала Матерью Еммануила (с нами Бог).

Мария принадлежит тварному миру. Она — первая искупленная. Как говорил св. Франциск Сальский, «Иисус — защитник по справедливости» через Свою кровь и святость, а Мария со всеми святыми — «защитница по благодати». Она ходатайствует через страдания Спасителя. В то же время в Марии мы видим образ действия благодати Божией в человеке. И тут философия и теология могут нам помочь.

Если в течение долгого времени мы пытались путем чтения и молитвы, изучением философов и теологов проникнуться величием Божиим, превосходящим наше понимание и воображение, величием Того, Кто определен и невыразим, если мы были ослеплены Его божественной Сутью, Которая есть источник всего сущего и нашей жизни, Первопричина всего, если мы пытались прозреть очами веры и открыть наше сердце и разум, если мы долго читали неиссякаемые литании Богу, если после все-

го этого мы скажем: «Святая Мария, Матерь Божия», — мы переживем потрясение! Окинуть взором необъятное величие Божие и сказать: «Святая Мария, Матерь Божия», т.е. Мать Того, Кого созерцали во всем величии, Кто превосходит все наши представления о величии, Кто есть Сущий и Который в Марии сделался человеком, — какое это дивное дело Божие! «Тот, Кого земля не может вместить, Кто создал небо и звезды, во чреве Твоем, Мария, сделался человеком».

Только на таком уровне возможно созерцать покорность Марии, смиренную и неприметную, ибо только с таким смирением можно было, приняв абсолютный свет, не сгореть в нем и сохранить его в себе. Смирение и молитва Марии сливаются воедино оттого, что Она не принадлежит себе. Молитва Марии подобна чистому зеркалу, которое не поглощает падающий на него свет и отражает его полностью. На Нее обратился весь божественный свет, но Она, по словам древних литаний Богородице, была «Зеркалом святости». Это старинное выражение зазвучало по-новому с тех пор, как мы узнали, как современные астрономы применяют зеркала в телескопах. Люди Средних Веков, произнося эти молитвенные слова, обращенные к Марии, не думали о телескопах; но для нас выражение «Зеркало святости» приобрело богатое содержание. Чтобы изготовить такое телескопическое зеркало, весящее несколько тонн, нужно расплавить стекло или другое прозрачное вещество так, чтобы ни один пузырек воздуха, ни одно загрязнение не нарушили его абсолютной чистоты и прозрачности. В течение многих месяцев зеркало должно медленно остывать, а затем в течение лет оно будет подвергаться обработке и полировке, чтобы ни одно пятнышко, ни одна неровность или изъян не исказили отблеска звезд и далеких галактик. Пресвятая Богородица и есть такое зеркало без изъяна, зеркало, которое ничего не искажает и, приняв божественный свет, ничего не поглощает, отдает все, все отсылает Богу. Не бывает более высокой молитвы: такое зеркало есть сама молитва.

Смиренность и неприметность Марии повторяются и в истории Церкви, хотя они и не бросаются в глаза и обнаруживаются постепенно. Были эпохи, когда Церковь горячо восхваляла Марию, воспевала Ее в *Magnificat* (Величит душа Моя Господа), воздвигала Ей замечательные соборы, но они сменялись эпохами молчания, эпохами забвения, временами отрочества, когда подросток не способен оценить величия собственной матери. Были времена молчаливого присутствия и пылких признаний. Был Эфес и *Theotokos*, когда ликовала вся христианская община, было и обратное — когда Мария стояла у подножия Креста. Была экзальтация декламаторов и артистов, была целая теология стонов и слез Марии, но это стремление прославить Марию могло затмить Ее истинное величие.

Св. Бернар утверждал, что, сколько бы мы ни говорили о Марии, этого всегда будет мало, и мы, действительно, недостаточно почитаем Ее божественное материнство. Вот как прославлял Марию старый текст XVI века:

«Она, Владычица неба и земли, не помнила Своих достоинств и была так смиренна сердцем, что не постыдилась как служанка в доме Елисаветы стирать белье и готовить купанье Иоанну Крестителю. Какое смирение! Было бы правильнее приготовить Ей золотую колесницу, запряженную четырьмя тысячами лошадей, молиться и приветствовать Ее пением: «Вот проезжает Жена, вознесенная над всеми женами и над всем родом человеческим»; но нет, Она, уже будучи Матерью Бога, прошла пешком Свой длинный путь. Было бы куда правильнее, если бы сами горы пришли в движение и пустились в пляс».

Этот текст принадлежит Лютеру. Он прекрасен, даже если и немного напыщен. По самой сути своей он экуменичен. Были и другие теологи, например Григорий Палама, который писал: «Только Она Одна, находясь между Богом и всем родом человеческим, сделала Бога Сыном Человеческим и преобразила людей в сынов Божиих». Все сводится к одному: Дева-Мать стоит на грани между сотворенным и несотворенным; каждый, кто познал Бога, видит в Ней вмещилище бесконечного. «Святая Мария, Матерь Божия». Никто не может придти к Богу, минуя Ее, ибо через Ее посредничество Он Сам пришел к нам.

Она — причина всех событий, бывших до Нее, долгого развертывания истории Израиля. И Она останется во главе всех событий, которые будут после Нее, истории Церкви. Она являет Собой как бы воспринимающую силу в чистом виде, ничего не добавляя от Себя, Она вся — лишь великое ожидание. Она — Царица ожидания Рождества. Она — Дева и остается девой. Она всего ожидает от Бога и ничего от Себя Самой, Она станет сосудом Духа Святого, чтобы родить Слово во плоти человека. Святая Мария не имеет преимущественной склонности, «специализации». Она — Мать, и Ее единственное назначение в том, чтобы соединить Бога и род человеческий.

Мария — это крайняя точка в тайне Воплощения. Она подводит нас к тайне Христовой человечности «до конца». «Возлюбив Своих, до конца возлюбил их». Это «до конца» приоткрывается в Тайной Вечере, но оно было уже полностью выражено в ответе Богоматери: «Се раба Господня». Бог так возлюбил мир, что родился от женщины. В этом заключается Христово «до конца». И если мы отделяем от Него Марию, если мы Ее изолируем, как остров, пусть самый прекрасный, мы впадаем в заблуждение. Мария подобна полуострову, дальше всего простирающемуся от материка человечества. Она — оконечность полуострова, скала, крайняя точка земли, которая уже со всех сторон омывается океаном божественности. Она — не остров посреди этого океана. Она принадлежит континенту, но Она возвышается на самой дерзновенной оконечности земли, как Камчатка, выдвинувшаяся в воды океана. Такова Мария, и именно поэтому мы всегда можем найти Ее в животворящем ядре нашей веры: мы благоговеем перед Телом и Кровью Христа, но и Тело и Кровь перешли к Нему от Марии; и если сегодня Он с нами в таинстве Евхаристии, то пото-

му, что эта Женщина наделила Его Телом и Кровью. И потому слова Данте никогда не утратят своего значения:

Дева-Мать и Дочь Своего Сына,

Ты выше и смиреннее всего, что было...

МОЛИТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Мы уже размышляли о том, в чем сила молитвы ап. Павла. Нам бы следовало обратиться с этим вопросом и к первым христианам, которые «постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». Этот короткий и неисчерпаемый текст Деяний Апостолов, описывающий первую иерусалимскую общину, будет вдохновлять христианскую молитву во все века.

«Учение апостолов» — это Ветхий Завет, достигающий своей вершины в Иисусе Воскресшем; «Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян 2. 36). На этом камне веры, и на нем одном, складывалось «братское единство верующих». Единодушие сердец и братское разделение всей собственности не обосновывалось ни филантропией, ни юридическим законом: они проистекали из чувства, что все родились от одного Сына, все имели одного Отца и были искуплены одной и той же драгоценной Кровью. Как люди веры, причастники, как «примирившиеся со своими братьями», отныне верующие могли, как говорил Спаситель, «принести дар свой пред жертвенником» (Мф 5. 23). «Преломление хлеба», Евхаристия и общая молитва способствовали возрастанию веры во Христа Воскресшего и братскому единению, из которых они первоначально и возникли.

Из века в век христиане стремились воспроизводить этот полный и совершенный евангельский уклад. Вспомним, как молились в Средние века. Тогда тоже не выдумывали никаких новшеств: молитва христиан XII и XIII веков во времена св. Франциска и св. Доминика заимствована у св. Бенедикта (547) или св. Кассиана, жившего на век раньше, и, разумеется, у греческих Отцов Церкви. Этот способ молиться, пусть он и обозначен латинским названием *Lectio divina*, ни в чем не утратил своей актуальности. Молитвенно-созерцательное чтение Писания остается величайшей и всегда живой традицией монастырей.

В 1958 году на всемирной выставке в Брюсселе посетителей ожидал сюрприз. Над стендами, прославляющими новейшую технику, была помещена фотография гигантских размеров: монах, погруженный в молитву. Не подумайте, что этот стенд представлял Ватикан, это был французский павильон! Текст, набранный огромными буквами и разъяснявший смысл этой странной для данного места фотографии, принадлежал Паскалю: «Все несчастья людей происходят только оттого, что они не умеют пребывать в покое в собственной комнате». Об этом и напоминал молящийся монах. Думая так, и Паскаль, и этот монах становились последователями тех многих поколений монахов, которые сами были подражателями Марии в молчании и в мирном покое Ее дома в Назарете: «И Матерь Его сохраняла все слова сии в Сердце Своем» (Лк 2. 51).

Если мы захотим понять, в чем сила молитвы, заставляющей нас пребывать в тишине нашей комнаты, нет ничего полезнее, чем обратиться к письму одного монаха XII века по имени Гиг, написанному им к его

«возлюбленному брату Жервэ». Письмо это начиналось так: «Да будет тебе усадой Господь». Прекрасны были формулы обращения в те времена!

«Однажды, выполняя ручные работы (Гиг-картузианец отнюдь не был бездельником), я стал размышлять о духовных упражнениях человека. И вот, четыре духовные ступени представились моему уму; чтение, медитация, молитва и созерцание».

Мы различаем, таким образом, в монашеском предании два рода работ: прежде всего, работу физическую («пока занимали меня ручные работы»). Такая работа не ограничивалась одной лишь занятостью рук, но включала также бдения, посты, суровый образ жизни, короче, все то, что препятствует телесному расслаблению. Затем следует работа духовная, в которой Гиг различает четыре компонента: чтение, медитация, молитва, созерцание, — и которую он назвал «лестницей затворников», т.е. людей, уединившихся в монастырях. По правде говоря, эта лестница насчитывает немного ступеней, всего четыре, но, говорит Гиг, если их преодолевать по порядку, то можно подняться очень высоко. Вместе с тем, «лестница затворников» — это лестница для простых ратников веры. В монастырях было три типа обитателей: прелаты и аббаты, с одной стороны, «служители», т.е. люди, выполнявшие необходимые для жизни монастыря обязанности, как, например, экононы, с другой стороны, и, наконец, «затворники». Гиг ничего не говорит о двух первых типах, и мы не знаем, пользовались ли они этой «лестницей» и были ли у них свои особые приемы духовного восхождения. Но это и не имеет значения. «Лестница» открыта для каждого, кто действительно хочет молиться.

«Лестница» Гига-картузианца подобна Лестнице Яковлевой: основанием своим она стоит на земле, но вершина ее уходит в небеса. Приведем описание каждой ступени.

Читаем с прилежанием:

«Чтение состоит в том, чтобы прилежным умом внимательно постигать Писание».

Весь наш дух включается в работу:

«Медитация — это деятельность духа, жадного к познанию и приступающего к поиску под руководством собственного разума, чтобы обнаружить сокрытую истину».

Истинное благо:

«Молитва есть горячая мольба сердца, обращенная к Богу, дабы освободиться от зла и стяжать истинное благо».

«Созерцание есть высокое парение восхищенной Богом души, которая — уже — вкушает вечные радости».

Гиг дает пояснения:

«Чтение дает нам, в некотором роде, твердую пищу, через медитацию мы ее размалываем и прожевываем, с помощью молитвы мы ощущаем ее вкус, а созерцание есть сама сладость, которая радует нас до мозга костей».

Попробуем сами взглянуть на эти четыре ступени:

Чтение связано для нас, несомненно, с большими трудностями, чем для того монаха XII века. Наш мир так наводнен литературой, что мы привыкли читать наспех. Каждый день мы имеем дело с таким количеством бумаг, что разворачиваем одну из них и, едва просмотрев, уже выбрасываем, была бы корзина под рукой. Бывает и так, что мы себе говорим: «Это я прочитаю завтра» и откладываем непрочитанное в укромное место; а через несколько недель там скапливается такая кipa, что весь этот запас попадает в ту же корзину для мусора. Однако в том мире, где жил Гиг и где каждая рукопись имела неопределимую стоимость, сам процесс чтения походил на литургию. Чтобы включиться в *Lectio divina*, мы должны суметь восстановить эту литургию чтения: читать Слово Божие, держать в руках Священную Книгу — это уже своего рода Евхаристия. Это пережили наши современные соседи в Бразилии, неграмотные люди, которые хотели обучиться читать прежде всего для того, чтобы видеть Слово Божие своими собственными глазами, а не воспринимать его на слух. Итак, уже само чтение Библии есть нечто очень серьезное, что нельзя делать как попало. Чтение Слова Божия уже само по себе литургия. У древних монахов, не имевших под руками современных книг малого формата, Библия лежала на аналое, и чтение было вхождением в собранность и покой.

В небольшой и прекрасной книге «Евангелие в пустыне», являющейся сборником древних текстов от первых монахов до св. Бернара, сирийский монах IX века Юзеф Буснайя рассказывает о том, как он читал Новый Завет:

С утра до Третьего часа (короткое богослужение Третьего часа соответствует девяти часам утра) прилежно читай Новый Завет. Ты познаешь действия Господа нашего во плоти, любовь Бога к нам, несказанные благодеяния, которые Он расточил нам до конца времен».

Именно в этом состоит цель чтения Писания — открыть для себя несказанные благодеяния, дивные дела Божии. Юзеф Буснайя добавляет (я вовсе не настаиваю на буквальном подражании, но обращаю ваше внимание на общий настрой): «Начни с десяти преклонений перед святым Евангелием», т.е. земные поклоны, преклонение колен. «Постарайся сколько времени совершать поклоны и читать подходящие молитвы, пока мысли твои не перестанут отвлекаться посторонними вещами». Спаситель учил тому же: закрой дверь, и не только дверь своей комнаты, но и дверь своего сердца от звуков, доносящихся снаружи.

«Неустанно проси Бога просветить глаза твоего разума и сердца, чтобы ты смог постигнуть скрытые достоинства Слов Господа нашего и Его святых Апостолов. Затем встань прямо, возьми в руки святое Евангелие, приложи к нему, с благодарностью прижми его к сердцу и с мольбой и трепетом скажи так: «О Христе Боже мой! Вот я, недостойный, держу Тебя через Твое святое Евангелие в нечистых моих руках. Будь милостив и скажи мне слова жизни и утешения устами Твоего святого Евангелия; дай мне услышать их по-новому внутренним слухом и воспеть славу Твою языком Духа. Аминь». Затем продолжай стоять и читай три главы

из Евангелия; читай еще три главы из Деяний Апостолов, а также три главы из Посланий. В середине каждого чтения клади по десять поклонов».

Так читал Писание Юзеф Буснайя. А мы...? «Куда я засунул Евангелие?» — восклицаем мы. Для первохристиан разьяснение Евангелия оглашенным было как бы первым крещением.

Я вовсе не настаиваю на необходимости класть определенное число поклонов, но полагаю, что должен быть усвоен определенный способ приготовления к чтению Евангелия. И положение тела действительно играет большую роль в создании нужного настроения. Можно сказать, что тело согревает и подготавливает сердце. Это важно потому, что сегодня вполне реальна угроза слишком далеких поисков в этом направлении, например в приемах йоги, в то время как сирийские монахи располагали таким опытом:

«Наклонения и воздевание рук во время службы, длительное коленапоклонение на молитве приносят монаху смирение духа и уничижение, сердечную теплоту, горячность души и усердие мысли. И правда, без поклонов служба становится заурядной, холодной, вялой, равно как и все молитвы».

И это действительно так. Мы же сухо говорим: «Передайте мне служебник!».

Когда Гиг-картузианец или Юзеф Буснайя готовились к молитве, они опирались на сравнение, взятое из Книги Бытия: «Сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему» (Быт 1. 26). Чтение Писания, по их мнению, должно было вернуть несовершенному и затемненному грехом образу, «иконе» первоначальное божественное подобие. В человеке образ Божий трудно различим, и Писание может его прояснить, подобно тому, как в фотографическом аппарате наводится фокус. При чтении Писания нужно отдалиться до глубины сердца воздействию света Слова Божия. Вспомните, что писал ап. Павел Тимофею по поводу некоторых (он имел в виду женщин, но это в равной мере относится и к мужчинам) «всегда учащихся, но никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим 3. 7). Чтение Писания должно быть не формальным изучением, а сердечным постижением истины.

Потому чтение Писания как *Lectio divina* не может быть чтением «как придется». Поскольку в таком чтении мы касаемся Слова Божия, Господь требует от нас, как Он требовал от Моисея («сними обувь твою») и от всех пророков, внутреннего изменения, выхода из привычного состояния.

Вторая ступень «лестницы затворников»: *медитация*. О, как изменилась с тех пор медитация! С тринадцатого века, подумайте только! Ее нужно представлять себе во всей полноте. В чем состояла медитация на заре монашества? Это было непрестанное повторение вслух или про себя — молчаливая медитация — одного из отрывков Писания, постоянное возвращение к Слову Божию, как, впрочем, и для псалмопевца («Но в законе Господа воля Его, и о законе Его размышляет он день и ночь»). «В за-

коне Господа воля Его, и о законе Господа размышляет он день и ночь» или «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Слова эти повторялись все снова и снова. И постепенно, в течение тысячи лет и более, такая литания превратилась, по определению Гига-картузианца, «в методическое устремление разума к определенному предмету». Действительно, в медитации присутствуют оба элемента: это не только размышление над тем или иным текстом, но еще и длительное повторение этого текста подобно гимнастическому упражнению: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (Лк 11. 28). Но прежде, чем сохранить Слово в сердце, его сохраняют в устах и в ушах. Само по себе повторение Слова уже содержит в себе очень большую ценность. Мы можем это увидеть на примере медитации самого Гига по поводу слов: «Блаженны чистые сердцем». Когда вступает в действие медитация, то мысль не остается на поверхности, снаружи, она проникает внутрь и исследует тайники, она сопоставляет: «Господь не сказал, что блаженны те, у кого чисто тело. Он сказал это о чистых сердцем; значит, мало быть чистым телом, если сердце нечисто». И Гиг вспоминает другие слова: «Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у кого руки не повинны и сердце чисто» (Пс 23). Из этого следует, что не собственными прекрасными мыслями я буду дополнять Слово (хотя и так бывает!), но, главным образом, через постижение Писания, которое с каждым чтением все более обогащает мое сердце. Один отрывок Писания вызывает в памяти другой: «Блаженны чистые сердцем!» — эти слова напоминают нам стихи из псалма: «Кто станет на святом месте Его? Тот, у кого руки не повинны и сердце чисто». Через медитацию мы понимаем, с каким горячим желанием пророк призывал эту чистоту сердца: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже» (Пс 50. 12); а также — «Если бы я видел беззаконие в сердце моем, то не услышал бы меня Господь» (Пс 66. 18).

Осталось рассмотреть две следующие ступени «лестницы затворников»: *молитва* и *созерцание*. Гиг-картузианец как бы расчленяет различные состояния, которые на самом деле сливаются в едином сердечном порыве. Он молит Бога о том, чтобы ему дано было свыше то, чего ни чтение, ни медитация не могут принести: «Блаженны чистые сердца!» Но как обрести сердечную чистоту? Буду просить об этом Бога: «Открой мне понимание Писания, вразуми меня». И вместе с этим прошением и через его посредство рождается общение духа с Богом, проходящее через все оттенки дружеских отношений:

«Посмотри, какое благородное вино течет из скромного винограда! — говорит Гиг, — Какое пламя загорелось от искры!» Он дает прекрасное сравнение: «Взгляни, как удлинились эти слова «Блаженны сердца, которые узрят Бога» на наковальне моей медитации». В созерцании для нас возрастает мудрость Писания, и Гиг отмечает: «И насколько же оно может возрасти, если взяться за это умелой рукой!»

В этом месте молитвы сердце подсказывает: «Как хорошо и как сладостно пребывать в Доме Господа», и в нем зарождается призыв; мы про-

читали текст, мы взглянули на него внутренним взором, и теперь пришла спонтанная молитва:

«Душа поняла, как сладостно было испытать ту чистоту, которая в медитации представилась столь привлекательной. Но как это сделать? Душа горит желанием обладать ею, но не находит в себе сил для ее достижения. Нет, ни чтение, ни медитация не дадут вкушать этой сладостности: она должна быть дана свыше».

«Затворник» смиренно приступает к молитве; он призывает, он просит.

Остановимся ненадолго на этом месте. Великие молитвы бедняков Ягве приходят на уста из глубины сердца: «Господи! дай мне увидеть, Господи, дай мне услышать, Господи, верую, помоги моему неверию!» При такой молитве мы становимся подлинным источником волн спасения, ибо действие веры подобно разновидности волн, посылаемых в мир и преобразующих сердца, как наше собственное, так и многих других людей. Либо это действие надежды: «Слуга Твой болен, скажи слово, и он будет спасен». «Славлю Тебя, Господи, что Ты открыл сие младенцам». «Господин! дай мне этой воды». Но слова эти всегда являются производным от Тайны, а не от молитвы как таковой. Они происходят от молитвы, переходящей в созерцание Тайны, которую нам открывает Бог.

Но это еще не подлинное созерцание, это просительная молитва, согретая смирением, или, как говорили монахи того времени, сердечное умиление (*componction*). Гиг и его собратья различали два типа смирения. Бывает смирение, которое можно назвать разумным, потому что оно происходит от разума; это смирение теологическое, и ничего плохого в этом нет. Слава Богу, что мы имеем хотя бы такое смирение! Оно позволяет нам понять, что Бог есть первопричина всего, что все от Бога, и, кроме того, что я грешен! Таков ход мыслей теологического смирения, и это уже ценно.

Но есть и другое смирение, через которое мы приходим к просительной молитве: это смирение любовное, которое исходит от любви. «Господи, я ничто, но Ты — Бог Верный, Ты полюбил меня, Ты предал Себя ради меня, и только на Тебя я надеюсь». Такое смирение приводит к сердечному умилению, при котором сердце как бы пронзено Страданиями Христовыми. Слово умиление (*componction*) впервые встречается в Деяниях Апостолов после первой проповеди ап. Петра, стало быть, пришло оно к нам не из неизвестного источника! Петр говорил жителям Иерусалима об Иисусе Христе, «которого вы распяли. Услышав это, они умилились сердцем» (Деян 2. 36-37). Сердечное умиление обозначает потрясенность сердца перед Иисусом, Которого, мы с вами, распяли. Оно проистекает от осознания драмы, которой мы стали участниками, и особого чувства ко Христу, Которому мы стоили жизни. Познание человечности Христа и Его смиренных Страданий воспламеняют нашу молитву. Прекрасна поэма времен св. Бернара помогает проникнуться этими чувствами:

*«Спасе мира, радуйся,
Иисусе любимый, радуйся,*

*Крест Твой хочу принять,
Ты знаешь, почему.
Раны Твои глубокие, алые раны
Прошу поделить со мной,
В сердце моем их выжечь,
Чтобы, любя Тебя,
Я сораспался Тебе.
Взгляни на меня с Креста,
Прими меня и скажи:
«Я все простил тебе, исцеляю тебя».
И вот, утешенный Твоей любовью,
В смущении припадаю к Тебе.
Ты знаешь почему, но
Не отвращайся от меня, промолчи.
И, дерзостью моей не оскорбься,
Меня, погибающего в грехах и немощах,
Пусть Кровь Твоя, доныне изливаемая,
Отмоет, исцелит, очистит, снимет грех».*

Из этих строк видно, что умиление сердца происходит не только от устремления взора ко Христу Распятому, но также и оттого, что Сам Христос взирает на поэта.

Если через смирение медитация переходит в просительную молитву, то сердечное умиление, вызванное лицезрением страданий Христовых, приводит молитву к созерцанию. Сердечное умиление как бы разгоняет внутреннюю скованность и внутреннюю дрему; мы переходим в область света; «Господи, как узнать, что Ты соделал это в нас? Что укажет нам Твое присутствие?» — спрашивает Гиг. — Умиление нашего сердца при воспоминании о Христе распятом и уверенность в воскресении. Умиление не задерживается надолго на боли, вызванной нашей слабостью или — вспомните о подавленности Авраама перед принесением жертвы, ставшей прелюдией Завета. На смену мучительному ожиданию и тоске приходят спокойствие и уверенность. Созерцание и есть это внутреннее и сладостное познание Бога, которое ниспосылается Им Самим, когда мы просим через Иисуса Христа: «Отца не знает никто, кроме Сына и кому Сын хочет открыть». Это сладостное, проникнутое любовью знание не может быть выражено никакими словами. К нему призывает нас Гиг:

«Душа открывает свое волнение и вызывает ко Господу. И Господь, взор Которого всегда обращен к праведникам и Который не только вслушивается в их молитвы, но сразу спешит их исполнить, когда они еще недосказаны, Он вдруг прерывает такую молитву — Он приходит Сам, поспешно, и предстает перед такой душой, весь источая небесную росу».

Ведь это Песнь Песней, это Жених, появляющийся внезапно, покрытый ночной росой; Он укрепляет тоскующую душу, успокаивает ее, освежает. Это и есть «познание» в библейском смысле, любовное познание.

Гиг заключает:

Раньше всего идет чтение, оно дает основу; указав вам тему медитации, оно оставляет вас на ее попечение.

В медитации происходит поиск того, чего нам следует желать; медитация раскапывает грунт, находит и указывает нам сокровище; но, будучи не в состоянии им овладеть, она приводит нас к молитве.

Молитва, поднимаясь ввысь к Господу из всех своих сил, просит о желаемом сокровище и сладости созерцания.

И, наконец, само созерцание приходит как вознаграждение за пройденные три ступени и опьяняет преображенную душу сладостной небесной росой».

Все четыре ступени единой лестницы тесно связаны одна с другой, каждая из них так сильно подкрепляет другие, что первые ступени сами ничего не дают, если за ними не следуют дальнейшие; а эти дальнейшие никогда, или почти никогда, не могут быть достигнуты без этой длительной и постепенной подготовки.

Гиг указывает на четыре препятствия, затрудняющие молитву: обстоятельство, вызванные неизбежной необходимостью, деятельность, связанная с заботами о ближнем, слабость человеческая и, наконец, суета, суета мира сего, когда мы занимаемся ерундой и пустяками.

Вот так и нам, стремящимся жить по Слову Божию, следует усвоить, что чтение Писания должно переходить в медитацию, что эта медитация должна побуждать нас к молитве («Господи, приди на помощь, помоги постигнуть то, чему Ты хочешь меня научить») и что такое чтение, такая медитация и такая молитва приведут нас в конце концов к простому и радостному взиранию на Бога.

Была в те времена, в Средние Века, другая разновидность *Lectio divina*. То, с чем мы только что познакомились, *Lectio divina* в описании Гига, предполагало все же, что люди умеют читать. Но были еще и *Lectio divina* совсем простых, неграмотных людей. Она называлась *Розарий*. Да, да. Розарий — это *Lectio divina* для самых бедных. Не тот «пулеметный» Розарий, когда скороговоркой и не переводя дыхания повторяют «Богородице Дево, радуйся». Наш Розарий — это карикатура на Розарий св. Доминика. Подлинное чтение Розария — это такое чтение, о котором о. Лакордэр говорил: «Есть только одна Книга — это Евангелие, и Розарий — это его краткое содержание». Так что же это такое, *Розарий с четками*? Это — *Lectio divina* бедных, молитвенное чтение великих тайн Христовых и тайн Девы Марии. Все папы, а теперь и Павел VI, непрестанно напоминали о ценности Розария не из упорного традиционализма, прикованного к четкам, а чтобы не закрывать для бедных (и для нас!) путей столь углубленной молитвы.

Розарий — это Сам Христос: я взираю на Христа на протяжении всей Его жизни, начиная с великого молчания Благовещения, начиная с радости Марии («Величит душа моя Господа») и кончая Распятием, Вознесением и Пятидесятницей. Это — Христос живой, неотделимый от Своей Матери, давшей Ему плоть и сопровождавшей Его незаметно, но неизменно во все великие часы жизни. С помощью Марии Розарий позво-

ляет нам приблизиться к глубокой тайне Воплощения. Вдумайтесь только, пятнадцать тайн, сколько пищи для медитации они нам дают. В такой медитации, как и в монашеских *Lectio divina*, Тайны возрождаются в нас, обогащенные опытом всей нашей жизни. Когда я прочитываю Тайну Воскресения, эта Тайна озаряется воспоминанием об одном пасхальном утре, которое было для меня чудом радости, воспоминанием о предрассветном праздничном шествии в честь Марии Магдалины в Сент-Боме. И поэтому, повторяя Пасхальную Тайну, я не могу не пережить не только прежнее волнение, но и свет, которым был озарен тот пасхальный день. Также и Рождество, или Тайна Вифлеема, вызывает к жизни все богатство самых прекрасных Рождественских праздников. И так — с каждой тайной. Каждая молитва, а она одновременно есть и чтение тайны, и просительная молитва, каждое повторение «Богородице Дево, радуйся» принимает различные оттенки — радость, боль, прославление — в зависимости от содержания Тайны. Не случайно слово Розарий напоминает нам о букете роз различных оттенков. Это — восхищенное созерцание божественности Иисуса и прославление неотделимой от нее человечности, доступные всем и каждому, везде и при любых обстоятельствах.

Когда я работал докером в марсельском порту, я молился, разумеется, вначале, очень горячо: мне, которому до этого не приходилось поднимать ничего тяжелее шариковой ручки, не так-то уж весело было носить мешки по шестьдесят, а то и восемьдесят килограммов. И я молился с внутренним воплем: «Господи, приди на помощь, я не дотяну до шести вечера, я умру раньше!» Я молился, молился отчаянно, с сердечным криком. Но позднее, поработав несколько месяцев, я стал молиться меньше, потому что управлялся собственными силами. И однажды я обнаружил, что вовсе перестал молиться! Тогда я себе сказал, что буду молиться по четкам один круг утром, один — после обеда. Но было неудобно вынимать четки, чтобы считать количество прочитанных «Богородице Дево» и я придумал: «Пусть эта гора мешков будет радостными Тайнами; всего их здесь пятнадцать, двадцать, может быть, тридцать; и вот я прочитываю первую Тайну, Благовещение, медитирую; следующая груда мешков будет для меня второй Тайной, Визитацией³». Случалось, что какой-то мешок падал на землю или что я спотыкался, — тогда очередная «Богородице Дево» заканчивалась восклицанием скорее французским, чем молитвенным, но медитация не нарушалась!

Итак, Розарий — это молитва бедных. Было бы поистине преступно лишить бедных такой молитвы, чтобы заменить ее неизвестно чем. Розарий возвращает нас к смыслу древнейшей ветхозаветной молитвы: «Говори их (конец молитвы: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть»), и внушай их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая...» (Втор 6. 4-7). Розарий есть непрерыв-

³ Визитацией (visitation) называется посещение Девой Марией своей родственницы Елисаветы.

ное повторение пятнадцати величайших чудес, сотворенных Богом, и не думайте, что такое повторение лишено смысла.

Юзеф Бусная рассказывает нам «историю одного демона, посланного в мир на погибель христиан во времена гонений»:

«И появился демон в одном месте, где находился некий старец, и не смог продолжать свой путь; он пробыл там несколько дней и в смущении вернулся к тому, кто его посылал. Этот последний укорял демона за то, что тот не прошел пути за положенный срок, но демон ему отвечал: «Я повстречал на дороге старца, который читал псалмы и молился, и сила, которую он извлекал из своей молитвы, не давали мне продвигаться вперед; я задержался там на несколько дней в надежде, что он прервет молитву и я смогу продолжить мой путь; но то, чего я так ждал, не случилось, и вот я вернулся к тебе, чтобы рассказать обо всем этом».

Вот так приходят к постоянной сердечной молитве, той молитве, которую молился и русский странник, и множество других молельщиков во всем разнообразии ее форм. Теперь наш черед переживать то высокое, что может дать *Lectio divina* в самой возвышенной ее форме, равно как и смиренную молитву Розария.

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА МЛАДЕНЦА ИИСУСА: ДИВНАЯ АЛХИМИЯ ИСКУПЛЕНИЯ

Она умерла незадолго до начала нашего века, 30 сентября 1897 года, и поставила нас, хотим мы этого или нет, перед вопросом: почему судьба этой безызвестной кармелитки получила такой резонанс? Это касается не только благочестиво-настроенных кругов, но и сфер весьма отдаленных. Куда бы мы ни направились, в Бразилию или Японию, мы обнаруживаем ее присутствие. Эдит Пиаф ставила святой Терезе Младенца Иисуса целые леса свечек, и когда я в пору моего неверия оказался в монастыре Вальсента, отец монах, принимавший посетителей, сказал мне при расставании: «Если вам когда-нибудь попадется книга, написанная в провинциально-буржуазном стиле, со старомодными картинками...» и, видимо, в качестве антидота, с большим юмором описал содержание этой книги. В заключение он сказал: «Прочитайте ее; за стилем барышни из пансиона вы увидите мужественную душу». Итак, это была единственная книга, которую он мне рекомендовал. И действительно, наткнувшись несколько месяцев спустя на «Повесть одной души», я был потрясен.

В эпоху одряхления западного мира, его усталости и упадка христианства Тереза была тем живым «ручейком» (по выражению о. Даниелу), который мог вывести к истоку веры анавим Ветхого Завета.

Но допустимо ли брать уроки молитвы у Терезы, которая, по собственному признанию, засыпала на богослужении и нередко могла, «за отсутствием высоких мыслей», лишь вяло повторять «Отче наш»? Но уже самим признанием, исходящим из глубины души, Тереза учит нас тому, что молитва, до того, как она станет техникой и методом, есть прежде всего жизнь открытая и обращенная на других.

С четырехлетнего возраста и до самой смерти у нее всегда было одно желание: «Я хочу быть святой, великой святой... Из всего я выбираю все». Она мечтала не о святости блестящих подвигов и необычайных дел. Она ищет святости скрытой, когда смирение преображается в любовь, а повседневная жизнь — в самоотдачу. Поэтому она хочет «исчезнуть в собственных глазах», а именно это труднее всего! Чем больше значения мы придаем незаметности, тем меньше мы исчезаем, ибо мы разглядываем свое собственное исчезновение. Тереза исчезнет в деятельной любви, которая проявляется в малых делах. Позднее она говорила своим послушникам: «Нужно хорошо перестилать свою постель». Да, да, всего-навсего постель! «Постель нужно стелить так, как если бы она принадлежала Младенцу Иисусу». И одновременно она укоряла послушниц в том, что они придают слишком много значения делам. «Нужно устраниваться от того, что делаешь». «Делать, как будто не делаешь», говорил ап. Павел.

В 1894-95 годах ей 21-22 года. Она здорова, счастлива, энергична. В эти годы она открывает для себя «тайну Бога»: путь, который она избрала, был начертан милосердием Божиим, ибо Господь ищет малых, чтобы на-

сытить их; в этот период смирение становится для нее одновременно и доверием. Она постигает, что дело не в том, чтобы быть малым, но в том, чтобы, умалившись, быть зачарованным любовью Бога. При созерцании ее в Терезе зарождается безграничное доверие к Богу. Отец де Меестер отмечает, что в дневниках Терезы до 1895 года почти не встречается слово «милосердие», за исключением двух раз, где употребление его не выходит за рамки банальности; но уже в первой рукописи после 1895 года оно повторено двадцать раз. Чувствуется, что для нее оно стало ключевым словом. Только милосердие Божие может оправдать ее замысел:

«Когда вы попросили меня рассказать историю моей души,— пишет она сестре Полине, — мне казалось, что такое внимание к собственной душе приведет к рассеянности сердца. Впрочем, ведь я буду делать только одно, воспевать то, что я должна повторять вечно: «милосердие Божие!»

Вот в чем секрет простоты и отрешенности от себя.

Но где же, как не в самой Библии, могла Тереза почерпнуть такое реальное ощущение божественного милосердия? Это служит поводом к восхищению, когда знаешь, как мало текстов было в ее распоряжении. У нее не было даже полной Библии, а лишь Псалтырь и «Руководство для христианина», в котором был Новый Завет. А еще у нее были две рукописные тетради, в которые Селина и ее кузина перед поступлением в монастырь вписывали отрывки, подготовившие их к духовной жизни. Там были выписки из Притч, Экклезиаста, из Песни Песней, Премудрости, Пророков и Откровения. Эти несколько текстов, прочитанные с верой, легли в основу молитвы Терезы и ее духовных открытий. И если она говорит, что хотела бы знать древнееврейский, чтобы читать Писание на языке Иисуса, можно догадаться, с каким упорством вникала она в свои выписки из Библии. Как и многие святые, Тереза умела выявить взрывной характер жизненных и благодатных сил, заключенных в скромных текстах:

«Затем я открыла Святое Евангелие, и мой взор упал на такие слова: “Иисус поднялся на гору и призвал к Себе, кого захотел”. Вот в чем заключена вся тайна моего призвания и тайна власти Иисуса над моей душой. Он призывает не тех, кто достоин этого, но того, кого захочет. Или, как говорил апостол Павел в Послании к Римлянам, “изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего... Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего”».

Так находит она ответ на вопрос, который задала себе давно: почему людям неодинаково дается благодать? Тереза выражает свой ответ в форме весенней притчи: быть ли розой или лилией, маргариткой или фиалкой — это не имеет значения, «ибо любовь Господа нашего в равной мере открывается и для самой простой души, которая ни в чем не сопротивляется Его благодати, и для самой возвышенной». И, отвечая на главный вопрос, Тереза заканчивает воздаянием хвалы милосердию Божию:

«Наверное, вы себя спрашиваете, куда это я клоню, ведь до сих пор я еще ничего не сказала такого, что было бы похоже на историю моей жизни; но вы сами просили меня без стеснения написать обо всем, что приходит в голову. И я хочу вам описать не столько мою собственную жизнь, сколько мои мысли о милостях, которыми Бог благоволил меня наделить. Я переживаю такой период жизни, когда я уже способна бросить взгляд в прошлое. Моя душа созрела в горниле испытаний, внешних, и внутренних (Тереза пережила кончину отца, умершего после нескольких лет тяжелого и унижительного слабоумия, и в стенах кармелитского монастыря она встретила трудные и неожиданные испытания). И теперь, как цветок, перенесший грозу, я поднимаю голову и убеждаюсь, что во мне сбываются слова из Псалма 23: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пастбищах и водит меня к водам тихим... Если даже я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной». Господь всегда сочувствовал мне, был полон кротости, медлителен в наказании и щедр в милосердии. Вот почему, Матушка, с великой радостью я воспеваю вам великое милосердие Господа».

Тереза как бы «перечитывает» свою жизнь в свете этой новооткрытой теологии, которой она жила и прежде, но смысл которой открылся ей только теперь: быть открытой милосердию Божию, которое наполняет каждого, кто не противится ему сам. Другими словами, если всего ждать от Бога, нельзя смущаться своими слабостями и своей немощью: только преткновение на собственных внутренних препятствиях не дает войти в сферу Божественного милосердия. И в этом случае спонтанная теология Терезы является богатейшим руководством к молитве: без лучей божественной любви слабости, нищета и немощи так и останутся гнилью. Но слабость и немощь в сочетании с божественной любовью, как навоз в сочетании с лучами солнца, приводит к пышному цветению. Теология Терезы — это призыв к Богу, Который Сам только и преображает. Если Он — причина всего, только Он может преобразить; для нас же, как и для Терезы, задача лишь в том, чтобы соучаствовать в действиях Другого: «Только Господь может направить, усовершенствовать наши несовершенные действия».

Тереза пойдет еще дальше в понимании божественной любви; отныне она будет делать главный акцент не на желании любить Христа, а на понимании того, «до какой степени Иисус желает быть любимым». Она переводит активную форму в пассивную. Иисус желает быть любимым, а для Терезы «любить» означает «позволить любить себя». Дело не в том, чтобы любить самой. Любить означает для Терезы «принимать Его безграничную любовь», «не подавлять безграничного потока тепла, исходящего от Него».

Мы подошли к двум высочайшим точкам духовного настроения Терезы. Одной из них посвящено шесть с половиной строчек в ее «Повести об одной душе», а другая занимает две с половиной страницы (это — Акт

предания себя в жертву милосердной Любви). Но этот жертвенный акт не может быть понят без упомянутых шести с половиной строчек и потому неотделим от них. Тереза размышляет о своем постоянном стремлении к святости:

«Это желание может показаться дерзостью, если вдуматься, как я была слаба и несовершенна и тогда, и через семь лет пребывания в монастыре. Вместе с тем я постоянно ощущаю дерзновенную веру в возможность стать большой святой, ибо я рассчитываю не на собственные достоинства (у меня их нет и в помине), но на Того, Кто есть сама Святость и Добродетель. Только Он Один, довольствуясь моими слабыми усилиями, может приблизить меня к Себе и, наделив меня Своими безграничными достоинствами, сделать святой».

В этих шести строчках заключено семь важных моментов:

1. «Слабая и несовершенная»;
2. «Желание стать святой»;
3. «Ее желание так велико, что походит на дерзость», она сама всегда подчеркивает это;
4. «Дерзновенная вера в то, что это произойдет»;
5. «У нее нет и не будет никаких заслуг». В других местах своих записок она говорила: «с пустыми руками» или: «даже наша правда не лишена пятен»;

6. И вот огромный рывок вперед: «Я молю Тебя, о Боже, Самому стать моей святостью». Вы слышали? Только Бог может стать ее святостью. Довольно странный способ отделаться от себя! «Я уповаю на Того, Который есть Сама Святость». «Я уповаю, ибо не рассчитываю на мои заслуги, у меня их нет, но уповаю на Того, Кто есть сама святость и добродетель». Опора ей — безграничные сокровища Христа. «Ее достоинство» — это Сам Христос. Все это являет собой теологию и удивительно древнюю, и одновременно совершенно новую;

7. Христос «возвысит меня до Себя», наделив меня Своими безграничными достоинствами». Она хотела бы облечься в божественную праведность.

Теперь мы можем приступить к рассмотрению ее Акта предания себя в жертву милосердной любви Божией. Она составила этот акт к празднику Святой Троицы 1895 года, в период, когда работала над своими записями, предназначенными для ее сестры. Его название точно, как название нотариального документа: «Принесение меня самой в искупительную жертву милосердной любви Бога». «О Господь мой и Пресвятая Троица, я желаю Тебя любить и быть любимой тобою и трудиться во славу Святой Церкви, спасая души живущих на земле».

Таким образом, ее цель устремлена на самого Бога и одновременно включается в универсальное назначение Церкви. «Я желаю любить Тебя». Напомним, что для нее это означало «быть любимой Тобою» и вместе с тем трудиться над тем, ради чего Иисус Христос приходил на землю. Далее выражено желание святости, которая, согласно ап. Павлу, является

и желанием Самого Бога, «призвавшего нас к участию в наследии святых». «Я хочу в совершенстве исполнить волю Твою и достигнуть славы, которую Ты уготовил мне в Своем Царстве».

Святость для Терезы не является даром, о котором она просит для себя, но исполнением воли Божией. Она продолжает: «Я хочу быть святой, но сознаю свою немощь и молю Тебя, о Боже, Самому стать моей святостью».

Желание святости у Терезы — не личный поиск, а ответ на любовь Бога: «Ты настолько любил меня, что отдал мне Сына Своего единородного, чтобы Он стал моим спасителем и супругом, и все несметные сокровища и все Его достоинства принадлежат мне».

Это напоминает нам сравнение, сделанное Пеги: «Руки Христа соединены подобно каркасу корабля, и Его молитва, как борозда, оставляемая этим кораблем, вбирает в себя все человечество». Для Терезы и Христос, и Его тело, Богородица и все святые — едино. «Я приношу Тебе также все достоинства и любовь святых на небе и на земле. Наконец, я приношу Тебе, о Пресвятая Троица, любовь и достоинства Пресвятой Девы, моей возлюбленной Матери. Ей я вручаю мое приношение с молитвою представить его Тебе. Ее Сын и мой возлюбленный супруг в дни Своей земной жизни сказал: «И если чего попросите у Отца во имя Мое, будет вам».

Все дерзновение Терезы есть не что иное, как вера в Слово Божие. Далее следуют строки, требующие пояснений в связи с обстоятельствами, в которых она оказалась:

«Я не могу принимать святое причастие достаточно часто, но, Господи, разве Ты не всемогущ? Пребудь во мне как в Святая Святых, не покидай никогда Своей маленькой «просфорки».

В те времена в Лизье только настоятельница решала, кому и когда следует принимать причастие. Теперь нам это кажется невыносимым, но тогда такой порядок был следствием влияния янсенизма. Разумеется, уже был декрет папы, осуждающий такую практику, но мать настоятельница, которая была женщиной самостоятельной, полагала, что ей лучше знать, как надо поступать в монастыре.

Далее Тереза опять возвращается к своей устремленности к Богу, желанию спасти души, хотя она располагает только «пустыми руками». И в связи с этим проявляет себя как теолог, опередивший свое время:

«Я хотела бы трудиться исключительно ради Твоей любви, с единственной целью быть угодной Тебе, утешать Твое сердце, и спасти души, которые будут любить Тебя вечно. На закате этой жизни я предстану перед Тобой, Господи, с пустыми руками, ибо прошу Тебя не вести счет моим делам. Вся наша праведность запятнана в Твоих глазах. Я бы хотела облечься в Твою собственную праведность и через Твою любовь войти в вечное обладание Тобой».

И это возможно Богу в одно мгновение, как и в случае с Марией Магдалиной: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила мно-

го». В одно мгновение: «В Твоих глазах время ничего не значит. У Тебя один день как тысяча лет. И потому в одно мгновение Ты можешь приготовить меня предстать перед Тобой».

Дерзновенное доверие. Тереза не из числа тех женщин, кто останавливается на благочестивых размышлениях. Она принимает решение: «Чтобы жить в акте совершенной любви, я предлагаю себя как жертву всесожжения Твоей милосердной любви».

Жертва всесожжения, искупительная жертва — это полный отказ от себя, это жертва, которая сжигалась полностью, без остатка. Это составляет удивительную черту в Терезе, черту, данную ей Богом. Ибо в то время в Кармеле принято было приносить себя в жертву правосудию Божию; это была вершина. Богу приносили свои дела, приносили себя во искупление других. Процветала особая теология Искупления, словно бы отец ожесточился на Сына и вел счет ударам бича, чтобы удостовериться в возмещении долга всего человечества. Даже Боссюз, не говоря о многих других, впадал в эту бухгалтерскую теологию. Но у Терезы это было иначе, она возвращает нас к духу анавим и бедных Ягве. Она приносит себя в жертву всесожжения, но это всесожжение в милосердной любви Бога: «Молю о том, чтобы Ты постоянно испепелял меня, предоставляя мою душу потокам любви, которая исходит от Тебя, чтобы мне стать мученицей Твоей любви, о Господи!»

Для нее это не юридический акт, совершенный однажды, а постоянное обновление жизни: «Я бы хотела, о возлюбленный Бог мой, с каждым биением сердца повторять эту жертву бесчисленное множество раз до тех пор, пока не исчезнут все тени и я не смогу выразить Тебе мою любовь, вечно лицезрея Тебя».

Это чувство принесенной жертвы Тереза будет носить в сердце как знак непрерывного единения с Богом после того, как 11 июня она совершила этот акт вместе с сестрой своей Сединой.

В октябре 1895 года ей выпала большая радость, когда аббат Белиер был наречен ее духовным братом: так исполнилось ее давнее стремление к миссионерскому служению. С конца декабря 1894 года и в январе 1895 года она писала первый дневник, воспоминания о «милостях Божиих». 2 и 3 апреля 1896 года произошло первое кровохарканье, а Пасха приходилась на 5 апреля. И вот 5 апреля началось внутреннее испытание ее веры и надежды, которое продолжалось до самой смерти. Когда читаешь то, что получило название «Страстей св. Терезы Младенца Иисуса», — ее собственные записки и записи тех, кто присутствовал при ее кончине, — понимаешь, с какой неимоверной силой пережила она Освенцим и Бухенвальд веры. Она еще успела написать письмо сестре Марии Святого Сердца и повествование о своей жизни Матери Марии де Гонзак и умерла 30 сентября 1897. Эти пятнадцать месяцев были завершением и исполнением ее жертвы. Таким образом, этот жертвенный акт она переживала в течение года и трех месяцев, приняв девизом слова св. Хуана да ла Крус: «Любовь оплачивается только любовью».

Тереза Младенца Иисуса являет пример беспредельного желания в беспредельной немощи. Когда мы стареем, наши желания слабеют, ибо мы убеждаемся, что жили иллюзиями. Иллюзии проходят, и мы выбираем желания по своему росту. Но это неправильно! Нужно уметь сохранить беспредельность желания в спокойной уверенности своей полной немощи. Молодым свойственна беспредельность желания, но им недостает, чувства собственной немощи. А пожилые чувствуют свою немощь, но они утрачивают беспредельность желания. Мы должны, как Тереза, обладать и тем, и другим. Сказанное является также и самым важным в христианском миссионерском служении. Наше сердце должно быть широко открыто несчастьям этого мира, будь то стихийное бедствие, мрак безбожия или безлюбия, и чтобы превозмочь тревогу и отчаяние, в которые подвергают сообщения об этих бедствиях, мы можем рассчитывать только на «алхимию» милосердия Божиего. Псалом 39, названный Шураки «дивной алхимией искупления», гласит, что спасение приходит в испытании, что «Господь извлекает нас из страшного рва тинистого болота и ставит наши ноги на твердый камень»:

«Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой. Извлек меня из страшного рва, из тинистого болота; и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему. Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою».

Тереза и псалмопевец принадлежат к одному духовному типу: молитва у них одинаковая.

ВСЕ СВЯТЫЕ, ИЛИ СМИРЕНИЕ СЕРДЦА

Давайте окинем их взором, как если бы мы уже находились среди них, и спросим у святых, в чем тайна их святости. Каким путем все эти женщины и мужчины, столь несхожие по возрасту, среде, эпохе, сумели достигнуть такого уровня простоты и равновесия, на котором немощь и отвага, слабость и святость, тяжесть и благодать, короче, человеческое и божеское сопрягаются и соторжествуют. Святые, каждый из них, являют нам дивный прообраз соработников Бога.

Если мы начнем наше повествование с одного из последних высказываний Терезы Младенца Иисуса: «Да, я поняла, что такое смирение сердца, и мне кажется, что я смиренна», то не для того, чтобы снова говорить о ней. Она будет для нас отправной точкой в том вопрошании, с которым мы обратимся к ряду святых — Терезе Авильской, Фоме Аквинскому, Франциску Сальскому. Каждый из них полностью разделяет то, что было сказано другими святыми о смирении, и хорошо понимает, что это значит. Соглашаясь в этом, они сразу же вводят нас в молитву и в действие, ибо смирение (*humilite* от слова *humus* — земля) характеризует добрую почву, приносящую плоды, а не бесплодные скалы.

В работе с послушницами Тереза из Лизье поняла глубокую и невидимую связь, соединяющую смирение с силой и величием. И тут, сразу же, мы встречаемся с первой и важнейшей характеристикой: смирение не есть ни слабость, ни вялость. Тереза не любила послушниц, которые были, по ее выражению, «сонями». Она оставила нам прекрасный портрет апостола, наш портрет, ибо каждый из нас призван быть для кого-то апостолом. Эти строки хорошо известны, но нам полезно их сейчас перечитать в свете нашей темы:

«Я хорошо знаю, что меня находят строгой. Они (те, которых она называла своими овечками) могут говорить все, что им вздумается, но в глубине души они сознают, что я люблю их любовью истинной и что я никогда не поступлю как наемник, бросающий свое стадо при виде волка. Я готова положить за них жизнь, но моя любовь к ним настолько чиста, что я не хотела бы, чтобы они о ней узнали. И никогда, по милости Божией, я не пыталась привлечь к себе их сердца. Я понимала, что мое служение состоит в том, чтобы вести их к Богу и помочь им понять, что здесь на земле Вы, моя Матушка (речь идет о настоятельнице Марии Гонзаг), представляете Иисуса видимого, Которого они должны любить и почитать».

Мы видим пример смирения в действии, смирения, которое ничего не ищет для себя, ничего не захватывает, но ведет к той, которой вверено попечение о монастыре.

«Я уже говорила Вам, что, обучая других, я сама многому научилась. Прежде всего, увидела, что все души проходят одинаковые борения, но что, с другой стороны, сами они так сильно отличаются друг от друга, что мне не стоило труда понять слова одного из Отцов: «Души

отличаются друг от друга гораздо больше, нежели лица». Вот почему и невозможно одинаковое обращение со всеми».

А вот описание смирения:

«В отношении некоторых я чувствую, что мне следует принизиться и не бояться признавать мои собственные борения и неудачи; видя, что я страдаю теми же слабостями, что они, мои меньшие сестры признаются мне в ошибках, за которые себя упрекают, и радуются, что я могу их понять на собственном опыте. Но с другими я видела, что нужно, для их же блага, проявлять много твердости и никогда не возвращаться к тому, что уже было сказано. Принижение себя в этом случае было бы не смирением, а слабостью. Милостью Божией я не боюсь борьбы, и нужно, чтобы я любой ценой исполняла мой долг. Много раз мне приходилось выслушивать такие слова: «Если вы хотите чего-либо добиться от меня, нужно обращаться со мной с мягкостью; силой вы ничего не достигнете». Но я знаю, что никто не может быть хорошим судьей в своих собственных делах, и на другой день та же сестра приходит ко мне со словами: «Вчера вы были правы в вашей строгости. Поначалу меня это возмутило, но позднее я все припомнила и убедилась, что вы были совершенно справедливы».

Итак, Тереза ставит нам первый указатель пути: смирение не есть слабость. В христианстве, и это его особенность, смирение вступает в игру тогда, когда человек устремляется к великому. Это качество того, кто вдохновляется на великие дела. Сфера действия смирения — это великие восхождения, а вовсе не любительская прогулка в горы, в которой почти ничем не рискуют, разве что подвернуть ногу. Это то качество, которое явлено в гимне Марии «Величит душа Моя Господа», ибо если Она могла сказать: «сотворил Мне величие Сильный», это означает, что Она признает тем самым Себя смиренной и ничтожной рабой.

Обратимся теперь к св. Фоме Аквинскому, строгому теологу, который не бросал слов на ветер. Он тоже признавал, что смирение — это качество, нужное для того, чтобы взяться за великие дела. Смирение возникает в той сфере человека, которая одновременно является источником вдохновения на великие дела и высокие поступки. Почему? Если мы ставим перед собой трудные задачи, это предполагает сознание собственной силы, и поскольку мы боимся спастись перед трудностями, нам требуется источник дополнительных сил и твердости — возвышенность души. Именно она побуждает нас на великие дела и вершина ее — это христианская надежда, вызывающая в нас ожидание всего самого высокого в мире. Но, переживая такую душевную возвышенность, нужно не терять голову, знать меру в наших больших замыслах и сохранять хладнокровие перед тем мнением, которое сложится вокруг нас. А также, и это, может быть, самое важное, принимаясь за большие начинания, не впадать в самомнение и не считать себя исполненным величия, благородства и высоких чувств. Итак, мы оказываемся перед дилеммой. С одной стороны, мы устремлены на высокие дела, ибо мы созданы для них и от этого зависит

наше человеческое достоинство; мы несем ответственность за свою судьбу, призваны к жизни вечной, мы наделены духовными качествами, мы верим в Бога, и было бы мучительно и недостойно потратить отпущенное нам время на глупости и ничтожную заурядность. С другой стороны, мы должны сознавать свою ничтожность. Св. Тереза Младенца Иисуса говорила: «Я ничто, маленькое ничто». Смиранный, согласно св. Фоме Аквинскому, сознает себя тварью: не владея ничем сам, он, тем не менее, устремлен на великие дела, но перед Богом он в Церкви, или в мире, или в области науки и т.д., сознает свое состояние зависимости, ибо постоянно получает от Него благодать, бытие, жизнь. Его взор достаточно ясен, чтобы, преодолев все человеческое, устремиться к высокому, и в то же время смиренный человек постоянно ощущает свое ничтожество перед Богом, не поддаваясь опьянению славой и успехом. Смирение — это такое качество, которое, вступая в действие в моменты благородного вдохновения, не дает нам забыть о нашем тварном состоянии. Оба качества нуждаются друг в друге: величие души, призывающее к подвигам, и смирение: «Что у тебя есть такого, чего бы ты не получил от Бога?»

Напротив, гордость есть своевольное желание моего собственного Я; вместо того, чтобы отдаваться высокому делу при сознании собственной ничтожности, гордость выдвигает на первый план мое Я. В этом случае мои поступки определяются не высокими побуждениями, а желанием возвысить мое ничтожное, глупое, маленькое Я. И именно это не дает Богу побудить меня к совершению истинно великих дел. Особенно прекрасно в Деве Марии было то, что Она сумела понять, что принимала в Себя Слово, ставшее плотью, и сознавала вместе с тем, что Она ничто и все получено Ею от Бога, подобно зеркалу, которое не оставляет себе ни одного луча брошенного на него света, отсылая все его великолепие обратно к солнцу.

Отец Ридо открывает в словах св. Терезы из Лизье то, что могло бы у другого стать признаком непомерных претензий. Тереза обладала, по собственному признанию, «безумной амбицией» и непомерными желаниями, которые не давали ей покоя. Она желала быть первой. Среди подвигов святых она «избирала все». «Я рождена для славы, — говорила она, — и мне кажется, что Господь предназначил меня для великих дел. Я всегда любила великое и прекрасное». Ее идеалом было рыцарство в той форме, как его понимали девушки ее времени. «В детстве я мечтала о полях сражений. Когда я начала изучать историю Франции, подвиги Жанны д'Арк приводили меня в восхищение; в сердце моем рождалось желание ей подражать; мне казалось, что Господь предназначил меня для великих дел. И я не ошиблась». Св. Тереза Младенца Иисуса хотела быть одновременно и Юдифью Ветхого Завета, и Жанной д'Арк. «Огненное сердце и душа воина» — говорила она.

Отец Ридо вспоминает и другого человека, невзрачного баскского рыцаря, у которого тоже было непомерное честолюбие — Игнатия Лойолу. Начитавшись рыцарских романов, которые заполняли его досуг во

время длительной болезни, он стал мечтать о доблестных подвигах; а позднее он загорелся таким же честолюбием, прочитав жития святых. Со временем честолюбивые мысли очищаются и отстаиваются; они сохраняют свою возвышенность, но Игнатий становится смиренным, что и позволило ему осуществить высшее из своих притязаний.

Смирение не выражается в робких жестах, потупленных взорах, несодержательных словах: «незначительность» не есть смирение. Смирение, в конечном счете, есть духовная нищета, бедность сердца, первая заповедь блаженства. Можно сказать, что все святые следовали ему и были в этом единомышленны.

Об этом неустанно говорила св. Тереза Авильская, Великая Тереза, покровительница св. Терезы Малой:

«Смирение подобно пчеле, которая непрестанно трудится внутри сот, и без этой работы все пошло бы насмарку. Но взгляните на эту пчелу: она выползает из улья и летит собирать мед с цветов».

Согласно Терезе Авильской необходимо как познание самого себя (это внутренность сот, сознание собственной немощи), так и, одновременно, — взор, устремленный на Бога:

«Взгляните на пчелу. И пусть душа, прилежно познающая самое себя, если она согласна мне верить, время от времени оставляет свои соты и совершает взлет, чтобы увидеть красоту и величие своего Бога. И там, легче, чем внутри себя, она обнаружит собственную немощь. Поверьте мне, мы много больше преуспеем в добродетели, прилепившись к добродетели Бога, чем увязая в собственной тине. Я не знаю, хорошо ли выразила свою мысль, но до тех пор, пока мы находимся на этой земле, ничто не приносит нам больше пользы, чем смирение».

Созерцая величие Бога, мы убеждаемся в собственной ничтожности, глядя на Его чистоту, убеждаемся в собственной нечистоте, видя Его смирение, познаем, как далеки мы от того, чтобы быть смиренными».

Итак, смиренный, прежде всего, созерцает величие Бога; когда мы взираем на Бога, «наш разум и наша воля облагораживаются и возрастают наши способности ко всем видам добра...», мы поднимаемся над болотом нашей ничтожности и как бы отрываемся от собственной почвы:

«Вот почему я говорю вам, что наш взор должен быть прикован к сокровищу нашему Иисусу Христу и к святым, ибо от них научимся мы истинному смирению. Таким образом облагородится наш ум, и познание самих себя и немощи человеческой перестанет подавлять нас и приковывать к земле».

Св. Тереза Авильская умеет хорошо выразить то, что хочет сказать: отговорок у нас остается немного.

Необходимо подчеркнуть такой момент: христианский оптимизм — это преимущественно оптимизм смирения. Мой друг, умерший в прошлом году, о. Пьер де Менас, человек незаурядный, атеист, ставший верующим, ученый, мистик, переживший тяжелые испытания, но сохранив-

ший чувство юмора, говорил, что «нужно всегда уметь видеть свое истинное Я». Что же такое мое истинное Я? «Мое истинное Я — это то, что есть во мне самого высокого, даже если оно непрочно и шатается в бурю». И он продолжал, повторяя за Терезой Авильской: «Но как только мы сосредоточиваемся на собственной ничтожности и даже на грехах, мы рискуем принять их за наше истинное Я». Наше истинное Я — не в ничтожности и слабости, истинное Я — это Я, исходящее от Бога: «Пока мы взираем на себя, мы ничего не видим, кроме собственного убожества, да еще в наихудшей его части. Один взгляд в сторону божественной любви к нам примиряет нас с нашим убожеством и дает нам понять, что Бог хочет и может вывести нас из него при условии, что мы не будем Ему препятствовать и отбросим злую безнадежность». Неверие в то, что наше ничтожество может быть преодолено — это нечто вроде «эрзаца смирения», которым демоны орудуют с большим коварством, пользуясь нашим депрессивным характером.

Ап. Павел говорил: «По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, которую каждому Бог уделил» (Рим 12. 3). Смирение, «скромное думание о себе», есть плод веры. Психологически противоположностью смирения являются не гордость и тщеславие, а тревога. Об этом говорила св. Тереза Авильская в своем выразительном стиле:

«Поверьте, если душа истинно смиренна, даже в том случае, когда Господь никогда не посылает ей утешения, Он дает ей такой мир и согласие с Его волей, что они делают ее более счастливой, чем многие другие со всеми утешениями... В одних случаях острое чувство собственной ничтожности может быть смирением и добродетелью, а в других — сильным искушением... Я знаю, что это такое... Смирение, как бы велико оно ни было, не вызывает ни тревоги, ни потрясения, ни неустойчивости; оно сопровождается миром, утешением, покоем. Поистине, видя свое ничтожество, мы скорбим, мы едва осмеливаемся взывать к милосердию Божию. Но если это смирение подлинное, в огорчении, которое мы испытываем, так много пленительного, что мы жаждем испытывать его постоянно; оно не тревожит и не сжимает душу; напротив, оно расширяет ее и делает ее более способной служить Богу. Все другие огорчения вносят тревогу и беспорядок, будоражат душу и полны горечи. Так дьявол хочет заставить нас поверить, что мы достигли смирения, и тем самым, по возможности, отнять у нас доверие к Богу».

Если противоположность смирения — беспокойство, то противоположностью беспокойства является мир, покой. Мир есть признак и спутник смирения. Здесь мы вступаем в излюбленную для св. Франциска Сальского область. Для него «смирение должно быть великодушным и умиротворяющим». Умиротворяющим!

«Пусть ваше мужество будет смиренным, а смирение мужественным. Пребывайте в этом состоянии с кротостью и даже с веселием и радостью. Если вы замечаете у себя недостатки, исправляйте их, но

старайтесь делать это с удовольствием, как любители садоводства, когда они подрезают ветви в своем саду».

Исправление наших недостатков должно доставлять нам удовольствие. В этом заключается «кроткое и мирное смирение сердца». И потому смиренные не удивляются ни своим неудачам, ни своей медлительности. Почему же Господь допускает такое? «Наш Господь Бог придает такое большое значение смирению, что Он не останавливается перед тем, чтобы попустить нас согрешить для того, чтобы мы таким путем приобрели святое смирение». Прежде, в Марселе, мы часто говорили, что две вещи способствуют духовному возрастанию христианского деятеля, мирянина или священника, — Евхаристия и «газовые фонари...», о которые расшибаешь себе нос! «Огорчение должно быть терпеливым и спокойным. Ваши немощи и ваши недуги не должны вас удивлять, Господь видел и не такое», добавляет Франциск Сальский.

Сказка братьев Гримм ярко иллюстрирует этот юмор Бога, Который ничему не удивляется! Одному хитрому портняжке удалось с помощью какой-то уловки проникнуть в Рай. Он собрался туда в такое время, когда там никого не было. Вероятно, весь небесный двор был в то время на прогулке. Портняжка видит престол Божий, садится на него и видит также скамеечку, которая служит Господу Богу ступенькой. Все прекрасно. Но так как все это было в Раю, то вдруг он начинает видеть все, что происходит на земле. И тут он замечает, что его соседка, бедная хлопотливая женщина, ворует какую-то вещь. В пылу святого негодования — ибо из Рая это поведение кажется отвратительным — портняжка хватается за скамеечку и запускает ее в бедную женщину на земле... Как раз в это время возвращается небесный двор, и Господь Бог появляется вместе со всем народом. На этот раз портняжка струсил оттого, что незаконно проник в Рай, и спрятался как можно лучше за престолом. Но куда пропала скамеечка? Все бросились на поиски и обнаружили дрожащего портного. «Что ты тут делаешь?» Портняжке пришлось рассказать, как было дело. «А где же скамеечка?» Тогда портняжка признался, что, увидев соседку, совершающую ужасный грех, он запустил в нее скамеечкой. Но тут ангелы спросили его: «А ты забыл, как ты сам обманывал добрых людей на материи, которую тебе приносили на платья?» А Господь Бог добавил: «И вообще, если каждый раз, когда люди совершают глупости на земле, Я буду швырять им в голову табуретку, Мне не хватит всей мебели, находящейся на небесах!»

Это и есть мудрость Франциска Сальского: «Господь видел и не такое, но Его милосердие не отворачивается от презренных, а старается им помочь». Конечно, мы должны стремиться совместить и то, и другое: «при пламенной любви к добру хорошо, а не небрежно исполнять свои обязанности, но мы никак не должны огорчаться, если порой поддаемся искушениям, ибо первое зависит от нашей веры, а второе — от нашей немощи, а от нее мы никогда не избавимся в нашей смертной жизни».

Единственным серьезным прегрешением, грехом против Духа Святого, является нежелание признавать свои слабости, стремление любой ценой называть добром то определенное конкретное зло, которое мы совершаем. То, что добро и зло не называются больше своими истинными именами, составляет, по-видимому, самую явную ущербность нынешней цивилизации. Правда, мне могут возразить, что это восходит к очень давнему времени, когда Адам и Ева, не считаясь с Богом, пожелали сами провести границу между добром и злом.

Одним из плодов смирения, о котором говорил св. Франциск Сальский, является кротость по отношению к другим и самому себе. Быть терпимым к самому себе, невзирая на недостатки, «не досадовать на себя и на свои несовершенства, ибо из кротости по отношению к себе вытекает кротость к ближнему». Это очевидно, и если я впадаю в гнев на кого-либо, то именно тогда, когда мне не хватает кротости к самому себе. Это значит, что у меня не было того смирения, которое порождает «радость приятия другого со всеми его недостатками».

Может быть, это и слишком литературное толкование, но св. Франциск Сальский пояснял притчу о десяти девах следующим образом: «И оказалось, что только у пятерых было припасено масло добродушия и милосердной кротости. Ровность нрава, кротость и благость сердца еще более редки, чем совершенное целомудрие, а потому и более желанны».

Нельзя смешивать отрешенность от себя и замыкание в себе; эти два процесса, столь схожие на первый взгляд, разделены границей, которая есть смирение. В первом случае действует Бог, Он «подравнивает ветки»; во втором случае действует мое оскорбленное самолюбие, которое запирается на ключ и переживает обиду.

Почему и как, в конечном счете, смирение сердца побуждало святых к столь многообразной и плодотворной деятельности? Ответ прост: потому что смирение сердца является источником внутренней свободы и реализма и тем самым зажигает «зеленый свет» на пути к молитве и действию.

Свобода обуславливается тем, что мы не беспокоимся о самих себе: Что обо мне подумают? Обращают ли на меня внимание? Что скажут другие? Что будет, если я сделаю то-то и то-то? Что будет, если я не справлюсь?... Смирение сердца освобождает нас не только от зависимости от чужих суждений о нас, но в особенности от мнимых суждений, которые мы приписываем людям, ибо очень часто бывает так, что мы живем в придуманном мире и боимся призраков. Из этого не следует, что мы должны пренебрегать мнением людей, которые побуждают нас к осознанию наших возможностей и наших слабостей, но это значит, что мы не должны смущаться тем, что другие могут о нас сказать или подумать. Сам ап. Павел не был безразличен к мнению других. Вот как он выходит из положения, зная о несогласии с ним Коринфян: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Гос-

подо. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога». Тереза из Лизье идет еще дальше:

«Если другие не признают ваших качеств, это ничего не отнимает у вас и не делает вас беднее, зато другие лишаются внутренней радости, ибо нет ничего приятнее, чем думать хорошо о нашем ближнем. Когда обо мне говорят дурно, если это правда, то тем хуже для меня; но если это ложь, то тем хуже для того, кто это говорит, ибо он сам делает себя несчастным. Тем хуже для тех, кто судит о вас неблагоприятно, и тем лучше для вас, если вы смиритесь перед Богом».

«Что называете вы большим умом, — говорит св. Франциск Сальский, — что понимаете под умом малым? Большой ум только у Бога, Который так добр, что охотно поселяет его в умах малых; Он любит ум малых детей и располагает им по Своему усмотрению лучше, чем умами старых».

Отвержение всего воображаемого приводит нас к реализму в действиях. Это с большой тонкостью объясняет св. Тереза Авильская:

«Я говорила, что иногда дьявол внушает нам высокие желания для того, чтобы мы, пренебрегая служением Господу нашему в вещах доступных, находили удовлетворение в том, что желали невозможного!»

Мы задаемся великими идеалами, и, видя, что ничего не достигли, успокаиваем свою совесть тем, что думали о них, а тем временем то, что было доступно нам и ожидалось от нас, осталось несделанным. «Не останавливаясь на всем том, что вы можете сделать, я скажу вам сразу же: не стремитесь принести пользу всему миру и довольствуйтесь тем, что можете ее принести людям, в обществе которых вы живете», — говорит святая Тереза Авильская.

Папа Павел VI указал, что подобный реализм отличал и св. Терезу Младенца Иисуса. Он назвал его «парадоксом надежды», «антиподом незрелости, пассивности и грусти».

«Величие св. Терезы, — указывал папа Павел VI, — состоит в реализме ее участия в жизни христианской общины, в которой люди призваны жить настоящим моментом. Это участие, столь характерное для св. Терезы, представляется нам особой милостью, столь необходимой в наше время. Многие христиане не знают, как согласовать на деле возможность расцвета собственной личности с требованиями религиозного послушания и жизнью вообще; свободу с подчинением властям, святость с церковными институтами; правдивость взаимоотношений и милосердие; харизматические различия и единство; повседневный реализм и «пророческое» обличение настоящего. Св. Тереза постоянно сталкивалась с этими проблемами. Было бы бесполезно искать у нее современного определения этих вопросов и еще более бесполезно — систематического их разрешения. Но невозможно отрицать те интуитивные озарения, которые определяли ее повседневные взаимоотношения с сестрами и ее участие в

узких рамках совместно-согласованной жизни <...> Чтобы начать действовать, она не ожидала установления идеального образа жизни, более совершенного окружения, скорее она способствовала их изменению изнутри. И смирение давало простор для любви».

Мы не ошибемся, если в связи с этим перечитаем главу XIII первого Послания к Коринфянам, заменив при этом слово «любовь» словом «смирение»: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а смирения не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею смирения: то я ничто. И если я раздам все свое имущество и отдам тело мое на сожжение, а смирения не имею, нет мне в том никакой пользы. Смирение долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не радуется неправде, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Хорошо также перечитать отрывок из послания к Колоссянам, в котором апостол связывает воедино все составные части смирения: «Итак, облекитесь, как избранные Божий, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение» (Кол 4. 12).

Все сказанное, в конечном счете, заключено в одной фразе, преобразовавшей сердца святых: «...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем: и найдете покой душам вашим».

Этими словами Спаситель Сам приобщается к блаженству нищих и кротких, к блаженству милостивых и жаждущих мира. И мы должны стать причастными этому блаженству. Будем просить Бога о даровании нам великой милости: чтобы в стремлении к подвигу и великодушию, в стремлении улучшить что-либо в мире и в Церкви мы не забывали, что все дается Богом, не бросали небесные табуретки в головы наших братьев. Лучше оставлять их в руках Божиих.

ДИТРИХ БОНХОФФЕР

МОЛИТЬСЯ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Найти смысл жизни

Молитва, не укорененная в подлинно христианской жизни, останется самообманом (то же относится и к апостольскому служению). Плодотворность служения и молитвы подобна сокам цветка, неотделимого от земли, питающей его. И христианская жизнь будет обманом, если она оторвана от людей и от ответственности за них, если она — жизнь дилетанта, скользящая по поверхности вещей. Необходимо, чтобы апостол был прежде всего христианином, даже если он и папа римский, и потому одним из них было сказано: «Самый великий день в жизни папы есть день его крещения». Христианская жизнь, если она не вписана в жизнь человеческую с ее пределами, не может считаться подлинной. Следует учиться у тех людей, которые пережили все перипетии бытия вплоть до крайних опасностей и смерти.

Вот почему, памятуя о словах Паскаля (*Я верю только в такие истории, свидетели которых шли на гибель*), ознакомимся с тем, как жил, молился и умирал пастор Дитрих Бонхоффер. Это не значит, что мы должны воспринять все его мысли, но его жизненная линия может многому нас научить.

Вопрос, который не оставлял Бонхоффера на протяжении всей жизни, был следующий: «Как быть христианином в современной жизни? Как свидетельствовать о непрестанном присутствии среди людей Бога Живого? Как участвовать во встрече Бога с миром, встрече, которая может быть радостной и мучительной, тревожной и умиротворенной»? В конечном счете, это был вопрос о том, «как прожить перед Богом свою человеческую жизнь». И такой вопрос должен себе ставить каждый из нас. Д. Бонхоффер отвечал по-разному в различные периоды жизни. И это естественно, поскольку встреча с Богом происходит при самых различных обстоятельствах. Бонхоффер умер в разгаре своего поиска, и об этом нужно помнить, чтобы не подгонять его под то или иное определение; нужно также добавить, что его поиск осуществлялся в условиях чрезвычайных, которые в последнем периоде напоминали шпионский роман. И никто не может сказать, чем бы закончились и во что бы вылились его размышления.

Начнем наш рассказ с конца его жизни, поскольку «свидетели шли на гибель». Два года Бонхоффер находится в тюрьме из-за сопротивления режиму Гитлера. Оставалось всего несколько недель до конца войны и самоубийства фюрера. Так как войска союзников продвигались быстрым темпом, Бонхоффер и его товарищи были увезены из тюрьмы; вместе с другими заключенными высокого ранга Бонхоффера переправляли из лагеря в лагерь на грузовиках. У узников зарождалась великая надежда, ибо гитлеризм рушился и свобода казалась близкой. Даже охранники

становились более человечными. Но вот особый приказ из Берлина настигает узников, прибывших к вечеру в лагерь в Флоссенбурге. Ночью проводится какое-то подобие процесса. Приводим последнее из воспоминаний о Бонхоффере, принадлежащее врачу флоссенбургского лагеря:

«Девятого апреля 1945 года, между 5 и 6 часами утра, заключенных, среди которых были адмирал Канарис, генерал Остер и начальник штаба Зак, вывели из камер для оглашения им приговора. Через приоткрытую дверь камеры одного из барakov я увидел пастора Бонхоффера, еще в одежде заключенного, на коленях горячо молящегося Богу. Вера и непоколебимое упование на Бога, которые чувствовались в молитве этого столь привлекательного человека, тронули меня до глубины сердца <...> За пятьдесят лет практики я ни разу не видел человека, который, умирая, с такой полнотой отдавал себя в руки Божий».

Англичанин, который разделил участь Бонхоффера в одной из самых страшных тюрем, вспоминал:

«Бонхоффер всегда был совершенно спокоен и уравновешен, в хорошем расположении духа <...>, душа его поистине светила в темном отчаянии нашей тюрьмы <...> Всегда Бонхоффер являл собой само смирение и кротость, он излучал атмосферу счастья, радости в связи с самыми незначительными событиями жизни, благодарности уже за одно то, что он живет. Если вы относились к нему с симпатией, в его взгляде появлялось что-то, напоминавшее верность собаки. Это был один из тех немногих людей, для которых Бог был реален и близок».

Бонхоффера столько раз «подавали под разными соусами», что было бы полезно привести то немногое, что известно о его последних днях. Накануне смерти, после переездов из лагеря в лагерь, собралась маленькая группа узников, и Бонхоффера просили отслужить утреннюю службу. Поскольку большинство из присутствующих были католиками и среди заключенных находился даже один молодой русский, Бонхоффер не сразу согласился исполнить просьбу. Но русский изъявил согласие, и Бонхоффер прочитал и сжато пояснил тексты Писания Дня Квазимодо (Первая неделя по Пасхе, когда читается текст из послания ап. Петра «*Quasi modo geniti infantes*»... т.е. как новорожденные): «Его ранами мы исцелены».

На другое утро, уже раздетый, Бонхоффер встал на колени под виселицей и молился в последний раз.

Бонхоффер был человеком богатырского телосложения, крупный, широкоплечий, пышущий здоровьем, с мощными бицепсами, которые он, будучи еще ребенком, любил напрягать на удивление своей сестры; у него было много обаяния, и жизнь протекала интенсивно: пианист, теолог, гуманист, знающий несколько языков, он был поистине прекрасный представитель рода человеческого. Счастливое детство, благополучная семья: его отец-врач, профессор неврологии и психиатрии, пять старших братьев и сестер, сестра-близнец Сабина, младшая сестра Сюзанна. В этой прекрасной немецкой семье музыка, театр, любовь к природе — все

служило воспитанию детей. Семья отличалась и большой любовью к праздникам, особенно к Рождеству, когда все вместе читали Библию и пели хоралы. Стойкая христианская мораль; однако в церковь семья никогда не ходила. Отец, как некоторые братья, был агностиком.

И вот однажды, в школе, когда ему было семнадцать лет, он во всеуслышание, ко всеобщему удивлению, заявляет на вопрос: «чем ты хотел бы заниматься?» — «Хочу заниматься теологией, т.е. стать пастором». Фраза вырвалась у него невольно, он даже не успел встать. Весь класс уставил на него изумленный взгляд. В среде, где он рос, это не было явлением привычным, особенно для способного ученика. Позднее он писал о себе:

«Юноша глубоко ощутил вкус этого короткого мгновения. Случилось что-то необыкновенное, и он испытывал радость от этого необычайного момента и в то же время был смущен. Теперь знают все. Он торжественно предстоял перед своим Богом, перед всем классом, он был в центре внимания. Хорошо ли держался он в этот момент? Был ли у него достаточно серьезный и решительный вид? Ему было так отрадно при мысли о том, как торжественно было его признание и как благородна его миссия. От него не ускользнуло, что в этот момент он поставил своего учителя в затруднительное положение, хотя тот и смотрел на него благосклонно. Момент этот был поистине исполнен радости, стены класса отодвигались в бесконечность. Он стоял посреди мира, проповедник и ученый специалист своих знаний и своего идеала, и все должны были молчаливо внимать его словам; благословение Вечного нисходило на его слова и его голову. И тут ему снова стало стыдно. Он осознал свое тщеславие.

Как часто приходилось ему с ним бороться! Но оно примешивалось ко всему и отравляло радость этой минуты».

Итак, Дитрих Бонхоффер будет изучать теологию в Университете.

Все биографы Дитриха Бонхоффера соглашаются в том, что его жизнь распадается на три периода: сначала он стал христианином, уверовавшим в Слово Божие; и он закончил свою жизнь как «современник» людей, прошедших через земной ад.

Его первый период ознаменовался поездкой в Рим, предпринятой им в возрасте 18 лет. Юный Дитрих открывает для себя в Риме вселенскую Церковь, Церковь, пребывающую в центре мира. В Вербное Воскресенье он присутствует на службе в соборе св. Петра, на первой торжественной мессе в своей жизни. «Семинаристы и монахи, белые, черные и желтые лица. Чувство вселенскости Церкви очень сильно». Вечером он присутствует на службе в Санта Тринита деи Монти: «Это был прекрасный день, первый день, когда мне приоткрылась частично реальность католичества; это не имеет ничего общего с романтизмом и пр., но, думаю, что я начал постигать понятие Церкви». Это чувство Церкви никогда его не покидало; в одной из своих первых проповедей он говорил:

«... самое большое несчастье нашего времени в том, что мы не представляем себе, что означает «Церковь», т.е. то, что с такой стра-

стностью горело в сердце Христа в минуты Его прощания и о чем с такой несравненной красотой писал нам ап. Павел в своем Послании к Ефесянам <...>; но мало только понимать это: нам необходимо самим стать Церковью. Ап. Павел называл это — быть Телом Христа. Ап. Павел обращался к христианской общине Коринфа, к людям, которых тревожили самые разнообразные вопросы, к общине, в которой действовал грех, как он действует сегодня и среди нас, маловерных. И вот такой общине ап. Павел писал: «Вы есть Тело Христа». Ведь он не сказал: «вы им станете», он просто сказал: «вы есть». Ему важно только одно — что они принадлежат к Телу Христа, будь они грешники или нет. «Вы есть», — и слова эти совершенно определенно относятся и к нам».

Бонхоффер нашел в Церкви ответ на свой вопрос: «Как быть христианином в современной жизни?» Для протестанта-лютеранина это было существенно. Проблема христианского существования могла быть разрешена только в Церкви, именно в такой общине, конкретной и исторической, такой, как она есть, со всеми ее недостатками, происходит встреча человека с Богом. Бонхоффер всегда возражал тем, кто желал видеть в Церкви одних только чистых и совершенных и исключал из нее теплохладных, безликих, равнодушных.

В этот период он писал:

«Мы верим не в невидимую Церковь, не в Царство Божие в Церкви, подобной собранию избранных на небесах; мы верим, что Господь сделал Своей Общиной эмпирическую конкретную Церковь, в которой осуществляются служение Слову и Таинства; мы верим, что эта Церковь и есть Тело Христово, т.е. присутствие Христа в этом мире; мы верим обетования, что Дух Святой пребывает в ней».

Молодой студент в течение года проходит стажировку по практической теологии в Барселоне. Затем он отправляется в Соединенные Штаты. Если в Риме, в соборе св. Петра, он был потрясен Церковью — впечатление, которое будет сопровождать его до конца жизни — то из Нью-Йорка он писал:

«В Нью-Йорке можно услышать проповеди практически на все темы; лишь одна тема никогда не затрагивается или затрагивается так редко, что мне ни разу не удалось услышать о ней проповеди; это тема Евангелия Иисуса Христа, тема креста, греха и прощения, жизни и смерти <...> Этический и социальный идеализм, который кичится своей верой в прогресс и который, по мотивам достаточно туманным, присвоил себе право называться христианским. И место Церкви как общины верующих христиан занимает Церковь как социальный институт. Тот, кто видел еженедельную программу одной из самых больших церквей Нью-Йорка с перечнем мероприятий на каждый день, чуть ли не на каждый час, с чаем для служащих, с конференциями, концертами, благотворительной торговлей, спортивными занятиями, играми, бойлингами, балами для всех возрастов, тот, кто слышал обо всех усилиях, прилагаемых для привлечения в Церковь новых членов, которых занимают процедурой вве-

дения в новое общество, тот, кто наблюдал мучительную тревогу, с которой пастор создает себе популярность и привлекает сторонников, тот сможет создать себе представление о характере этой Церкви».

Для молодого теолога, пытливого и мыслящего. Церковь — это Христос, существующий в форме общины. Таков был первый этап размышлений и христианской жизни Бонхоффера.

Лишь в начале своего служения в качестве пастора в Берлине Бонхоффер открывает для себя Библию! Дипломированный теолог становится христианином:

«Я отдался работе далеко не самым христианским способом. Тщеславие, которое многие во мне замечали, делало мою жизнь очень трудной <...> Но затем произошло что-то совсем иное, потрясшее меня и всю мою жизнь; впервые я взял в руки Библию <...> Я часто проповедовал, я много ценного видел в Церкви, об этом я говорил и проповедовал, — но христианином я еще не был. Я сознаю, что в то время я пользовался с большим успехом темой об Иисусе Христе. Я прошу Бога, чтобы этого никогда больше не повторялось. Прежде я никогда или почти никогда не молился. Я был вполне удовлетворен собой и полагался на себя. Библия, особенно Нагорная проповедь, освободили меня от этого. С тех пор все переменялось. Я это отчетливо почувствовал, так же, как и те, кто меня окружал. Это было великим освобождением. Я ясно понял, что жизнь служителя Иисуса Христа должна принадлежать Церкви; и с каждым шагом оттачивалось это абсолютное требование».

Основной вопрос остается тем же самым: «Какой должна быть христианская жизнь в этом мире? Где находится тот авторитет, которым мы должны руководствоваться в жизни так, чтобы она была достойно прожита?» Это все тот же поиск, и ответ Бонхоффер находит в Библии, в Слове Божиим, которое становится светочем его жизни. В это время он писал своей сестре и ее мужу:

«Прежде всего, я верю, что Библия есть единственный ответ на все наши вопросы и что нам требуется только одно — неустанно просить, имея хоть немного смирения, о нужных нам ответах. Нельзя довольствоваться чтением Библии, подобным чтению других книг. Нужно подготовиться к тому, чтобы всерьез обращаться к ней с вопросами. Только таким образом она может нам открыться. Мы получим решительный ответ только в том случае, если мы действительно его ожидаем. И причина заключена в том, что через Библию с нами говорит Сам Бог. Совершенно недостаточно размышлять о Боге, опираясь на свои собственные силы, нужно вопрошать о Нем. Только если мы будем Его искать, Он нам ответит».

«Если я сам определил место, где я хочу найти Бога, то в этом случае я всегда найду такого Бога, который в некотором смысле соответствует мне самому, Бога благоволящего мне и отвечающего моему настрою. Но если место встречи определяет Бог, то такое место поначалу может показаться мне непривлекательным и не соответствовать

моим желаниям. Место это — крест Христов. Но тот, кто хочет найти Бога, должен идти к подножию Креста, как этого требует Нагорная проповедь».

Бонхоффер понимает, что он пережил борение Иакова:

«Тогда Иаков собирает последние силы, он не отпускает его, он борется с ангелом, но вступает в землю обетованную».

Так он приходит к «послушанию в простоте» по заповеди Христа, к простому послушанию и простой вере:

«Послушание обитает в простой вере, и вера подлинна только в послушании. Вера должна быть простой, в противном случае она приведет к рассуждениям, а не к послушанию».

Приняв Слово и следуя Ему до конца, Бонхоффер открывает всю силу «чистого сердца», ибо он прошел через опыт раздвоения собственного сердца, еще неочищенного и колеблющегося:

«Бог и мир, Бог и блага мира сего хотят овладеть нашим сердцем, но они становятся тем, что они есть на самом деле лишь тогда, когда победят наше сердце полностью».

«Нужно, чтобы сердце ученика было полностью обращено только ко Христу. Если сердце его прилипается к видимости, к творению больше, чем к Творцу, то он потерян...».

И он приводит фразу, в которой св. Хуан де ла Крус узнал бы самого себя:

«Нужно идти не спеша, как паломник, свободный и оставивший все <...> Мы странствуем, простившись навсегда, довольствуясь малым».

Этот этап открытия Библии был для Бонхоффера этапом открытия трансцендентности Бога. Настал момент, когда для него существовал только один Бог, а также и момент «неустанной брани духа против плоти», — как говорил ап. Павел.

Наступил 1932-33 год. К власти приходит Гитлер, и ураган безумия проносится над Германией. В Магдебургском Соборе лес свастика вокруг алтаря, и проповедник комментирует это зрелище, как впоследствии его будут комментировать многие священнослужители: «Это стало символом надежды Германии. Кто оскорбляет этот символ, оскорбляет нашу Германию. Эти знамена со свастикой вокруг алтаря излучают надежду: скоро настанет день!»

И в то же самое время в церкви св. Троицы Бонхоффер заявляет:

«В церкви есть только один алтарь, это алтарь Всевышнему <...>, перед Которым вся тварь должна преклонять колени <...> Тот, кто хочет иного, должен удалиться, он не может находиться с нами в Доме Божиим. В церкви есть только один амвон, с которого возвещается вера в Бога и никакая другая вера и никакая иная воля, как бы хороша она ни была».

В жизни Бонхоффера происходит переворот. Задолго до того, как гитлеризм дошел до своих наихудших последствий, Бонхоффер говорит

собратьям по Церкви о своем отношении к захвату власти Гитлером. Большинству его коллег его слова казались утопичными:

«Я оказался в положении радикальной и непостижимой оппозиции по отношению ко всем мои друзьям; мое отношение к этому вопросу приводило меня ко все большей изоляции, хотя я и имел тесные личные связи с этими людьми; от этого мне становилось страшно, я стал сомневаться и боялся, что сойду с пути из-за свойственной мне мании всегда считать себя правым. Кроме того, я не видел, по каким причинам я могу иметь более правильное и ясное мнение об этих делах, чем столько других пасторов, хороших и честных, к которым я относился с уважением; и я счел за лучшее удалиться на некоторое время от жизни <...> Угроза скандала в подобной ситуации казалась мне более опасной, чем уход в одиночество».

Итак, не видя возможности участвовать в жизни своих собратьев, Бонхоффер уезжает в Лондон на два года, с 1933 по 1935 г. Затем его вызывают в Германию для организации необычайного семинара в Финкенвальде, который должен был готовить пасторов, принявших, подобно Бонхофферу, решение свидетельствовать о Боге в этом безбожном мире. Такая задача под силу только Церкви, которая действительно в состоянии объединить своих пасторов вокруг Слова Божия, в братской жизни и Преломлении Хлеба. Именно этим в течение четырех лет и занимается семинар, ставший затем очагом сопротивления. С сущностью этого начинания Бонхоффер знакомит нас в своей небольшой прекрасной книге «Об общественной жизни». В 1939 г. под давлением режима семинар был распущен, и Бонхоффер включается в активное сопротивление. Так, найдя свое призвание в 1932 году, он идет навстречу своей судьбе в 1939 году.

Постепенно Бонхоффер и некоторые его единомышленники приходят к убеждению, что то, что многие могли бы назвать предательством, и есть истинная любовь к Германии. Так далеко зашли уничтожение евреев, умерщвление больных, подавление Церкви, ужасающая гибель немецких солдат в России, массовые смерти из-за гигантомании и некомпетентности Гитлера, что решительные действия были необходимы. Бонхоффер знал, на что он идет, когда вступал в Сопротивление со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до участия в работе контрразведки адмирала Канариса и Остера и многих других, которых, как Бонхоффера, ожидала смерть. В 1942 году он писал:

«Можем ли мы быть еще полезными в служении? Мы были свидетелями множества злых дел, мы насмотрелись всего на свете, мы обучились искусству притворства и двусмысленных речей, мы на горьком опыте научились недоверию к людям. Как часто скрывали мы от ближнего истину и лишали его свободного слова, которое обязаны были ему сказать. Невыносимые конфликты сделали нас разочарованными и даже циничными. Можем ли мы еще быть полезными? Хватит ли у нас внутренней силы сопротивляться тому, что нам предписывается? Останет-

ся ли беспощадной наша внутренняя честность к самим себе настолько, чтобы мы смогли встать на путь прямолинейности и простоты?»

В этот кровавый час, час многих бедствий и моральных падений, Бонхоффер встречается девушку восемнадцати лет, — а ему было тогда тридцать пять, — Марию фон Ведемейер, красивую, утонченную, мужественную. В том аду, где он находится, Мария становится для него уникальной ценностью. Он полюбил ее. Мария отвечает на эту любовь почти немедленно и радостно. 17 января 1943 года состоялась их помолвка. Бонхоффер отчетливо сознавал, что он берет на себя и что берет на себя Мария. Его женитьба представлялась ему чем-то вроде ответа «да» «Божьей земле»:

«Во времена величайшего опустошения Иеремия говорил своему народу, чтобы каждый покупал дом и поле в той земле, как знак доверия к будущему. Так всегда бывает там, где есть вера. Да посылает нам Бог ее ежедневно. Я не мыслю о вере, которая оставляет мир, а мыслю о такой вере, которая принимает мир на себя, любит его и сохраняется, несмотря на все страдания, им приносимые. Наша женитьба будет нашим «да» земле Бога. Боюсь, что христиане, которые стоят на этой земле лишь одной ногой, будут и на небесах стоять лишь одной ногой».

Но вот 5 апреля 1943 года гестапо обнаруживает очаг сопротивления и арестовывает Бонхоффера и его товарищей. Всего три месяца он мог встречаться со своей невестой.

Начинается последний период в жизни Бонхоффера. Продлится он всего два года. В тюрьме пастор осознал, насколько люди отошли от христианства, насколько они вообще утратили религиозность. До конца разделив все страдания людей, он убеждается, что для большинства, — а завтра, может быть, это большинство станет подавляющим, — Бог умер».

По-разному толковалось то, что было написано Бонхоффером за эти два года заключения, и мы не должны сгущать краски. Для Бонхоффера Бог всегда оставался живым, но он констатировал, что для окружающих его людей «Бог умер»: Бог более не существовал для людей, которые обходились без Него и только себя считали ответственными за происходящее в мире; которые думали добыть счастье своими собственными усилиями и полагали, что к Богу обращались прежде лишь потому, что не знали, к кому обратиться за объяснением тайн природы или за помощью среди трудностей жизни. Глядя на этих людей, которые в остальном были наделены всякими качествами и способностями, Бонхоффер задается тем же вопросом, что и прежде: «вопросом о том, что есть христианство и Христос для нас сегодня. Этот вопрос занимал меня постоянно». «Кто есть Христос для нас сегодня, и Кем Он должен быть для этих людей? Как Христос может стать Богом для неверующих? Как говорить о Боге в отрыве от религии, т.е. не выводя Его предварительно из метафизики и духовности и т.д.» Наконец, как говорить с людьми, для которых язык религии и веры утратил свой смысл? Как объяснить людям сегодняшнего дня верховную власть Христа? Как до конца слиться с сегодняшним миром, не

потеряв своей христианской подлинности? Средством сохранения христианской подлинности для Бонхоффера, брошенного в этот мир, станет, по его определению, «тайная дисциплина». Этот термин заимствован у первохристиан, которые скрывали свою религиозность от окружения, не способного их понять; это было приложением к жизни слов Иисуса: «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга перед свиньями». Понятие «тайной дисциплины» для Бонхоффера включало все, что углубляет и поддерживает христианскую жизнь: молитву, медитацию, отправление культа, таинства, опыт общинной жизни, как это было в Финкенвальде, — словом все, что содействует любви христианина к Богу и к своим братьям. Это понятие означало также, что евангельские истины исповедуются христианами внутри общины не так, как они преподносятся другим.

Дитрих Бонхоффер, будучи музыкантом, прибегал к сравнениям, заимствованным из полифонической музыки. В полифонии имеется основная мелодия «cantus firmus», вокруг которой сплетаются остальные мелодии:

*«Всякая большая любовь таит в себе опасность забвения того, что я бы назвал полифонией жизни. Поясню: Господь и вечность требуют от нас всецелой любви; но эта любовь не должна ни препятствовать, ни ослаблять любви земной. Любовь к Богу должна быть как бы **cantus firmus**, центральной мелодией, которую аккомпанируют все другие голоса жизни; земная любовь есть одна из таких тем контрапункта; обладая независимостью, она, тем не менее, связана с **cantus firmus**. Там, где **cantus firmus** чист и отчетлив, там и контрапункт развивается во всей полноте. Обе темы неотделимы друг от друга, но вместе с тем разделены, подобно тому, как в понятиях Халкидона нераздельны без слияния человеческая и божественная природа Христа».*

Легко понять, как Бонхоффер стал «современником» своих братьев, современником, погрузившимся в ад войны, концентрационных лагерей, умерщвления миллионов людей. Это был период «шока», потрясения атеистического мира, период апокалиптического Зверя. Каждый христианин, который противостоит новому лику вселенной, испытывает такой шок, независимо от того, хочет он того или нет, имеет ли для этого силы и мужество. Как в этом апокалиптическом мире ощутить постоянное присутствие Бога? И Бонхоффер, отнюдь не отказываясь от всего, что понял и пережил в предыдущие периоды, отвечает, что, если вести жизнь христианина в таком мире, разделяя все его проблемы и искания, успехи и неудачи, пройдя сквозь огонь и воду испытаний и недоумений, то в сознании и во всем нашем существе происходит переворот, который вводит нас в «страдания Бога во Христе».

«Христос творит в нас не тип Человека, а просто человека. Христианином становятся не в религиозном акте, а в сопричастности страданиям Бога в жизни мира».

Переживая страдания, в которые погружен мир, христианин становится человеком в том смысле, в каком на вершине страданий было сказа-

но об Иисусе: «Се Человек». Для этого нужно, забыв о своих собственных несчастьях, проблемах, грехах и тревогах, идти по тому пути, по которому шел Иисус и на котором исполняется назначение страдающего Раба Исайи.

И вот теперь, хотя его мысль остается незаконченной, Бонхоффер окончательно побеждает в себе тщеславие:

«Я понял и продолжаю понимать все глубже, что, только испытав всю полноту земной жизни, по-настоящему приходишь к вере. Когда полностью отказываешься от претензии стать кем-то, — святым или раскаявшимся грешником, церковным ли человеком, праведником ли, больным или здоровым, — когда испытываешь все множество возложенных на тебя задач, вопросов, успехов и поражений, — ибо именно это я называю жизнью в мире, — только тогда отдаешь себя в руки Богу, принимаешь всерьез страдания Бога в этом мире, а не свои собственные страдания, только тогда пребываешь со Христом в Гефсимании; в этом, на мой взгляд, и состоит вера, μετανοία⁴, и только так становишься человеком и христианином. Как можно в успехе стать заносчивым или в поражении — смущаться, если в нашей земной жизни мы страдаем страданиями Бога?»

Это его последнее письмо, отправленное друзьям. Что же остается сказать? Что и нам предстоит прожить годы в этом секуляризированном мире, и что наш *cantus firmus*, самая глубинная мелодия нашей жизни, должна быть так укоренена в Боге, чтобы мы во всей полноте могли прожить среди людей жизнь, достойную человека.

Пути свободы

За несколько месяцев до смерти, перед тем, как переписка должна была прекратиться, Бонхоффер написал поэму, которую озаглавил «Стояния на пути свободы».

Разумеется, это скорее скорбные тайны, чем радостные, но они связаны и с тайной славы: Это Пасха человека, переживающего Страстную Пятницу, человека, который уже в Страстях живет Воскресением. Его свобода, освобождение совпадают со свободой и освобождением апостолов, пребывавших в служении братьям и Богу.

Когда ап. Павел писал Галатам: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу» (Гал 5. 13), речь шла именно об этой самой христианской свободе, которая избавляет нас от нашего эгоизма и обращает к любви. Суть христианской свободы в служении Богу изложена также в первом Послании св. Петра: «... свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божий» (Петр 2. 16). Поэму Бонхоффера следует читать как завещание христианина, сообщающего своим братьям о самом высоком своем открытии и как признание человека, обращающегося к нам с последним словом.

⁴ Μετανοία — перемена образа мыслей, внутреннее обращение, раскаяние

СТОЯНИЯ НА ПУТИ СВОБОДЫ

Дисциплина

Если ты отправляешься на поиски свободы, прежде всего, обучись дисциплине чувств и души, чтобы твои желания и тело не увлекли тебя в сторону.

Пусть дух твой и плоть будут целомудренны и подчинены тебе и, послушные, пусть направляются они к той цели, которая им указана.

Тайна свободы познается только через дисциплину.

Действие

Делать и сметь делать не что придется, а то, что праведно.

Не парить над возможностями, но мужественно включаться в реальность.

Свобода заключена не в разбегающихся мыслях, но только в действии.

Разорви круг своих тревожных сомнений и встречай лицом к лицу бурю событий,

ведомый только Божиим законом и верою
и тогда свобода примет твой дух с ликованием.

Страдание

Чудесная метаморфоза! Вот руки твои, сильные и быстрые, связаны. Одиноким и немощным, ты уже видишь конец своим действиям. Но ты переводишь дух и отдаешь в руки более сильные все, что праведно; и ты умиротворяешься.

На одно мгновение ты радостно достиг свободы, затем ты предаешь свою свободу Богу, чтобы Он завершил ее во всем великолепии.

Смерть

Приблизься, величайший праздник на дороге вечной свободы,

Смерть, разорви цепи и разрушь постылые стены

нашего брэнного тела и слепой души,

чтобы мы увидели, наконец, то,

что нам сказано видеть внизу.

Свобода, мы долго искали тебя в дисциплине, в действии, в страдании.

Умирая, мы узнаем тебя в Лике Божьем.

«Опыт свободы познается только через дисциплину». Но что же Бонхоффер понимает под дисциплиной? Этот первый неизбежный этап, первое *стояние* на пути свободы есть правила поведения, которые он устанавливает для себя. Дисциплина бывает разная в зависимости от целей, к которым каждый стремится: дисциплина пианиста, спортсмена, ремесленника, который доводит до совершенства свое изделие, и просто дисциплина в работе, требующая, чтобы доски или мешки были уложены

аккуратно. Дисциплина составляет противоположность самотеку, она отражает серьезность, важность человеческой задачи.

Кризис веры сегодня есть также кризис человеческих качеств, это критическое состояние дома, построенного на песке. Вера не может стоять на песке. Она должна стоять на камне, на твердой скале, и этот камень и есть дисциплина. Правда, нам возразят словами псалма: «На скалу, недоступную для меня, согласишься, Господи, отвести меня», но ведь мы должны все же держаться за эту скалу. Бонхоффер познал и внутренним опытом, и в тюремном заключении искушение, угрожающее «разрушением интеллектуальной плодотворности и самого человека». Такое искушение он называет «ностальгией». Это слово можно встретить в разных языках. Теологи называют это по-латыни «acedia», что означает своего рода отвращение к духовному усилию, порожденное грустью, обидой, горечью. «Acedia» противопоставляется радости. Бонхоффер подробно описывает это испытание:

«Вот печальная участь — разрушение интеллектуальной плодотворности. Нет большей муки, и в течение этих месяцев я испытывал ее множество раз в самой ужасной степени <...> Ближайшим результатом этих ностальгических периодов было желание отказаться от обычного течения дня и позволить беспорядку хозяйничать в жизни. У меня нередко бывало искушение не вставать в шесть утра, как обычно, — что было вполне возможно, — и продолжать спать. До сих пор мне удавалось заставить себя не поддаваться ему, ибо я был уверен, что это оказалось бы началом капитуляции, которая привела бы к тяжелым последствиям. Чисто внешняя, физическая дисциплина (гимнастика, холодное умывание) помогают поддерживать душевную дисциплину. Кроме того, нет ничего более ошибочного, чем попытки компенсировать непоправимое».

«Нужно уметь примириться со своим несчастным положением: Я думаю, в такие моменты очень вредно рассказывать посторонним о своем состоянии, — это может еще больше сломить, — и, наоборот, крайне важно оставаться по возможности более открытым к бедствиям других».

Св. Тереза Младенца Иисуса говорила загрустившей послушнице: «Займитесь поскорее делами милосердия». «Никогда не поддавайтесь self-pity, жалости к самому себе», говорит Бонхоффер.

Когда Бонхоффер пишет: «Пусть твой дух и разум будут целомудренны», он имеет в виду не просто отказ от удовольствий, а ориентацию всей жизни на определенную цель: «Если жизнь не имеет такой ориентации, целомудрие выглядело бы нелепым». Как говорил ап. Павел, когда я стремлюсь к цели, я подчиняю себе дух и плоть. Какая польза в целомудрии, если оно служит жизни без цели? Но «мысль не бывает ясной и главенствующей, если нет целомудрия».

Христианин укоренен в мире всем своим существом, как дерево в почве, и в своей борьбе «он вооружен целомудрием, и знание того, что он смертен и что он воскреснет, всегда перед ним».

Человек, владеющий дисциплиной для достижения свободы, может переходить к действию, которое должно быть реалистичным и определенным: «Не лавировать среди возможностей, но терпеливо постигать действительность».

Необходимость жить реальной жизнью во всей ее повседневности открылась Бонхофферу через два события, диаметрально противоположные друг другу: провал заговора, приведшего его в тюрьму и угрожающего смертью, во-первых, и любовь к Марии и помолвка, во-вторых. Эти два столь различных события Бонхоффер хотел прожить во всей реальности.

По поводу провала заговора он объясняется с мужем сестры, Гансом фон Донханали, главным его организатором: Ганс, по вине которого, в известном смысле, Дитрих и оказался в тюрьме и который сам был арестован, писал Дитриху: «Я вверг тебя в беду, прости меня!». Бонхоффер писал ему в ответ:

«Ты должен понять, что нет у меня ни капли горечи или желания тебя упрекнуть за случившееся с нами. Все это исходит от Бога, и только от Него Одного; и я знаю, что мы, ты сам, Христель (сестра Дитриха) и я едины в том убеждении, что перед Ним возможны только смирение, стойкость, терпение и признательность. Это и снимает все наши «почему». Нет, ты не должен беспокоиться за нас. Тот, Другой освободил тебя от этого».

Что касается помолвки, то в том же письме он говорит:

«... должен тебе сообщить, — чтобы и ты разделяю мою радость, — что в январе состоялась моя помолвка с Марией... Я убежден, что этот шаг послужит на благо нам обоим, хотя в настоящий момент для меня это еще непонятно».

Бонхоффер приводит слова из песнопения, которое он часто повторял в тюрьме как молитву: «Радость и страдания подкрадываются ночью; но они покидают тебя незаметно, чтобы рассказать Богу, как ты их пережил».

Вспомним, что своей невесте он писал о том, что, по примеру Иеремии, своей женитьбой они ответят «да» «земле Бога»:

«Нужно находить Бога и любить Его во всем, что Он посылает нам в текущий момент. Если Он пожелает посетить нас несказанной радостью, не будем более правоверны, чем Он Сам, чтобы не повредить этой радости самонадеянными и дерзкими мыслями или безудержным религиозным воображением, не способным довольствоваться тем, что Он нам дает».

Благословлять Бога и принимать все, что исходит от Него — именно это ведь говорил и Паскаль: «все случающееся с нами подобно наставникам, приходящим к нам из рук Божиих. Нужно уметь слушаться их».

Познав в тюрьме ностальгию, которая излечивается только строгой дисциплиной, Бонхоффер понял, что и действие может стать эквивалентом ностальгии в несбыточных желаниях будущего. Это было ложное действие, лишенное реализма, ибо происходит оно не в настоящем, а в мечте. Он знал, как может искушать воображение песня, доносящаяся с воли:

«Я сидел в камере верхнего этажа: в здании стояла тишина; несколько птиц еще продолжали петь, вдалеке слышался голос кукушки. Эти долгие, теплые вечера, которые я проводил здесь уже во второй раз, немного удручали меня. Так тянуло из этих стен, что можно было надевать слупостей...»

Как же быть? Как отогнать желания? Ведь они угрожают вспыхнуть в один прекрасный день с неодолимой силой:

«Видишь ли, я бы не посмел в этот вечер представить себе, что сижу с Марией около вас, в вашем саду на берегу реки и беседую с вами до темноты. Это было бы для меня пыткой, причинило бы физическую боль. Поэтому я ищу убежища в размышлении, в переписке и отмечаю желания, чтобы защитить себя от себя самого».

Бонхоффер знает свою слабость, но понимает, что человек не должен цепляться за свои желания. Свобода для него не в «разбегающихся мыслях», а в действии. Самый свободный человек есть тот, кто приобретет наибольшую власть над своими решениями, над самим собой: «Разорви круг твоих тревожных сомнений и встречай лицом к лицу бурю событий».

Страдание — это тоже путь свободы при условии, что человек высоко ценит дорогой ценой приобретенную свободу. Когда почва выходит из-под ног, когда окружают только бедствия и муки, ап. Павел говорит: «...хвалимся скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим 5.4).

Для Бонхоффера страдание составляет то высокое и опасное дело, дело необходимое, которое он взял на себя и с которым справился. Не помышляя о том, что могло бы быть и чего не будет, и не умаляя важности и необходимости того, что он делал, Бонхоффер «предает свое дело в руки Бога», как псалмопевец и Иисус предавали дух свой в руки Отца. Бонхоффер убежден, что Господь закончит дело с совершенством:

«...ты отдаешь в руки более сильные все, что праведно; и тебе становится легче.

На одно мгновение ты достиг радости свободы, и ты отдаешь ее Богу, чтобы Он завершил ее во всем великолепии».

Бонхоффер постигает различие между христианами и язычниками и говорит об этом в другой поэме, написанной в тюрьме в тот же период:

Люди приходят к Богу в своей нищете

И просят о помощи, о счастье, о хлебе,

*О спасении от болезни, от греха и от смерти,
Так поступают все, христиане и язычники.*

*Люди приходят к Богу в Его Страстях
И видят, что Он беден, унижен, без крова и хлеба,
Что Он изъязвлен грехом, слабостью и смертью,
Христиане остаются с Богом в Его страданиях.*

*Бог приходит ко всем людям в их бедствиях,
Бог укрепляет их душу и тело Своим хлебом,
За христиан и за язычников Бог принимает крестную смерть,
Его прощение — для всех, христиан и язычников.*

Все, что он не сумел завершить, Бонхоффер передает в руки Богу, и Его Бог — это Иисус в Гефсимании. Это Бог страдающий, «положивший душу Свою за друзей Своих».

В конечном итоге свобода для Бонхоффера есть концентрация усилий на главном. В дисциплине, в действии, в страдании, в смерти свобода есть результат устремленности к единственно необходимому. Он дает удивительное определение свободы, записанное на клочке бумаги: «Что такое свобода? Это любовь к свободе в тюрьме».

И никто не может отнять такой свободы, потому что она внутри. В своих записках о «Свободе и послушании» Бонхоффер резюмирует не только размышления последнего периода, но и всю свою жизнь:

«Иисус стоит перед Богом как человек, свободный в послушании. В послушании Он исполняет волю Отца, во всем подчиняясь предписанному законом. В свободе, путем личного решения, глядя правде в глаза и с радостью в сердце, Он отвечает «да» божественной воле. Словно бы воля Бога становится Его собственной волей. Послушание без свободы есть рабство, свобода без послушания есть своеволие. Послушание связывает свободу, свобода облагораживает послушание. Послушание связывает творение с Творцом, свобода возвышает его до Творца, сотворившего его по Своему образу и подобию».

Мысль Бонхоффера остается незаконченной, жизнь же его завершается в одновременном пребывании и среди людей, и с Богом, причем такое пребывание, исполненное свободы и послушания, куплено ценой всех четырех «состояний»: дисциплины, действия, страдания и смерти, — и каждое стояние есть прелюдия к воскресению.

Что же означает молиться в понимании Бонхоффера? — «Приготовиться к тому, чтобы принять Слово как указание, данное мне лично, в моих личных задачах, моих решениях, моих грехах и моих искушениях».

То, в чем наставлял Бонхоффер будущих пасторов в Финкенвальде, он пережил на собственном опыте.

ХОДИТЬ ПРЕД БОГОМ

Закончим наш рассказ о молитве и великих молитвенниках только одним заключением. Может быть, мы окажемся в роли Наамана Сирийского, который не захотел окунуться в Иордан, такой мелководный по сравнению с большими реками его страны, — уж слишком это казалось простым, чтобы излечиться от проказы. Но мы должны понять, что все пути встречи с Богом просты, причем это вовсе не означает ни примитивности, ни даже легкости.

В связи с этим обратимся еще раз к Слову Божию, к тому известному месту Библии, где речь идет о встрече Илии с Богом на горе Хорив. Илия переживает испытания. Удрученный преследованиями врагов Ягве и своей собственной слабостью («я не лучше отцов моих»), он скрывается в пустыне; проснувшись и подкрепившись чудесной пищей, он в течение сорока дней и сорока ночей идет к горе Божией — к Синаю (названному здесь — Хорив), к той самой горе, на которой Бог открыл Свое имя Моисею и дал ему Закон. Так Илия возвращается к источнику веры своих отцов, он идет навстречу Богу. Заметьте, путь был длинным, — эти сорок дней напоминают о сорока годах Исхода и предвещают сорок дней искушений Иисуса в пустыне, — и встреча с Богом не определена ни по времени, ни по месту; нужно просто идти навстречу, смиренно и терпеливо. И Господь таинственным способом поддерживает нас в пути, даже если мы этого не замечаем.

И когда он пришел на Хорив, было к нему Слово Господне: «Выйди и стань на горе пред лицом Господним». И Господь прошел перед ним. Поднялся «сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы перед Господом; но не в ветре был Господь. После ветра — землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения — огонь; но не в огне Господь. После огня — веяние тихого ветра. Услышав сие, Илия закрыл лице свое милотью своею, и вышел и стал у входа в пещеру. И был к нему голос...» (3 Цар 19. 11-14). Приведем комментарий Иерусалимской Библии: «веяние тихого ветра» символизирует духовность Бога и сокровенность Его разговора с пророком, но... внимание! Ведь были и буря, и ветер, и землетрясение, символизирующие страшные повеления, данные пророку. Если слово Господне подобно веянию тихого ветра, то дела Его не всегда так кротки, нередко они устрашающи. Бог — это огонь пожирающий.

В книге *«Прекрасное сегодня»* Жюльена Грина я очень оценил одну фразу, принадлежащую старому духовному автору — Дюге — и прекрасно комментирующую это место Библии:

«Поскольку только голос Бога должен быть слышим, Он говорит тихо и как захочет. Малейший звук заглушает Его голос».

Речь идет не столько о внешних шумах — они подчас неустраимы, — сколько о грохоте, который может быть приглушен, и, в особенности, о нашей внутренней и личной неразберихе.

Чтобы состоялась встреча с Богом, мы должны помнить о трех вещах. Это, прежде всего, основная истина о повсеместном присутствии Бога, присутствии, которое в Библии обозначается как взгляд лица Бога. Второе положение, такое же фундаментальное, вытекающее из первого: постоянно искать присутствия Бога: «Должно всегда молиться» (Лк 18. 1). И, наконец, рассмотрим самые несложные пути ко встрече с Богом.

“Лицо Бога всегда и везде обращено на нас.”

Жить в присутствии Бога

Итак, прежде всего — постоянное и повсеместное присутствие Бога. В этом присутствии заключено величайшее сокровище для человека. Его хорошо выражает известная и красноречивая арабская поговорка: «Черного муравья на черном камне черной ночью, и того Господь увидит». Это универсальная экуменическая истина не только всех религий, но и великих философий, верных духу трансцендентности. Это также общее достояние человечества допотопных времен, патриархов в первых главах Книги Бытия.

«Ходить перед Богом» — выражение, которым Библия определяет во времена потопа лишь двух праведников среди развращенного человечества. Они не принадлежат к Израилю, ибо тогда еще не было Израиля, но предание почитало Еноха и Ноя друзьями Бога, ветхозаветными святыми, «святыми язычниками», как сказал о. Даниелу.

Еноху Библия отводит особое место: он седьмой праотец после Адама (Быт 5. 23). Семь — число знаменательное, число совершенное; и 365 лет жизни Еноха — также не случайное число: 365 — это год лет, т.е. столько лет, сколько дней в году. Но главное, «и ходил Енох перед Богом», — говорит Библия с поразительной лаконичностью; это означает, что он жил в постоянной близости к Богу, что он был посвящен в Божественные тайны. И затем: «Не стало его, потому что Бог взял его». Личность Еноха очень важна для иудейского предания: это не просто легенда, украшение истории, — автор Послания к Евреям ссылается на него как на свидетельство веры предков (Евр 11. 5).

То же самое мы читаем о Ное: «Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил перед Богом» (Быт 6. 9). Итак, Ной тоже жил в постоянной близости к Богу. Далее мы подходим к Аврааму: «Господь явился Аврааму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен» (Быт 17. 1). С Авраамом дело обстоит точно так же, как с Енохом и Ноем. Ослабела ли в наши дни эта близость к Богу первых времен? Енох, Ной и Авраам ходили в присутствии Бога, как ходят с другом по дорогам. Может быть, само выражение и кажется нам устаревшим, но суть его остается вполне ясной.

Как же дело обстоит с нами? Сохраняет ли для нас силу это «хождение перед Богом»? Ибо и в нас должно продолжаться пророчество Захарии и исполняться обетование: «и помянет Святый Завет Свой, клятву, которую клялся Он Аврааму, отцу нашему во все дни жизни нашей» (Лк 1. 71-75). Сильна и крепка вера отца св. Иоанна Крестителя, в ней он акту-

1. 71-75). Сильна и крепка вера отца св. Иоанна Крестителя, в ней он актуализирует для всех поколений обетование, данное Аврааму восемнадцать веков тому назад.

Эти восемнадцать веков не были веками молчания. Как связующее звено между патриархами и Захарией звучит обвинение пророка Михея:

«Слушайте, что говорит Господь:

Встань и судись перед горами, и холмы да слышат голос твой! Слушайте, горы, суд Господень, ибо у Господа суд с народом Своим.

С чем предстать мне перед Господом, преклониться перед Богом небесным? Предстать ли перед Ним со всесожжением, с тельцами однолетними?... Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего — за грех души моей?

О, человек! сказано тебе, что добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренно ходить перед Богом твоим».

И вот снова мы читаем о хождении перед Богом; дословно это должно было звучать так: «и сделать смиренным твое хождение перед Богом».

Присутствие Божие есть неиссякаемое сокровище для всех людей, и мы должны поразмыслить о нем. Ведь псалмопевцы так часто останавливались на этом! В то время как мы ищем лицо Божие, Он постоянно смотрит на нас: «С небес призывает Господь, видит всех сынов человеческих» (Пс 32. 18). В этом заключена величайшая истина. Господь взирает на нас непрестанно. Это хорошо ощущают дети, и все меняется, когда это становится реальностью в жизни взрослых: «Храни меня, Боже; ибо я на Тебя уповаю» (Пс 15. 1). Бог выражает Свое благословение взглядом: «... так благословляйте сынов Израилевых, говоря им: Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!» (Числ 6. 22-27).

Взгляд Бога, обращенный на нас, является источником необъятного и глубочайшего чувства присутствия. Нужно задуматься над этой тайной, которая есть тайна Бытия. Это не придумано ни Аристотелем, ни св. Фомой Аквинским, это — сама наша жизнь. Мир есть постоянно продолжающееся сотворение. Вселенная зависит от Бога днем и ночью, секунда за секундой. И пламя маленькой свечи, и непостижимые галактики перестали бы быть, если бы Господь не сохранял их существование. Это не отвлеченная философия, — это основа всего космоса, истина первичная и такая простая. Молодой паренек рассказал мне как-то, как он сам пришел к этой истине. Он вырос среди нищеты и самых разнообразных бедствий, один из тех брошенных детей, которые растут на попечении общественных организаций. В конце концов он оказался в исправительном доме, один-одинешенек, без веры и без образования. И вот в один тоскливый день, рассматривая свою шариковую ручку, он подумал: «Сейчас она новая, но придет день, когда она испортится», затем, увидев строящийся дом:

«Этот дом новый, но когда-нибудь он станет ветхим и старым». И этот парень, не прочитавший ни одной книги, подумал: «А есть ли в мире что-то нестареющее?» В этот момент он прикоснулся к глубинам философии.

Есть ли в мире существо, которое не стареет? И этот смысленный невежда открывает для себя непостижимую тайну бытия. Мы, все мы являемся лишь существами «случайными», как говорят философы, т.е. существами, которые могли бы и не быть. Мы не обязательны в мире по сути своей. Ни один из нас не обязателен в этом мире. Если бы я был обязателен, «необходим», как опять-таки говорят философы, я был бы всегда и был бы вечно. Но так как я не был всегда и не буду вечно, я не необходим, и мои родители также не необходимы, и ничто в мире, как и мир сам, не является необходимым, обязательным. Всего этого могло бы и не быть.

Но ведь существо, которое не необходимо и которое все же существует, должно зависеть от какого-то необходимого существа. Как сделать, чтобы это дошло до нашего сознания? В каждое мгновение существо относительное и зависимое, каковым являюсь «я», т.е. существо не необходимое, нуждается в другом необходимом существе. Вот сравнение, которое поможет нам это понять: можно представить себе тысячи миллионов зеркал, отражающих свет; они отражают луч света друг другу, но должен быть первоначальный источник света, потому что сами зеркала не являются светом, они должны его получить. Без первоначального света, который переходит с одного зеркала на другое, была бы темнота. Они всего лишь рецепторы и передатчики, они освещаются, только участвуя в процессе освещения. Точно так же и с существом: мы получаем извне свое существо и существование, но сами не являемся их источником. Именно это пытался определить тот паренек — существо, которое не только не состарится, но для которого бытие станет определением, т.е. которое не может не быть.

Наше представление о Боге будет преуменьшенным и урезанным, если мы не уясним различия между Ним и нами. Один Бог суший, только Он не может не быть, и все, что существует вне Его, от Него получает свое бытие, за исключением небытия. Он есть Суший, а я лишь обладаю существованием, получая его. И хотя это простая вещь, она требует углубленного размышления: осознать, что наше существование необязательно и что только Господь вызвал его к жизни из небытия. И тогда непрочность приобретает особую ценность: Я существую, тогда как ничто во мне не обуславливает моего существования! В тот день, когда эта истина становится для нас ярким светом (а не философской проблемой), между нами и Богом устанавливаются постоянные отношения, проявляется любовь Божия. Если я существую в этот момент, если я присутствую в этом мире, если я пребуду в нем еще немного, то это оттого, что Господь поддерживает мое существование. Я словно через пуповину связан с Богом. Эти часы, этот лист бумаги, это пение птиц — все это, долгоживущее или эфемерное, существует только потому, что Бог питает это от своего собственного существа. Псалом 103 великолепно выражает эту мысль в форме бо-

лее простой, чем это сделал я; но сказанное мною может вам помочь глубже осознать ее.

«Скроешь лицо Твое — мнутяся; отнимешь дух их — умирают, и в персть свою возвращаются. Пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лицо земли».

Это и есть присутствие, вездесущность Бога, и я постигаю мою причастность к этому: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян 17. 28). Разве цветок может забыть о стебле, который его поддерживает и питает ежеминутно? Я всегда буду крошкой неистребимого хлеба Господня или, по прекрасному выражению Маритена: «Я совершенно безразличен миру, но я не безразличен Богу». Поэтому, и только поэтому, я являюсь такой важной личностью для самого себя. Если я здесь, значит, Бог обо мне думает. Отец ожидал возвращения блудного сына, но сделать сам ничего не мог. Бог же непрерывно дает мне жизнь в сокровенных глубинах моего существования.

Великая мысль о присутствии и вездесущи Бога порождает другую мысль — об исходящей от Него благодати. Через благодать Бог вводит меня в Близость с Ним. Бог, дающий мне бытие, через Сына делает меня сыном. Поэтому я могу произносить слова «Отче наш». Я становлюсь обиталищем Духа Святого.

Святые и мистики не только не противопоставляли, но никогда и не разделяли эти две формы присутствия Божия: благодать они связывали с присутствием Бога. О ком бы ни шла речь, о св. Терезе Авильской, св. Хуане де ла Крус, св. Франциске Сальском или св. Франциске Ассизском или других святых, «мы всегда обнаруживаем ту же предельно ясно выраженную мысль: Бог присутствует в самой сокровенной глубине нашего существа, и потому мы встречаем Его, погружаясь в себя» (Конье).

Эти две формы присутствия Божия, из которых одна представляет то, что наиболее ощутимо в мире, а вторая приобщает к живому присутствию в нас Святой Троицы и приносит глубокое умиротворение.

Каждый говорит о Нем по-своему. Ап. Павел говорит: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим 5. 28).

«О Пресвятая Троица, исполненная мира: Бог мира и спокойствия, умиротворяющий все!» — гласит средневековая латинская поэма. Слова псалмопевца «Я укрылся в руках Божиих» намного более справедливы, чем если бы мы сказали о птице, что она укрылась в наших руках, ибо мы находимся в руках Божиих всей глубиной нашего существа. И потому мы можем быть, по выражению сестры Елизаветы Св. Троицы, «спокойны и неподвижны, словно мы уже в вечности». В вере я прихожу к Богу, Который присутствует здесь, рядом. И когда нас постигают житейские бури и разочарование, когда мы твердим «надоело все», «с меня хватит», мы находим успокоение в такой мысли: я не могу сомневаться в присутствии Бога, потому что я существую и Господь сохраняет меня Своим взором.

Сила моя в поиске лица Божия: «Сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс 26. 8).

«Когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс 41. 3). «Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда» (Пс 104. 4).

И в этом поиске Бог двояко помогает мне, ибо всякое начинание исходит от Него, Его взор опережает мой собственный, я как бы вовлекаюсь в орбиту Его присутствия и незаметно оказываюсь в Его руках. Мусульманский мистик святой жизни Аль-Халлай прекрасно выразил это состояние: «Я призываю Тебя... Нет, то Ты призываешь меня к Себе; как мог бы я обращаться к Тебе, если бы Ты Сам не заговорил со мной?» Мы говорим словами псалмопевца «Я ищу лице Твое, Боже», но было бы правильнее сказать: «Ты ищешь образ Свой, Боже, в глубине моего сердца»; ибо Господь всегда ищет в нас образ Свой, образ и подобие.

Существует и другой царственный путь: мы открываем лицо Божие в Христе. Подобно тому, как благодать, присущая присутствию Божию, вводит нас в близость с Богом, так и лик Бога, явленный в Ветхом Завете открывается нам в обличье Христа: «Видевший Меня видит Отца Моего», — говорит Иисус Филиппу (Ин 14. 9). «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» — говорит ап. Павел (2 Кор 4. 6). Слава Божия освещает лик Христов, ибо «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил», — говорит ап. Иоанн (1. 18). «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей...» (Евр 1. 3). И через Христа мы сами преображаемся: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3. 18). И в жизни будет так: «И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их» (Откр 22. 4).

Св. Хуан де ла Крус пережил тайну преображения под взглядом Божиим:

*«Когда Ты смотришь на меня,
И потому, что Ты меня любишь,
Я ищу лик Твой
И могу поклониться всему, что вижу в Тебе.
Не отвращайся от меня,
Ибо если Ты увидел на мне пятна,
Посмотри на меня еще раз
После того, как Ты уже смотрел на меня,
Ибо Ты оставил мне Свою благодать и красоту.*

Простые способы встречи

Эти высокие истины о Боге не лежат за пределами достигаемости: простые способы — вспомним о Неемане прокаженном (4 Цар 5) — позволяют нам ходить пред Богом, ощущать Его присутствие. Первый из них в бенедиктинской традиции был назван «возвращениями к Богу». Нет ничего проще: я смотрю на Бога, Он смотрит на меня. Смотреть на Бога

прекрасно, но насколько прекраснее смотреть на Бога в то время, когда Он смотрит на меня... Взгляните на мать, которая катит своего малыша в коляске, уловите восхищенный взгляд и улыбку юной матери, когда ее ребенок смотрит на нее или просто спит. Нет ни одной женщины, которую бы не преобразила такая улыбка. Что же сказать о Боге, когда мы улавливаем Его улыбку! Мой взгляд встречает взгляд Бога, который падает на меня, словно отраженный в зеркале. Из такой встречи рождаются единство и любовь, и, как следствие, я исправляю в себе то, что не угодно Богу. Ведь когда я прохожу мимо зеркала, я поправляю галстук. Встретив же взгляд Бога, я внутренне привожу себя в порядок!

Что же нужно сделать, чтобы не забыть посмотреть на Бога, взгляд Которого на мне? Если мы действительно этим озабочены, мы должны на свой лад исполнить то, что автор Чисел повелел устами Моисея: пропустить пурпурную нить в бахрому шарфа или одежды; и тогда, увидев нить, мы вспомним сказанное нам Богом, чтобы претворить это в жизнь и быть «посвященными Господу». Пурпурная нить напоминает нам о святости народа Божия. Человек непостоянен и должен в смирении принимать также напоминания, ибо иначе «будет увлечен желаниями сердца и глаз своих». Так вот, что бы мы ни делали, закрыли ли дверь, поднялись ли по лестнице, мы можем считать эти действия за напоминания о «возвращениях к Богу». В монастырях для этого были колокола, а нам звук фабричного гудка или реактивного самолета могут напомнить, что пора взглянуть на Бога, смотрящего на меня. Это не серьезно, — возразите Вы. Однако не существует мелочей, когда ставка велика, когда речь идет о Самом Боге. Итак, согласно нашему распорядку дня, нашей деятельности, ритму наших передвижений, — например, в транспорте, при остановках, будем «возвращаться к Богу» и атмосфера станет иной. Святые не были всегда изобретательны. Они верили в простые и смиренные вещи. Именно поэтому они старались их исполнять.

Одной из разновидностей таких «возвращений к Богу» является сердечная молитва с постоянными призывами имени Иисуса: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Деян 2. 21). Сердечная молитва есть великая молитва в восточной традиции: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!» (Иисусова молитва). Это — призыв иерихонского слепца (Лк 18. 38), молитва мытаря: «Боже, будь милостив ко мне грешнику!» (Лк 18. 13). Повторение этой молитвы целыми днями восточные монахи называли «вдыханием имени Иисуса». Вдыхать аромат имени Иисуса, как мы вдыхаем любимый нами аромат Песни Песней. Такое вдыхание имени Иисуса становится подобным «дыханию сердца». Если произносить слова молитвы в ритме нашего дыхания, то это будет верно и в физическом смысле: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного».

Однако ни один метод и никакие харизмы не могут заменить смирение сердца. Все, о чем мы говорили, пробуждение внимания, призывание имени Иисуса, будет действенно, если есть смирение сердца. Вот советы

одного восточного монаха, старца Силуана, родившегося в России в 1866 году, ставшего монахом на Афоне в 1892 г. и умершего в 1938 году. Как видите, он почти наш современник. Он был крестьянином, соблазнил девушку, убил человека и стал монахом. На родине к нему относились плохо, и он отправился на Афон. Силуан говорит следующее:

«Если ты хочешь достигнуть сердечной молитвы и тебе это удастся, довольствуйся молитвой губами и вникай в то, что ты говоришь. Постепенно Господь даст тебе дар внутренней молитвы, и ты станешь молиться, не отвлекаясь. Не пытайся другими средствами достигнуть сердечной молитвы, ты принесешь вред своему сердцу и сможешь молиться только губами».

Итак, нужно, чтобы молитва исходила из глубины, от Самого Бога, здесь присутствующего.

«Прими порядок духовной жизни: Господь посылает Свой дар душе смиренной и правдивой. Будь послушен, соблюдай меру во всем, в пище, в словах, в походе: только тогда Господь пошлет тебе милость внутренней молитвы».

И Силуан добавляет:

«Смиренная душа подобна морю; если кто-нибудь бросит в море камень, поверхность воды заколеблется на мгновение, а затем камень пойдет на дно. Так и всякая беда тонет в смиренном сердце, ибо с ним сила Божия».

Смирение сердца включает также и любовное отношение ко всем событиям. Этому учил о. Коссад: «В каждом мгновении заключено задание, которое мы должны исполнить с верностью». Он любил приводить сравнение с часовой стрелкой, которая каждую минуту проходит свой путь на циферблате, не заботясь ни о пройденном пути, ни о предстоящем. Так же прост ответ Марии: «Да будет мне по слову Твоему». Такое же приятие воли Божией должно быть и в малых делах. «Сила Всевышнего осенит Тебя», но такая сень, являющая (или скрывающая) присутствие Бога, может быть неясной, вводящей в заблуждение. Видимые вещественные знаки обманчивы, вера же стремится к невидимому присутствию Божию. Это хорошо понимала Мадлен Дельбрель, пережившая этот опыт как женщина, как поэт и как дочь Божия:

«Дело не в том, чтобы проводить время. Нужно научиться одиночеству в каждый момент, когда жизнь посылает нам паузу. А жизнь полна таких пауз, которые мы можем или открыть для себя или потратить впустую».

В самый тяжелый и пасмурный день — с какой отрадой мы можем предвидеть все возможности встретить Бога».

Как радостно сознавать, что можно поднять к Тебе взор, пока стоишь над плитой, пока раздаются в телефоне короткие гудки «занято», пока идешь по дорожке сада, чтобы сорвать укропу в салат».

Какие удивительные «пустоты» открывает она нам... Рассказывают, что св. Жанна де Шанталь спросила однажды св. Франциска Сальского,

прочитал ли он в этот день молитвенное правило. «Сегодня нет, дочь моя», ответил Франциск, и, указав на огромную стопку писем, добавил: «Эта работа стоит молитвы». Плохо, если мы с легкостью будем себя убеждать, что наша работа заменяет молитву! Так бывало у св. Франциска в конце жизни. До этого он годами молился и на склоне лет был волен сам решать, можно ли вместо молитвы заняться письмами. Но будем осторожны... ведь нам далеко до св. Франциска Сальского.

Для каждого человека, необразованного или культурного, земледельца или рабочего, во всякое время, вчера, сегодня или завтра повседневная жизнь в присутствии Божиим составляет величайшую тайну молитвы и мира. Как не вспомнить брата Лорана Воскресения, кармелитского монаха, вся жизнь которого была сплошным бдением в присутствии Божиим? «Со времен моего послушничества я был поглощен постижением Существа Божия (божественное присутствие не должно быть отвлеченной идеей) до такой степени, что проникнутый величием такого безграничного Существа, я закрывался на кухне — месте, предназначенном мне послушанием». Случалось, что причудливые мысли силою вытесняли Бога, тогда брат Лоран тихонечко отворил их в сторону. «Время работы, — говорил он, — ничем не отличается от времени молитвы. В хлопотах по кухне, когда несколько человек одновременно спрашивали меня о разных вещах, я сохранял Бога в душе с таким же спокойствием, как если бы я стоял на коленях перед Распятием». Но для этого нужно научиться жить с постоянным ощущением присутствия Божия. «На путях к Богу, — продолжает он, — от мыслей зависит очень мало, все творит любовь». Господь не взвешивает, много ли мы сделали. Он взвешивает, сколько мы вложили любви в наши дела:

«Вовсе не обязательно исполнять великие дела. На кухне я переворачиваю на сковороде яичницу во имя любви Божией: когда она зажарится, если у меня нет других дел, я протираюсь на полу, благодаря Бога, пославшего мне Свою благодать, и когда я встаю, то чувствую себя счастливее короля. И если нет других занятий, для меня достаточно поднять соломинку с земли во славу Божию».

Случилось так, что настоятель отправил его из Парижа в Бургундию за вином; у брата Лорана болела нога, и он хромал; он не мог ходить по палубе и передвигался, перекатываясь вместе с бочками; но он ничуть не огорчился, потому что знал, что Господь рядом. Смиранные особы, позволяющие нам ощутить присутствие Бога, приносят огромное умиротворение в наших делах.

«Ходи предо Мною и будь совершенен...» Почему же это хождение перед Богом приводит к совершенству? Потому что при этом неустанно и неукоснительно, изо дня в день, на протяжении всей жизни, запечатлеваются в сердце нашем слова Иисуса: «Кто не откажется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником». Нужно «перестать находиться в том или ином месте, перестать быть привязанным к какому-либо месту, к вещи, существу или надежде», — поясняет Густав Тибон. Речь идет не о безраз-

личии, но о величайшей свободе, исполненной истинной любви, которая превосходит любовь к отдельному существу, вещи, словам или миру и которая в лучах божественной благодати «пользует, словно не пользуя», подобно Купине Неопалимой, которая горела и не сгорала.

И тогда мы становимся как бы передатчиками божественного излучения. И тогда любое событие, перед которым мы оказываемся, переживается нами с верою и надеждой:

«Господь мой, верю... надеюсь...

— Почему?

— Потому что Ты так сказал, Ты обещал, потому что Ты — Бог истинный и верный».

Что бы ни случилось в жизни, опора наша заключена в этом «потому что», потому что *Бог есть Бог*.

А любовь ?

«Живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал 2. 20).

Потому что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3. 16).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Отца Жака Лёва я видел много раз.

И тогда, когда в Советском Союзе за плотно задернутыми шторами, с закрытыми окнами и форточками, в полуобморочной духоте он служил.

И тогда, когда на чей-нибудь квартире в Москве 10-15 слушателей участвовали в беседе о. Жака о том, как он жил священником-рабочим и каким образом опыт подобной жизни верующего человека можно применить слушателям в своей каждодневной жизни в атеистической сверхдержаве.

И тогда, когда у себя на квартире спорил с о. Жаком о том, что у нас, в СССР, не рабочие являются основными участниками предлагаемых им конструкций жизни христианина, а пролетарии умственного труда. То есть учителя, инженеры, младшие научные сотрудники без степени, с двумя и более детьми, с зарплатой 130-170 рублей и без каких-либо перспектив в жилищном вопросе.

Для отца Жака жизнь рабочих в СССР была открытием. Он понял, что советского рабочего с работы не выгоняют, а, только если он сам запил, то при длительном периоде запоя может и пострадать. Зарплата выплачивается без задержек и сама она больше окладов инженеров, учителей, младших научных сотрудников...рабочий при некоторой расторопности получит путевку в дом отдыха, и даже подсобный рабочий легко найдет себе место.

В Москве отцу Жаку в основном удавалось встречаться со старшими научными сотрудниками, заведующими лабораториями, профессорами, которые не очень уж и бедствовали, хотя жаловались сильно и ощущали себя раздавленными режимом, а еще с поэтами, домохозяйками, многодетными семьями...

Отец Жак во все глубоко вникал, спорил, соглашался, убеждал, но вот встречи именно с оптимальным контингентом для помощи, практически не получались, время шло, так что задача помощи как-то само собой переложилась на старших научных сотрудников со степенью. Пусть поверят, обживутся, обучатся и пойдут в народ.

Так и порешили.

Отмечу два важных момента из тех встреч с о. Жаком. Он всегда внимательно и с уважением выслушивал собеседника, не наступал на него со своими позициями, не прерывал, а, даже если ему несли вообще какую-то чепуху, все равно разбирал предлагаемую ему позицию собеседника, уточнял его понятия и предложения и не навязывал своих взглядов и возражений. Это резко расходилось с правилами обсуждения в СССР. Внимательность и доброжелательность, а не агрессивность поражала. Второй удивительный момент заключался в том, что он не выделял мужчину как своего основного собеседника и не прерывал беседы в случае временной отлучки мужчины. Отец Жак продолжал совершенно также внимательно, обстоятельно и доброжелательно беседовать с оставшими-

ся женщинами, не считая, что потом надо будет все повторять для, так сказать, основного собеседника. В СССР так по-настоящему на равных с женщинами не общались.

Сейчас, когда бедная безысходность охватила десятки миллионов человек только в России, деятельность отца Жака Лева, его советы, книги, опыт, манера ведения дел приобретают гораздо большее значение, чем в те, в чем-то простые и смешные, годы Советского Союза. Многие вопросы и противоречия тех лет ушли в прошлое, а сущность предлагаемого отцом Жаком стала нужнее, важнее и понятнее. Но самого отца Жака уже нет с нами. Он умер в 1999 году. Остались книги, ученики, наработанные им структуры, методы, советы...

Последний раз я виделся с отцом Жаком Левом в 1992 году у теперь известного в России писателя и профессора Иву Амана. Отец Жак к тому времени уже несколько лет жил в монастыре, но он приехал к Иву Аману и живо, с интересом расспрашивал нас о жизни в России.

Было видно, что сам он живет в другом мире. Это не отталкивало, не являлось стеной, вообще каким-либо препятствием, не казалось и не являлось на самом деле высокомерной позицией: вы там еще копошитесь, а я уже здесь, в другом мире, на другой ступеньке жизни. Наши рассказы не показались ему суетой, чем-то не важным, второстепенным. Совсем нет. Он участвовал активно и широко. Но в то же время что-то уже другое, бесконечно большое и теплое, ласковое и спокойное шло от отца Жака.

Он любил и любит Россию. Он и сейчас с нами.

«Великие Учители молитвы» - одна из наиболее известных книг о. Жака. Выходила она и на русском языке еще во времена Советского Союза (да, конечно, в издательстве «Жизнь с Богом»). В России книга выходит впервые.

Почитаем. Подумаем. Помолимся.

Помолимся. Почитаем. Подумаем.

Помолимся.

Книги отца Жака Лева – это творческий, живой и теплый очаг помощи, а не добрые, мудрые, учительские рекомендации прошлого.

Будут изданы на русском языке и другие, менее известные книги о. Жака. Они нужны нам, обыкновенным работягам земного шара. Они и написаны для нас, обычных и земных христиан, практически независимо от страны проживания и от конфессии.

И они сейчас очень нужны России.

Михаил Работяга

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Введение	8
Авраам	11
Иаков	20
Моисей	30
Давид	43
Анавим	52
Иисус	62
Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его	71
Апостол Павел	80
Молиться вместе с Девой Марией	89
Молитва в средние века	97
Святая Тереза Младенца Иисуса: дивная алхимия искупления ..	107
Все святые, или смирение сердца	114
Дитрих Бонхоффер	123
Ходить пред Богом	138
<i>Послесловие</i>	148

Священник Жак Лёв
Великие Учители молитвы
Перевод с французского

Ответственный за выпуск М. Т. Работяга
Макет Т. М. Альбеткова

Издание стереотипное, исправленное
Корректор Т. М. Альбеткова

Сдано в набор 01.10.2001. Подписано в печать 01.11.2001.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 999.

«Учитель! научи нас молиться», — просил Иисуса ученик, имя которого осталось неизвестным; и просьба эта положила начало самому большому в мире потоку молитвы, той молитвы Господней, которую повторяли изо дня в день, от века к веку, которую так часто молчаливо твердят в глубине сердца и поют во весь голос в хоре праздничной толпы.

Хорошо, что мы ничего не знаем об этом ученике. Безымянность этого человека подобна Неизвестному Солдату, она представляет сразу всех нас. Мы, безымянное множество людей, которые понимают, что не умеют молиться, отображены присутствием в этом неизвестном молитвеннике. «Учитель! научи нас молиться», — говорит он от нашего имени.